

М. Ю. Лачаева

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РОССИИ (дореволюционный период)

Учебник для бакалавров

Прометей
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Марина Лачаева

**История исторической науки
России (дореволюционный
период): учебник для бакалавров**

«Прометей»

2018

УДК 94(470+571) + 930.1(091)(075)
ББК 63.3(2)я73

Лачаева М. Ю.

История исторической науки России (дореволюционный период):
учебник для бакалавров / М. Ю. Лачаева — «Прометей», 2018

ISBN 978-5-907003-94-1

Учебник разработан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 46.03.01 История (уровень бакалавриата)». Он содержит необходимые сведения из истории исторической науки России дореволюционного периода. Рекомендуется использовать при изучении дисциплин «История исторической науки», «История России (до XX века)», «История России (XX в.)», «История общественной мысли», «История культуры». Соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования последнего поколения. Текст может быть полезен для студентов вузов, углубленно изучающих гуманитарные науки, а также всем интересующимся пониманием и изучением истории мысли и культуры Древней Руси исторической и Московского царства, а также исторической науки Российской империи.

УДК 94(470+571) + 930.1(091)(075)

ББК 63.3(2)я73

ISBN 978-5-907003-94-1

© Лачаева М. Ю., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Введение	7
Раздел 1	8
Глава 1	8
Контрольные вопросы	11
Рекомендуемая литература	11
Глава 2	12
2.1. истоки русской исторической мысли	12
Контрольные вопросы	17
Рекомендуемая литература	17
2.2. Историческая концепция митрополита Илариона Киевского. «Слово о Законе и Благодати» – жемчужина древнерусской письменности XI века	17
Контрольные вопросы	23
Рекомендуемая литература	23
2.3. Круг чтения древнерусского автора. Самоидентификация и взаимодействие культур	24
Контрольные вопросы	31
Рекомендуемая литература	31
2.4. Русские летописи как историографический источник: Повесть временных лет	31
Контрольные вопросы	37
Рекомендуемая литература	37
2.5. «Слово о полку Игореве» – источник светской исторической мысли Древней Руси XI–XII вв	37
Контрольные вопросы	40
Рекомендуемая литература	41
Выводы к главе 2	41
Глава 3	43
3.1. Общая характеристика	43
3.2. Мировоззрение и исторические представления русских средневековых авторов	43
Контрольные вопросы	45
Рекомендуемая литература	46
3.3. Национальная старина как источник исторической памяти, духовного развития и концепции освобождения Русской земли	46
Контрольные вопросы	52
Рекомендуемая литература	53
Выводы к главе 3	53
Глава 4	55
4.1. Общая характеристика	55
4.2. На пути к официальному летописанию: общерусские летописи и местные интересы	56
Контрольные вопросы	62
Рекомендуемая литература	62

4.3. Русские летописи в системе европейского исторического знания XV–XVII веков	63
Контрольные вопросы	68
Рекомендуемая литература	69
4.4. Хронографы	69
Контрольные вопросы	71
Рекомендуемая литература	71
4.5. Москва – Третий Рим	71
Контрольные вопросы	75
Рекомендуемая литература	75
4.6. Генеалогическая концепция обоснования власти Московского государства	75
Контрольные вопросы	80
Рекомендуемая литература	80
4.7. Публицистика как историографический источник	80
Контрольные вопросы	85
Рекомендуемая литература	85
Выводы к главе 4	85
Глава 5	88
5.1. Общая характеристика	88
5.2. Перемены в историческом сознании под влиянием испытаний «Смуты»	89
Контрольные вопросы	93
Рекомендуемая литература	93
5.3. Историки – «чиновники». Роль Посольского и Записного приказов в развитии исторических знаний. «Скифская история» А. И. Лызлова – первая научная отечественная монография. Концепция династии Романовых Ф. И. Грибоедова	93
Контрольные вопросы	98
Рекомендуемая литература	99
5.4. Первый печатный труд по российской истории – «Синописис». Концепция русского единства	99
Контрольные вопросы	101
Рекомендуемая литература	101
5.5. Кризис концепции «Москва – Третий Рим». Формирование предпосылок для рождения исторической науки в России	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Марина Лачаева

История исторической науки России (дореволюционный период)

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования

«ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Рецензенты:

Фомин Вячеслав Васильевич, доктор исторических наук, профессор. Липецкий государственный педагогический университет;

Блохин Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов.

Лачаева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Введение

Основу учебника истории исторической науки дореволюционной России составили лекции, прочитанные автором студентам Московского педагогического государственного университета и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Лекции читались в рамках курса дисциплины «История исторической науки»; в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом для направления подготовки 46.03.01 «История» (уровень бакалавриата) в базовой части основных образовательных программ, входящих в профессиональный цикл.

В учебнике показано, каким образом в отечественной исторической литературе выстраивались причинно-следственные связи историографических явлений; сменяли друг друга направления, школы и теории. Крупные ученые, как правило, не укладывались в рамки одного направления и их отнесение к той или иной школе является достаточно условным.

Российская историческая мысль и наука принадлежат национальной культуре. В изучении их генезиса приоритетной является национальная мыслительная традиция и ее свойства. Дореволюционная российская историческая наука вобрала в себя богатейшую культурную традицию Древней Руси. Переход «от исторических знаний к науке» оказался возможен благодаря культурной и интеллектуальной среде, сложившейся в России к концу XVII века. В период Российской империи отечественная историческая наука оформилась и раскрыла присущие ей свойства.

История исторической науки России представляет собой макрообъект и требует своей макро характеристики. Она исключает чрезмерно детальные описания и интерпретации историографических фактов, но сохраняет те, в которых отражаются состояние науки, ее развитие и присущие ей закономерности, а также исторические представления, характерные для каждого конкретного периода истории нашей страны. Историографический метод позволяет проследить эволюцию исторических представлений и знаний; выделить этапы и наиболее устойчивые, характерные для определенной модели исторического мышления черты.

Учебник разработан доктором исторических наук, профессором М.Ю. Лачаевой в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Раздел 1

Развитие исторической мысли древней Руси IX–XVII веков

Глава 1

Историческое сознание, историографический метод и национальная мыслительная традиция

История отечественной исторической науки тесным образом связана с историей своей страны и мира. В осмыслении истории, которая не проходит бесследно, и вызванных ею «переживаниях» формируется само понятие «истории». Для каждого времени и отдельной страны понятие «истории» имело характерные черты. История – важный компонент национального сознания; поиски смысла в истории направляют вектор национальной традиции осознания исторического бытия. Поскольку категория «смысла» шире понятия «значения», так как *смысл* приписывается целому, а не частному, зафиксированная в текстах история становится результатом осмысления, понимания и толкования. Отражаясь в сознании, исторические события рассказываются, передаются из поколения в поколение или через поколение(я), формируя традицию.

С появлением письменности исторические события фиксировались в текстах, которые не только отражали познание истории, но становились формой и способом ее познания. Неслучайно текст, освещающий исторические события, обладает свойствами преобразованной в сознании историка исторической действительности. Эта действительность, находясь в прошлом, порой настойчиво проявляет себя в настоящем.

Изучая историческую действительность, *историк* оформляет и структурирует ее в виде повествовательного изложения или логически-формализованной событийности, представленной в тексте. В раннем и зрелом русском средневековье историческую событийность передавал *летописец*. В XVII в. ему на помощь пришел, по выражению В. О. Ключевского, «*исторический мыслитель*». Позднее – историограф или «историописатель» – историк.

Мир письменных традиций создавал «содержательную наполненность самого процесса протекания времени»¹, начало которого первоначально излагалось мифологически. Древние цивилизации принимали из рук первобытных культур присущие им «мифологические модели мышления, речи и действия непосредственно»².

Принимая от предыдущей цивилизации присущую ей модель мышления, каждая последующая цивилизация ее развивала, усложняла, преобразовала или отказывалась от этой модели. В опосредованном, осложненном, преображенном виде ее наследовала культура следующего исторического этапа (или периода), нередко дистанцируясь от предыдущего этапа или противопоставляя себя ему.

В понимании исторического осмысления важную нагрузку несут *историографические описания*. Их выявление требует внимательного прочтения текстов, а изучение открывает возможности для синтеза теории и методики истории науки. Историогра-

¹ Аверинцев С. С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах. – Т. 1. – М., 1995. – С. 432.

² Там же.

фические описания характеризуют мировоззренческие и концептуальные положения и элементы, а также общие представления историков.

Отбор историографических фактов и их анализ, построение обобщений дают основание историку для *определения места конкретного историографического события в науке и общественной жизни. Каждый памятник исторической мысли тесными нитями связан с другими текстами, написанными не только предшественниками, но и современниками. Автор исторического памятника может не только следовать определенной традиции, но и полемизировать с ней, либо искать новые подходы, определив собственную методологию исследования.*

Проблемы исторического сознания и исторических представлений входят в *теорию истории исторической науки*. Ее важным научным принципом является рассмотрение *процесса использования в науке историографического источника* (в любом его жанре: монографическом, в форме статьи, рецензии, некролога, а также источниках личного происхождения, содержащих информацию о развитии исторической науки), причем, не только в то время, когда он был составлен, но и позднее.

Задачей историографического анализа является выявление и анализ связей между системой взглядов конкретного автора и более широким интеллектуальным контекстом – представлениями современной ему эпохи. Для ее решения необходимо выделение в тексте историографического источника концептуальных идей, имевших важный смысл для современников, а также наиболее распространенных, установившихся взглядов, которые оказывали влияние на историческую мысль.

Данная работа полезна не только при изучении творчества отдельного автора, но и при целенаправленном изучении роли конкретного историографического источника в истории науки. Историографический подход используется при выяснении причины обращения ученых к определенному источнику. Он может быть также полезен при постановке задачи рассмотрения историографического ландшафта конкретной эпохи, выявления взаимовлияния идей, их воздействия на приходящие им на смену исторические представления.

Несмотря на большое значение для авторских текстов личных вкусов историков (их образования, образа и способа выражения мысли), магистральное развитие исторических знаний и исторической науки все же определяли крупные мировоззренческие движения и исторические условия, в которых жили историки. Поэтому составляя историографическое описание творчества конкретного ученого, полезно включать в него *существенные* элементы, характеризующие не только мировоззрение изучаемого автора, но и «воззрения его эпохи».

Последовательный историографический анализ предполагает:

- выделение видовых, конкретных концептуальных понятий и представлений;
- определение родовых концептуальных понятий, объединяющих (или разъединяющих) отдельные научные «школы» и направления, которые являются более обобщенными по отношению к видовым концепциям.
- рассмотрение видовых признаков по отношению к объединяющему их родовому началу.

Направленность процесса взаимодействия и борьбы родовых тенденций влияют на вектор развития исторического знания и исторической науки.

В истории изучения исторического процесса и *определения степени изученности* его конкретных этапов *историографический метод является важным гносеологическим (познавательным) инструментарием*. Он служит средством реконструкции концептуальных взаимосвязей историографических фактов (концепций или их элементов), выявляемых благодаря аналитической интерпретации историографических источников.

Историографический метод помогает проследить последовательность выработки и применения новых методов изучения и использования источников при разработке конкретной

исторической проблематики. Выявление и характеристика соотношения общего и особенного, универсального и локального с помощью историографического метода позволяет определить взаимодействие (или противостояние) разных традиций в исторической науке.

Историографический метод включает:

- выявление сюжетов, тематики и жанровых матриц, существовавших на определенном этапе развития письменности, исторической мысли и исторической науки, а также рассмотрение их мировоззренческой и конкретно-исторической составляющих;
- исследование наследия предшественников, сохранившегося (или отраженного) в тексте, а также попытки реконструкции фрагментов такого наследия;
- исследование текста на предмет наличия в нем характерных для конкретной эпохи стереотипов (содержания, терминологии, системы понятий, в том числе и идейно-символических представлений);
- выявление истоков стереотипных систем, литературно-исторических параллелей, реминисценций и определение с их помощью духовной преемственности и традиции, к которой принадлежит текст;
- определение границ и возможностей заимствований и влияний, их временной продолжительности и характера;
- объяснение характера зависимости текстов, содержащих тождественные сюжеты, тематику и проблематику, в результате сопоставления текстов и выяснения времени и условий их появления;
- «вписывание» памятников исторической мысли в исторический контекст с целью понимания природы и характера эволюции концепций, основных вех их формирования и функционирования, а также выяснения их значения для науки, общества или власти;
- анализ авторской интерпретации исторических событий и явлений в зависимости от общей историографической ситуации того периода, когда работал автор;
- показ «идеологических фильтров» и их воздействия на историографический процесс;
- рассмотрение факторов, определявших в свое время внутри научную обусловленность основных тенденций развития исторической науки.

Методика историографической интерпретации источников и периодизации исторического процесса имеет свои временные и индивидуальные особенности. Поэтому полезным инструментарием является *историко-биографический метод*. С его помощью определяются важные жизненные моменты и ситуации, содействовавшие рождению идей и концепций, важных в истории науки. При анализе объяснительных историографических моделей помогает *историографическая герменевтика*.

Изучение концепций имеет ключевое значение в истории исторической науки. В *концепциях выражается авторское понимание истории конкретной эпохи, социальная природа и идейная сущность представлений автора и частично его времени*. Концепции также учитываются в качестве критериев в моделировании историографического процесса и его периодизации.

Отечественная письменная традиция насчитывает более тысячелетия. Столь длительный период, зафиксированный сохранившимися письменными источниками, впечатляет. С завидным постоянством в течение этой тысячи лет проявлялась неистребимая потребность сознания разглядеть духовно-культурное национальное ядро, отличающее Русь, Россию от других стран и желание ответить на вопрос: «А может ли возникнуть новая Россия без России... нет, не старой, не прежней России... а *...глубинной России, той самой России, которая уникальна в мире и делает Россию Россией?*» (*курсив наш. – М. Л.*)³.

³ Осипов Ю. М. Постмодерновые реалии России // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ – 2006. – № 6 (48). – С. 18.

Контрольные вопросы

1. Что такое историографический факт и историографический источник?
2. Какое значение имеет изучение концепции для понимания тенденций исторической науки?
3. Решению каких задач исторического исследования может помочь историографический метод?

Рекомендуемая литература

1. *Лачаева М. Ю.* Сохраняя наследие: о пользе историографического метода // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. науч. тр. / МПГУ – М., 2015. – Вып. VI. – С. 262–267.
2. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. – М.; СПб., 2009.

Глава 2

Концептуальное осмысление древней Руси ее современниками (до начала XIII века)

2.1. истоки русской исторической мысли

Характер русской исторической мысли сводится к проблеме ее истоков. Зарождение русской исторической мысли связано с корнями, уходящими в мироощущение Древней Руси. Сам момент зарождения национального историографического процесса для нас едва ли уловим. Но возможность проследить развитие этого процесса у нас все же есть.

Во-первых, с помощью зафиксировавших его письменных источников, которые дошли до нашего времени. Во-вторых, нам могут помочь сведения о несохранившихся текстах, упомянутые в источниках, нам доступных. Известны случаи, когда мы знаем не только название некогда написанных текстов, но и их содержание, хотя бы частичное, а при цитировании – и отрывки из них.

И, наконец, нельзя не учитывать историзма, присущего народному эпосу, устным народным сочинениям – сокровищницы народной исторической памяти, хранилища «народного мировоззрения»⁴.

Мы начинаем изучение отечественной мыслительной исторической традиции с ее христианского этапа, что объясняется состоянием дошедших до нас источников, и опускаем исторические представления предшествующих тысячелетий, периода безраздельного господства язычества, отраженного в мифах. Памятников языческой мифологии православная книжная традиция не сохранила, однако «заветную», «притаившуюся» народную изустную традицию хранит фольклор и его записи.

Речевыми жанрами фольклора являются эпические сказания, мифологические легенды; «славы», которые пели победителям; «плачи», оплакивавших погибших в бою, и др. Благодаря летописи, уже в XI–XII вв. включавшей в свой состав отдельные фрагменты эпических преданий⁵, этот жанр фольклора лучше всего известен в его архаической форме⁶.

Их данные, корнящиеся в архаических по происхождению сведениях, отражающих взгляды древнерусской цивилизации, имеют «особое, не всегда легко определяемое отношение к книжной» традиции⁷.

Летописные рассказы эпического происхождения свидетельствуют о высоком совершенстве фольклора в дописьменный, дохристианский период. Поскольку фольклор в равной мере обслуживал все социальные слои древнерусского общества, он отражал общие для этого общества представления. Фольклорные тексты помнили наизусть, их не записывали. Редкие и сложные исторические предания или мифы знали профессионалы-сказители. Это знание придавало им особую ценность в глазах общества⁸, поэтому отражение исторической действительности и

⁴ Термин фольклориста и этнографа А. П. Скафтымова (1890–1968).

⁵ Эпос фиксируется письменностью, зачастую монахами-летописцами, когда язычество перестает представлять для церкви опасность.

⁶ Творогов О. В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 138.

⁷ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2009. – С. 11–13.

⁸ Творогов О. В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 139.

ее оценки в народном эпосе являются важными для характеристики исторических представлений древности.

Былины. Потребность фиксации реальных исторических событий обусловила возникновение былинного жанра, в котором выражались вековые идеалы народа⁹. О стойкости и жизненности эпических традиций, формировавших народное историческое сознание, свидетельствует их проявление в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), когда героические былины воспринимались как духовное оружие в борьбе против фашизма, выражение народного патриотизма и стойкости перед лицом врага¹⁰.

Былина, по мнению В. Я. Проппа (1895–1970), относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она «создавалась, жила, шлифовалась, совершенствовалась или отмирала <...>. Поэтому всякая песнь носит на себе печать пройденных столетий <...>. Былина <...> содержит отложения всех пройденных ею веков. Решающее значение для отнесения к той или иной эпохе будет иметь **выраженная в ней основная идея** (курсив наш. – М. Л.)»¹¹.

В былине отражались «исторические воззрения народа в еще большей степени, чем историческая память», ее отношение к прошлому было активным. Историческое содержание былин передавалось сказителями. Сохранение исторически ценного в эпосе (будь то имена, события, социальные отношения или даже исторически верная лексика) являлось результатом «сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса»¹².

В понимании *историзма былинного эпоса* у ученых единства не было¹³. Так, В. Я. Пропп считал, что историческая песня, возникнув сравнительно поздно, пришла на смену былинному эпосу¹⁴. Иной была позиция Б. А. Рыбакова (1908–2001), М. М. Плисецкого¹⁶ и Р. С. Липеца¹⁵, согласно которой, сначала возникла историческая песня. Затем она превращается в былинку, сохраняя исторически значимое содержание. Сторонники первичного появления исторической песни, предшествовавшего возникновению былины, считали, что в основе былин лежали конкретные исторические факты, а у былинных персонажей были конкретные исторические прототипы. Б. А. Рыбаков находил истоки сюжетов большинства героических былин в событиях IX–XII вв.¹⁷

В памятниках мысли Древней Руси нашли отражение существовавшие внутри христианства тенденции, их противоборство и компромиссы с силами, противодействовавшими христианству¹⁸. Поскольку после официального введения христианства на Руси (988) языческие традиции не исчезли, на религиозно-историческую мысль повлияли также синкретические

⁹ Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978. – С. 234.

¹⁰ Советская историография Киевской Руси. – Л.: Наука, 1978. – С. 226; Русский патристический фольклор: материалы научно-творческого совещания «Великая Отечественная война в устном народном творчестве». М., 1945. Чичеров В. И. Былинные богатыри // Народ-богатырь. IX–XII. – М., 1948.

¹¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Л., 1955. – С. 26.

¹² Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 50–51.

¹³ Главными участниками-оппонентами в дискуссии об историзме народного эпоса в 1960-х гг. были Б. А. Рыбаков и В. Я. Пропп. См.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. – Л., 1982. – С. 5–17.

¹⁴ Советская историография Киевской Руси. – Л.: Наука, 1978. – С. 232. Былины Киевского цикла, по мнению В. Я. Проппа, не были искажены или качественно преобразованы в позднейшее время. Поздние, известные науке былины – результат естественной и закономерной эволюции древнерусского эпоса.

¹⁵ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. – М., 1969.

¹⁶ Плисецкий М. М. Историзм русских былин. – М., 1962.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963.

¹⁸ Мильков В. В. Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI–XV вв.: автореф. дис... д-ра филос. наук. – М.: Ин-т философии, 2000. URL: <http://www.disscat.com/content/osnovnye-napravleniya-religiozno-filosofskoi-mysli-drevnei-rusi-xi-xv-w>

(двоеверные) формы мировоззрения. Отмирая постепенно, они давали жизнь новым синкретическим образованиям¹⁹. С двоеверием генетически было связано раннее еретичество.

Начиная изучение отечественной мыслительной исторической традиции с ее христианского периода, следует учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, характеризуя историческую мысль Средневековья, нельзя ограничиться констатацией «провиденциализма». Знакомясь с проникнутой религиозностью древнерусской историографической традицией, не обойтись без выявления и рассмотрения тех духовных источников, которые вдохновляли древних авторов, тем более, что почти все знаменитые писатели Древней Руси вышли из монастырей.

Во-вторых, «христианско-средневековая гносеология», согласно терминологии Г. К. Вагнера (1908–1995), не мыслила себя единой и таковой не являлась. Она предполагала возможность разных способов познания мира и истории. *Многообразие* теоцентрики восточнославянской средневековой культуры не исключало *объединительного идейного значения христианства и православия*.

Интерпретируя древнерусские тексты и определяя тип *аксиологической (ценностной) системы* древнерусской литературы, современные авторы используют в качестве методов ее *дифференциацию, классификацию и типологию*. Учитывается как существование двуединого явления – несовпадения аксиологических систем, построенных на одном и том же ценностном мировоззренческом основании, так и сходство аксиологий, построенных на разных ценностных основаниях. В источниках часто встречается совмещение в одной аксиологии двух оснований.

В-третьих, помимо центростремительных сил (в объединительных усилиях христианства и их результатах В. О. Ключевский видел природу сочувственного отношения русского народа и отечественной историографии к Древней Руси, благодарного исторического воспоминания о ней как о колыбели нашей народности) в христианстве также действовали центробежные силы.

С укреплением христианских ценностей уничтожался языческий пласт представлений о племени, народе, который в течение тысячелетий сохранял самоназвание и своих богов. В рамках формирующейся древнерусской отечественной культуры шло взаимодействие этнических культур и субкультур, действовал принцип «встречных течений». Тем самым подпитывалось существовавшее многообразие идейных пластов древнерусского исторического сознания. Зрелость и литературное совершенство древнерусских произведений тысячелетней давности, сложных, глубоких и масштабных по своему содержанию, объясняется длительностью предшествовавших христианскому периоду осознания процессов самоидентификации.

Сохранившиеся памятники свидетельствуют о существовании на Руси уже в XI в. развитого национального исторического самосознания.

В-четвертых, историческое сознание Древней Руси отличал «средневековый историзм». По мнению Д. С. Лихачева (1906–1999), которому принадлежит данный термин, он находился в связи с другой важной чертой сознания, сохранившейся вплоть до наших дней, – *гражданственностью*.

В-пятых, для того, чтобы наблюдать концептуальный мир древнерусского автора, который принципиально отличался от мира идей современного автора, специалисты используют понятие «модус восприятия действительности» или «модус бытия». Он помогает им выявить свойственный конкретному времени и конкретным авторам характер их творческой деятельности.

«Модус» включает совокупность факторов, влияющих на историографический процесс. Важнейшими являются:

¹⁹ Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. – 1972. – № 9. – С. 111–132.

- 1) *тип аксиологической (ценностной) системы*, принадлежность к которой осознает (или не осознает) автор;
- 2) *способ познания* исторической реальности, доступный данному автору;
- 3) *способ бытия* автора исторического текста и жизненные моменты, повлиявшие на его мировоззренческое становление.

Приоритетными в историографическом рассмотрении являются вопросы: *как средневековый автор воспринимал мир и историю, что интересовало его в мире и истории, какими средствами он располагал для описания исторических событий и явлений.*

В христианской культуре проблема творчества осмысливается в онтологических и гносеологических категориях. В святоотеческой традиции творчество человека и его творческие способности являются особым божественным даром, заданием и долгом человеку, которое ему дается, как и свобода воли, помимо человеческого желания или нежелания, и является печатью Богоподобия. Таким образом, творчество – это дарованная человеку Творцом форма Богопознания²⁰. «Модус бытия» определяет пределы видения и ведения автора, переступить которые тот не в силах. Но в очерченных пределах в своем творчестве автор свободен.

Ставя задачу определить время составления памятника, ученые выясняют, что знал и чего не знал и не мог знать автор, поскольку событие, по которому предполагалось датировать источник, еще не произошло. В датировании памятника исследователи видят ключ к пониманию текста. Одним из приемов датировки является выявление в тексте указаний, когда об умерших людях, чьи даты смерти известны, говорится как о живых. Для методики исследования историографических источников важным представляется определение и выделение содержащихся в них оригинальных известий. В том случае, если исследователи осведомлены об общественно-культурной и политической обстановке времени создания текста, они рассматривают распространенные тогда идеи и настроения, и уже на этом основании моделируют представления автора или высказывают гипотезу о тех идеях, которые могли питать автора и которые могли быть ему известны.

Из текста, его реалий, литературных аллюзий²¹, употребленных в нем цитат, специалисты черпают сведения для атрибуции²² и датировки памятника.

В-шестых, своеобразным камертоном, характеризующим метод христианского автора, является Священное Писание, а также глубокая потребность древнерусского книжника соотносить описываемые исторические события со священными текстами. В известной степени это нивелирует нюансы аксиологических модификаций и позволяет разграничить способы установления средневековыми авторами исторического смысла происходивших событий.

В-седьмых, при всем многообразии приемов и способов использования священных текстов у разных авторов (в том числе и летописцев, которые не ставили целью толкование библейских текстов) исследователи выделяют три основных типа отношения к Писанию, метода осмысления, описания и восприятия исторической действительности.

1. «Типологическая экзегеза» или типологическое толкование, т. е. определение значимости события, исходя из выявленной типологической связи древнерусской исторической реальности с реалиями, описанными в священных текстах, что давало автору основания для описания (или игнорирования) исторического события и его толкования. Рассмотрение событий современности через призму Священного Писания было необходимо автору, чтобы показать, как современный ему средневековый мир отражен в зеркале вечности. Соотнесение явле-

²⁰ Левишин Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009. – С. 67–69.

²¹ Аналогия или намек на факт (исторический, мифологический, политический, литературный или др.)

²² Установление авторства.

ния или события с его прототипом (типология) давало объяснение (экзегезу) в соответствии с представлением о времени средневекового автора. Актуализация исторического события, признание его значимости выявлялось в результате нахождения ему/его эквивалента в Библии.

2. **«Аллегорическая амплификация»** – восприятие Библии как предмета дискурсивного анализа, требующего объяснения смыслов Святого Писания. Поскольку конкретное явление в таком случае получало столько объяснений, сколько мог придумать автор, исходя из личного опыта, наблюдательности, начитанности и т. д., т. е., давая субъективно авторские интерпретации былого, то в данном случае речь могла идти только о простом умножении смыслов. П. А. Флоренский оценивал «дух аллегоризма» как «закрадывающуюся» «оборотную сторону онтологического измельчания и отяжеления»²³.

3. **«Обратная типология»** использовалась, когда Библия воспринималась как источник поучительных иллюстраций и сентенций к возникавшим и возникающим явлениям и событиям. Тогда обращались к описательному, иллюстративному подходу.

В-восьмых, средневековое христианское сознание было образно-символическим. «Символический реализм» обусловил главные направления развития средневекового сознания и общий характер восточнославянской литературы. В основе христианских представлений древнерусского автора лежала убежденность в том, что знание открывается через «божественное откровение», а структура мироздания пронизана идеей образа и «всякий образ», по выражению чтимого древнерусским человеком Иоанна Дамаскина²⁴, «есть выявление и показание скрытого».

В такой системе координат не отдавалось предпочтение понятийному мышлению и анализу причинно-следственных связей. *Основную познавательную функцию нес образ*. В том случае, если Священное Писание открывало автору сущностную характеристику образа – «подобие прототипу по основным его параметрам при обязательном несовпадении с ним»²⁵, тогда ему открывалась связь с Вечностью, т. е. мировоззренческие особенности объясняют понимание средневековыми авторами проблемы времени.

В-девярых, на содержание исторического текста и последующие в нем изменения оказывал рукописный характер средневековой восточнославянской книжности. В процессе требовавшего времени кропотливого труда по переписыванию текста в него вносились изменения, в том числе и концептуального характера.

В Средневековье не различались понятия «писатель» и «переписчик», обозначавшиеся одним словом – «**списатель**». Редактирование переписываемого текста считалось нормальным: писец мог дополнить текст, иногда изменить его. В. О. Ключевский обращал внимание на то обстоятельство, что текст наших древних памятников задает не меньше работы исследователю, чем текст античных памятников. Затрудняют понимание наших древних текстов «неумение их прочесть, и это неумение одинаково свойственно как нашим древним книгописцам, так и новейшим ученым, которые принимались за издание памятников, и последние грешат этим едва ли меньше первых. Ни наши древние книжники, ни новейшие издатели не заботились достаточно о правильном чтении рукописей, отсюда частые искажения в позднейших списках и изданиях»²⁶. С этим связаны трудности в установлении авторства, выявлении

²³ Флоренский П. А. Иконостас. – М., 1995. – С. 82. П. А. Флоренский (1882–1937) связывал эту тенденцию с общим припадением церковной жизни, начиная с конца XVI в. В работе «Иконостас» (1922) мыслитель писал: «Чем онтологичнее духовное постижение, тем бесспорнее принимается оно как что-то давно знакомое, давно жданное человеческим сознанием. Да и в самом деле, он есть радостная весть из родимых глубин бытия, забытая, но втайне лелеемая память о духовной родине» (с. 81).

²⁴ Один из отцов церкви, христианский святой, богослов и философ. Родился около 675 г. в Дамаске. Умер около 753 г. в древнейшей лавре Саввы Освященного (монастырь основан около 484 г.), расположенной на западном берегу р. Иордан в Иудейской пустыне. В настоящее время лавра находится в юрисдикции Иерусалимской православной церкви.

²⁵ Левашин Л. В. О возможной систематике творческих методов в средневековой восточнославянской книжности // Христианство и русская культура. – Сб. 4. – СПб., 2002. – С. 5.

²⁶ Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – Т. VII. – М., 1989. – С. 10.

протографа и определения соотношения редакций текста. Поэтому выявление мировоззренческой атмосферы эпохи, ее основных черт является важным подспорьем для концептуального анализа.

И, наконец, *в-десятых*. Древнерусская мысль не была монолитной изначально. Древнерусское мыслительное наследие составляли разнородные пласты, взаимодействовали несколько течений. Наряду с ортодоксальным (далеко не единым по своей природе) наследием, полюса которого определяли теолого-рационалистическое и мистико-аскетическое направления мысли, существовали еще и антицерковные доктрины. В процессе дифференциации древнерусской мысли формировались основные направления и тенденции развития исторических представлений в Древней Руси.

История древнерусской исторической мысли как особого феномена и одновременно как части восточно-христианской мысли и европейского историко-мыслительного пространства Средневековья не утратила связи с явлениями не столь от нас отдаленными. Она обладает огромной притягательной силой и является актуальной.

Ранняя русская историография представлена большим числом авторов и количеством идей. Древняя Русь превосходила современные ей государства Западной Европы по развитию духовной культуры. Грамотность и письменность были распространены среди населения Древней Руси. Проникновение в древнерусские тексты отчасти напоминает проникновение в древнерусскую живопись: «от первоначального шока – к постепенному узнаванию, от узнавания – к пониманию, от понимания – к восхищению»²⁷.

Контрольные вопросы

1. Как отразились в древнерусских источниках основы древнерусской цивилизации?
2. Какие споры идут в литературе в отношении оценки отдельных жанров древнерусской литературы?

Рекомендуемая литература

1. Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. – 1972. – № 9. – С. 111–132.
2. Левшин Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009.
3. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. – СПб., 2000.
4. Мильков В. В., Громов Н. М., Якунин С. Н. Идеиные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001.
5. Проп В. Я. Русский героический эпос. – Л., 1955.
6. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963.
7. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин / вступ. ст. В. К. Архангельской. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1994.

2.2. Историческая концепция митрополита Илариона Киевского. «Слово о Законе и Благодати» – жемчужина древнерусской письменности XI века

Историческая мысль Древней Руси – неотъемлемая часть ее духовной культуры. Содержание и формы выражения исторических идей во многом определял характер культуры.

²⁷ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. – М., 2014. – С. 11.

Фундаментальность и крепость духовно-культурному национальному ядру придавали книги, «которым бо есть неисчетная глубина».

Анализ национального самосознания и его концептуального выражения является стратегической задачей истории исторической науки.

Давно замечено, что в конце X – начале XI в. «как бы сразу», «дивлению подобно», «явились произведения зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию» литературы, «свидетельствующей о развитом национальном историческом самосознании»²⁸.

Феномену зрелости древнерусской литературы, книжности и концептуального исторического сознания посвящена обширная литература, отраженная в справочных изданиях, монографиях и специализированных публикациях²⁹.

В первой половине XI в. (не позднее 1054 г.) киевский митрополит Иларион произнес торжественную речь в присутствии князя Ярослава Мудрого и его приближенных. В историю она вошла как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ее полное название, по спискам XV в.: *«О законѣ Моисѣомъ данѣмъ, и о благодѣти и истинѣ Исусомъ Христомъ бывшии. И како законъ отиде, благодѣть же и истина всю землю исполни, и въра въ вся языки прострѣся и до нашего языка рускаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхомъ и молитва къ Богу от всеа земли нашеа»*³⁰. В названии «Слова», согласно традиции, изложены план и структура произведения.

Вместе с произведением Илариона в национальную мыслительную традицию «Слово» органично входит как ораторский жанр, характерный для отечественного Средневековья.

Как жанр торжественного красноречия «Слово» в древнерусской книжности опиралось на Евангельское изречение: «Вначале было Слово, и Слово было Бога, и Слово было Бог».

Н. М. Карамзин называл «Слово о Законе и Благодати» «Житием князя Владимира». Советские авторы видели в «Слове» церковно-политическую речь, отражающую государственные идеи Ярослава Мудрого³¹. Это была проповедь, достойная по форме лучших византийских образцов, великолепно обрамленная литературно, насыщенная обобщающими понятиями и символическими параллелями, антитезами и другими приемами, работающими на убедительность и выразительность концепции, представленной Иларионом древнерусскому обществу.

«Слово» было составлено, произнесено и зафиксировано письменно первым митрополитом русской земли из русских – «русином» Иларионом (Ларионом)³². Иларион был выдающимся церковно-политическим деятелем периода политического и культурного подъема Древней Руси во второй четверти XI в., «мнихом и пресвитером», «мужем благим, книжным и постником». По мнению исследователей, он стоял у истоков летописания. Иларион был в числе приближенных правителя Древней Руси – князя Ярослава Мудрого (ок. 978—1054)³³. О жизни

²⁸ Лихачев Д. С., Вагнер Г. К., Вздорнов Г. И., Скрынников Р. Г. Великая Русь. История и художественная культура X–XVII века. – М., 1994. – С. 14; Левшин Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009. – С. 175.

²⁹ О них см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. – Вып. 1. – Л., 1987; и др.

³⁰ «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась. И до нашего народа русского (дошла). И похвала кагану нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва Богу от всей земли нашей».

³¹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – С. 80.

³² Второй русский митрополит – Климент Смолятич – был на Руси поставлен только в 1146 г. Остальные митрополиты были греками.

³³ Я. Н. Шапов писал, что Ярослав Мудрый, последовал примеру своего отца: «сгадав», т. е. посоветовавшись с Иларионом, осуществил частичную реформу византийского канонического права. (См.: Византийский временник. – М., 1971. – Т. 31. – С. 71–76). Около 1048 г. Иларион возглавил русское посольство в Париж по поводу сватовства французского короля за дочь Ярослава Мудрого – Анну и успешно выполнил возложенную на него миссию. До посвящения в митрополиты Иларион был старшим священником в церкви Св. Апостолов в Берестове, домового церкви киевских князей. Он часто удалялся в одиночестве на близлежащую гору, на то самое место, где чуть позже стараниями свв. Антония и Никона созидался Киево-

и деятельности митрополита Илариона известно немного. Остается загадочным, как начало его деятельности, так и ее завершающий характер (после 1050 г).

Служение Илариона митрополитом на киевской кафедре длилось недолго: с 1051 по 1054 г. В ПВЛ по Лаврентьевскому списку сказано, что в лето 6559 (1051) поставил Ярослав русина Илариона митрополитом, собрав для этого епископов³⁴. В Никоновской летописи о поставлении Илариона митрополитом сказано: «Русии епископы поставиша Илариона, Русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающа от православных патриарх и благочестия Греческого закона, ни гордяща от них поставлялся, но соблюдающа от вражды и лукавства, якоже беша тогда»³⁵. Под 1055 г. в Новгородской II летописи упоминается уже новый киевский митрополит – грек Ефрем³⁶.

В 1911 г. М. Д. Приселков высказал гипотезу, согласно которой Иларион и Никон, написавший «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» и «Житие отца нашего Феодосия, игумена Печерского монастыря» – одно и то же лицо. Якобы Никон – это постригшийся под этим именем в монахи Иларион³⁷.

Ко времени составления «Слова» Иларионом, Русь уже полвека как приняла православие. Сделанный древнерусской княжеской властью выбор, решивший вопрос о духовном укреплении государства, был самостоятельным. Укрепление и распространение христианства на Руси происходило на фоне длившейся с IX в. борьбы внутри христианства между Римом и Константинополем, которая в XI в. (1054) привела к разделению церквей (католической и православной)³⁸. В 1018 г. прекратило существование завоеванное Византией Первое Болгарское царство. В условиях прекращения потока христианских книг из Болгарии, переведенных на старославянский язык, русские книжники осуществляют свой выбор для перевода византийской литературы³⁹.

В качестве историографического источника «Слово» Илариона несет в себе концептуальное содержание, освещающее видение автором исторического процесса и отдельных событий, а также, дающее им оценки.

С Илариона начинается формирование историографического национального пространства и концептуальное объяснение отечественной истории. Его «Слово» стало первым памятником исторического самосознания, древнерусской религиозно-исторической мысли.

Принципиальный отказ Илариона следовать в изложении поступательного хода истории человечества и ее периодизации традиции шестодневов (подробнее о них см. в главе 2.3), определявших начальную точку исторического отсчета согласно учению о шести днях творения, свидетельствует о самостоятельности и оригинальности древнерусской мысли. Основное содержание исторического развития для Илариона заключается в смене вер. В соответствии с избранным им религиозным критерием, он составил периодизацию исторического процесса, выделив в качестве этапов – эпоху «идольского мрака» (в отношении иудеев этот период назван эпохой «закона») и времени «благодати», наступающего после «благодатного крещения».

Печерский монастырь. По сведениям Лаврентьевской летописи, там Иларион «ископа печерку малу двусажену».

³⁴ Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – Арзамас: 1993. – С. 122.

³⁵ Цит. по: Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 86.

³⁶ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. – С. 190.

³⁷ Приселков М. Д. Митрополит Иларион – в схиме Никон – как борец за независимую русскую церковь: Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. – СПб., 1911. – С. 188–201; Дворниченко А. Ю. Замечательный исследователь летописания Древней Руси // Приселков М. Д. Нестор летописец. – СПб., 2009. – С. 9–10.

³⁸ Еще до 1054 г., когда христианство раскололось на Восточную и Западную церкви, в христианском мире параллельно сосуществовали несколько направлений. За влияние на Русь вели борьбу разные религиозные общины. Сопровождавшие эту борьбу идейные импульсы порой переплетались со вне-каноническими и даже еретическими тенденциями.

³⁹ См. подробнее: раздел 1, гл. 1, § 2.

Иларион выделил у иудеев два этапа: «идольское служение» и «закон». У всех других народов («языков») «идольская лесь» противопоставлена им «благодати», как сущь – росе. Иларион придерживался принципа равенства всех «языков». «Люди Ветхого закона сами выбрали себе отличную от других народов судьбу. Именно поэтому все народы в своем историческом развитии минуют этап Луны⁴⁰ («закона»)), – пишет современный исследователь⁴¹.

«Иларион формулирует национальную идею не с позиций воинственного возвышения новообращенной Руси над Византией и другими народами, а исключительно в форме утверждения права крещеных русских на равенство со всеми другими «языками» христианского мира, в том числе и с греками. <...> Идеология Илариона – это не идеология войны, а идеология суверенитета и взаимного уважения между равноправными и принадлежащими к одной вере народами» (курсив наш. – М. Л.)⁴². Эти основополагающие принципы определили генезис национальной мыслительной традиции.

Иларион изображает Русь как представительницу народов, путеводимых посредством Евангелия в жизнь вечную: «Евангелием и Крещением вводя их в обновление пакибытия, в Жизнь Вечную». Митрополит выстроил текст по *принципу «нарастания конкретности»*⁴³. Для объяснения и доказательства величия и исторической значимости крещения Руси Иларион привлекает богословский и церковно-исторический материал, проявляя эрудицию и смелость в обращении с византийским наследием. Такое право ему давало многообразие привнесенной вместе с христианством на Русь книжности.

«Слово» митрополита Илариона – это первое в отечественной письменности теоретически обобщенное осмысление включенности Руси с принятием ею христианства во всемирно исторический процесс, объяснение предназначения русской земли и русского народа, составленное спустя полвека после принятия христианства Русью; раньше, чем была написана «Повесть временных лет»⁴⁴.

Иларион обратился со Словом к сведущим и искушенным, «преизбытком насытившимся книжной сладости». Его читатель и слушатель – современник Илариона и Ярослава Мудрого – знал Библию, христианскую доктрину и традицию ее истолкования.

Промыслительное появление русского народа на исторической сцене было обусловлено, по мнению Илариона, самим Святым Писанием. Спасительная благодатная вера дошла до русского народа. Вера благодатная – христианская по всей земле распространилась и до народа русского дошла. Придя на Русскую землю, Русь отождествила себя с православием. *Если до принятия христианства на Руси были племена, то с его принятием, духовным благодатным единением возник и единый русский народ.*

Иларион был убежден, что новое учение влилось в новые мехи, новые народы, что сберегало и веру, и народы. И «последние станут первыми». Они способны к выполнению возложенной на них миссии, поскольку недолго пребывали в язычестве («не устарели в язычестве») и не прогнили в нем. Предназначение Русской земли – стать благословенной – оплотом и хранилищем христианского вероучения; русских – хранить христианство до Второго Пришествия

⁴⁰ В системе образов-противопоставлений, с помощью которых Иларион доказывает правоту своих взглядов, Луна – противостоит Солнцу.

⁴¹ Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион киевский // Россия XXI. – 2009. – № 5. – С. 101.

⁴² Там же. – С. 107.

⁴³ По выражению В. В. Милькова.

⁴⁴ В литературе появление «Слова» датируют по-разному. Время его составления называют между 1037 и 1050 гг. М. Д. Приселков (1881–1941) сужал хронологические рамки до 1037–1043 гг. Он считал, что до 1037 г. древнерусская церковь была подчинена болгарской Охридской архиепископии. А. Н. Ужанков считает, что «Слово» было произнесено митрополитом Иларионом вечером 25 марта 1038 г. в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве. Ф. И. Буслаев (1818–1897), позднее Д. С. Лихачев (1906–1999) считали, что Иларион произнес проповедь в храме Св. Софии Премудрости Божией. А. Н. Робинсон (1917–1993) считал, что «Слово» было написано между 1037 и 1043 гг.

Христа, до Страшного Суда. Историю христианизации русского народа Иларион описывает как историю молодого, новозаветного народа, противопоставляя его народу ветхозаветному – иудейскому.

Иларион использует типологические сближения. С их помощью он подчеркивает особую заслугу «великааго кагана нашеа земли» Владимира Святославича, который «не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ в Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». После того, как «багрянородные», т. е. легитимные императоры-соправители Василий II и Константин VIII выдали за князя Владимира свою сестру Анну, русский правитель стал свояком правящих византийских императоров, возглавлявших восточнохристианский мир.

Деяния Владимира Иларион приравнивал к апостольскому подвигу императора Константина, который «въ елинехъ и римлянехъ⁴⁵ царство Богу покори», а русский князь – «въ руси». «Слово» Илариона противопоставило византийскому влиянию миссию Владимира, как «нового Константина». Подобно этому в самой раннехристианской Византии «Жизнеописание Константина» Евсевия Памфила (IV в.) – похвальное слово, опиравшееся на традиции античного красноречия, прославляло своего первого христианского монарха, как «нового Моисея»⁴⁶. Русский митрополит следовал традиции византийского красноречия.

Иларион ввел в отечественную мыслительную традицию концепт «Русской земли», православной государственности во главе с единодержцем – князем, каганом, царем, главой церкви, который входит в остов, каркас древнерусского исторического сознания. Единодержец правит не своей волей, а верой, отрекаясь от своей воли. *Формулируя идею единодержавия, Иларион утверждает единство Русской земли и идею русской государственности.* Русские князья должны проявлять постоянную заботу о Русской земле. Иларион славит Владимира за его государственную деятельность, за военные успехи. Он отдает дань мужеству и славе предков Владимира – князей-язычников Игоря и Святослава. Важнейшим средством утверждения концептуальных положений

Иларионом является *метод идеализации*. Идеализируя русский княжеский род, он подчеркивает идею несокрушимости его единства как залог единства государства. *Проблемы государственного единства, задачи укрепления власти киевского князя и возвышения международного престижа Древней Руси являлись центральными для историографии XI в. Она проникнута общерусским патриотическим пафосом.*

Вписывая Русь в мировой контекст христианской истории, Иларион показал высочайший уровень понимания христианства русским народом, который никогда не думал только о себе⁴⁷. «Слово» отражало государственные идеи Руси. Сформулировав их, митрополит придал им направленность, которая в дальнейшем не раз проявит себя в отечественной историографии.

Образы Руси и Русской земли, данные Иларионом в «Слове», были известны летописцам. «Высокие идейные и литературные достоинства «Слова» обусловили его воздействие на ряд позднейших памятников, например на проложную⁴⁸ похвалу Владимиру (XII–XIII вв.), житие

⁴⁵ Т. е. в языческих народах.

⁴⁶ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – С. 80.

⁴⁷ Особый характер русского христианства X–XI вв., по мнению Н. К. Никольского (1863–1936) и поддержавшего его М. Д. Приселкова, состоял в его свободе от «аскетического ригоризма» (т. е. строгого, непреклонного проведения принципа в действии. – М. Л.), неприемлемости прямолинейности и строгого следования одному определенному принципу. Дворниченко А. Ю. Замечательный исследователь летописания Древней Руси / Приселков М. Д. Нестор летописец. – СПб., 2009. – С. 10.

⁴⁸ Проложные жития отличаются лаконичностью изложения. На Руси популярностью пользовался житийный сборник, известный под названием «Пролог», ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей. Он имеет календарный характер: краткие жития святых и дидактико-панегирические повествования расположены в нем в соответствии с днями церковной памяти.

Леонтия Ростовского (XIV–XV вв.), житие Стефана Пермского (XV в.). С XIII в. «Слово» было известно южным славянам и отразилось в сербских житиях Симеона и Саввы, написанных афонским хилендарским монахом Доментианом. Это последнее обстоятельство свидетельствует о том, что «Слово» Илариона стало принадлежностью не только древнерусского, но и международного литературного процесса, оказавшись посредствующим звеном в византийско-русско-сербской литературной традиции», – писал А. Н. Робинсон⁴⁹.

Исторически оптимистично и религиозно радостно, создавая соответствующий настрой под влиянием «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, был написан другой отечественный памятник второй половины XI в. «Памяти и похвалы князю Владимиру». Его полное название: «Память и похвала князю русскому Володимиру, како крестися Володимир и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга прежде Володимира. Списано Иаковом мнихом». О личности автора текста и мнихе Иакове специалисты высказывали разные точки зрения⁵⁰. Очевидно, что автору была известна корсунская легенда крещения Владимира, и он полемизировал с ней.

Начальный этап русского летописания, и в первую очередь соотношение его с памятником «Память и похвала князю Владимиру» монаха Иакова, был предметом пристального внимания исследователей. А. А. Шахматов использовал «Память и похвалу» для реконструкции Начального свода 1037 г.; Л. В. Черепнин – для реконструкции Киевского свода 996 г., который, по мнению ученого, был составлен в связи с выдачей Владимиром Святославичем десятины Киевской церкви. Свод включал в себя старинные повести о полянах-руси⁵¹.

«Речь философа», которая в летописном изложении «Повести временных лет» выглядит инородной, попала на Русь в составе многочисленной западно- и южнославянской литературы IX–X вв.: «В тексте ее отмечаются и моравизмы, и болгаризмы, а, в конечном счете, также и влияние греческого языка»⁵². «Речь» является произведением, возникшим в рамках кирилло-мефодиевской традиции. А. С. Львов (1905–1976) проследил путь «Речи» на Русь: из Моравии, через Болгарию, куда в IX в. переселились многие изгнанные из Моравии последователи Кирилла и Мефодия.

Творчество митрополита Илариона находилось в русле кирилло-мефодиевской традиции. Для нее были характерны идеи единства церквей, равенства всех народов и веротерпимости⁵³. По выражению М. Д. Приселкова, она выражала «радостное и торжествующее христианское мировоззрение», прочно усвоенное первыми христианскими поколениями на Руси, и устойчиво прожило «почти два века»⁵⁴. Культивируемая в рамках кирилло-мефодиевской традиции идея единой неразделенной церкви, предполагала широкую веротерпимость, по крайней мере, к разным течениям внутри христианства. Веротерпимость, в свою очередь, вела к «прорастанию» через кирилло-мефодиевскую традицию местных представлений. В современной литературе высказывается мнение, что эту нацеленную на овладение знаниями и чуждую конфессиональному изоляционизму традицию в процессе «византизации» вытеснили на периферию идейной жизни, а на Руси получили распространение иные направления религиозной

⁴⁹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – С. 81–82.

⁵⁰ Творогов О. В. Иаков (XI в.). // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. – Вып. 1. – Л., 1987. – С. 191–192.

⁵¹ Советское источниковедение Киевской Руси. Историографические очерки. – Л.: Наука, 1978. – С. 26. А. Н. Насонов высказал предположение об искусственности предположения А. А. Шахматова. См.: Насонов А. Н. История русского летописания. XI – начало XVIII вв. – М., 1969. – С. 29.

⁵² Введение христианства на Русь. – М., 1987. – С. 24.

⁵³ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 79.

⁵⁴ Приселков М. Д. Борьба двух мировоззрений // Россия и Запад: Исторический сборник / под ред. А. И. Заозерского. – Пг., 1923. – С. 54–55.

жизни⁵⁵, повлиявшие на характер просвещения. Подчеркивается значение «Слова» как первой письменно зафиксированной русской реакции «на христианско-идеологическую экспансию византийской политики»⁵⁶.

«Слово» появилось в период ослабления Византийской империи, о которой византийский историограф XI в. Михаил Псел, писал как о тяжело больном государстве болезненно разбухающих и тучнеющих подданных. Современные ему византийские историки: Михаил Атталиат, Иоанн Скилица, Кекавмена считали свою эпоху периодом упадка Византийского государства⁵⁷. Их описания политической истории своей страны в большей мере опирались на языческие методы античной образованности, чем на христианское понимание. В отличие от митрополита Илариона, чье восприятие будущего Руси было оптимистичным, их видение судьбы Византии было пессимистичным.

«Мысль, дознанная Иларионом в образах Священной истории, понятийно <...> была осознана лишь более чем через четыре века», с 1492 г., когда ее почти дословно повторил митр. Зосима, заявивший о том, что Москва – новый «Град Константина». И «русские, «последними» пришедшие к Православию, отныне сменяют «первых» – греков». «А в начале XVI в. ту же самую идею – о Руси как о «третьем Риме, а четвертому не бывать» – выскажет старец псковского Елиазарова монастыря Филофей. А еще через пару веков осмысленное впервые Иларионом представление о мессианской роли русского христианского государства получит дальнейшее развитие в идее «Святой Руси»»⁵⁸.

Контрольные вопросы

1. В чем вы видите значение «Слова о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона?
2. К какой исторической обстановке и с какой целью Иларион произнес свое «Слово»? Кому оно было адресовано?
3. В чем заключалась для Илариона ценность русской православной государственности?
4. Как понимал Иларион смысл и предназначение Русской земли?
5. Как трактовал Иларион всемирно-исторический процесс и место в нем Руси?
6. В чем вы видите влияние Илариона на отечественную историографическую традицию?

Рекомендуемая литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН ИРЛ И; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб., 1997. – Т. 1: XI–XII века.
2. Макаров А. И. Нравственные воззрения Илариона Киевского / Альманах библиофила. – Вып. 26. – М., 1988. – С. 76–88.
3. Мильков В. В. «Слово о законе и благодати» Илариона и теория «казней Божиих» / Альманах библиофила. – Вып. 26. – М., 1988. – С. 114–121.
4. Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион киевский // Россия XXI. – 2009. – № 5. – С. 98–121.
5. Мильков В. В. Иларион и древнерусская мысль // Идеинофилософское наследие Илариона Киевского. – М., 1986. – Т. 2.

⁵⁵ История русской философии / под ред. А. А. Маслина. – М., 2008. – С. 9.

⁵⁶ Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 87.

⁵⁷ Любарский Ю. Н. Историограф Михаил Псел. // Михаил Псел. Хронография. – М., 1978. – С. 212.

⁵⁸ Левицки Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – С. 221.

6. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Книга третья. – М., 1993. – С. 583–619.

7. Молдаван А. М. Слово о законе и благодати Илариона. – Киев, 1984.

8. Ужанков А. Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. – М., 2013.

9. Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. – М., 2009.

2.3. Круг чтения древнерусского автора. Самоидентификация и взаимодействие культур

Русская историография в XI–XII вв. испытала воздействие переводной, прежде всего, византийской литературы. Принятие православия стало мощным стимулом для ознакомления Руси с византийской культурой⁵⁹. Важную часть древней восточнославянской книжности (по количественному составу, идейной значимости и идейно-религиозному влиянию) составили болгарские переводы⁶⁰. Они соединяли литературу и культуру Древней Руси и славянских стран с их историческими предшественниками – культурой античной Греции и Рима, христианской Византии, и стран Древнего Востока – Египта, Палестины, Месопотамии. В значительной степени эта литература связывала славянский мир с культурой народов Средиземноморья, христианских народов Востока и Запада. Эти памятники «давали славянам и русским возможность исторического самоосознания, нахождения своего места в мировой истории»⁶¹.

Проблема зарубежного влияния (византийского, болгарского и шире – югославянского, европейского и др.) включает объяснение вызвавших его причин и ставит вопрос о внутренней потребности, подготовленности и способности русской культуры к восприятию, осмыслению и переработке иностранного влияния.

Явления, характеризующие взаимовлияния культур, не следует смешивать с явлениями, вызванными «единством их происхождения и возможной синхронностью их развития»⁶². Единство славянским культурам придавала языковая и конфессиональная общность. Объединяющую роль играла древнеславянская азбука – кириллица. Она составляла основу древнерусской и древнеболгарской письменности и предопределяла культурную общность русского и болгарского народов.

Цельность общеславянской письменной традиции придавал единый «наднациональный» церковнославянский язык⁶³. По тонкому замечанию Н. Н. Дурново (1876–1937), в конце X в. и в XI в. люди читали, молились и служили на церковнославянском языке на Руси в Новгороде и Киеве; в Болгарии в Преславе и в Охриде; в Великой Моравии в Велеграде; в Чехии на Сазаве. Крупнейшим литературным переводческим культурным центром славянских народов была болгарская Преславская книжная школа (886–972), созданная одной из первых учениками Кирилла и Мефодия, представителями которой были Иоанн Экзарх Болгарский и Черноризец Храбр.

Зародившись как церковно-литургическая, «письменная традиция» имела основанием своего единства Типикон – книгу православной литургии, содержащую устав богослужения. Вследствие религиозных основ старославянская и древнерусская письменность базировалась

⁵⁹ Удальцова З. В. Культурные связи Византии с Древней Русью // Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985. – С. 15.

⁶⁰ Это были переводы Библии, богослужебных книг, поучений, исторических книг, Кормчей книги и т. д.

⁶¹ Мецкерский Н. А. Источники и состав славянорусской переводной письменности IX–XV вв. – Л., 1978. – С. 4–5.

⁶² Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – М., 1986. – С. 7.

⁶³ Левшиц Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – С. 136.

на четкой и логичной структуре (системе) типикарных чтений, которая предполагала жанровое разнообразие. Его составляли три типа чтений – *панегирика* (славы и апологии), *поучения* (толкования-комментарии, экзегезы), **назидательные биографии (агиобиографии) и истории, определенным образом показывающие исторических лиц и события** в соответствии с принципом: своего рода тезис, доказательство, вывод⁶⁴. На формирование творческого метода оказали влияние первые переводные произведения на Руси, которыми стали уставные чтения.

Сформировавшаяся тенденция оказалась устойчивой, о чем свидетельствует состав рукописей в библиотеках двух старинных монастырей: Рылеского в Болгарии и Соловецкого в России. Их библиотеки формировались долгие века⁶⁵. Общие для всех славянских литератур типикарные памятники в рукописях, чей возраст древнее XVII в., библиотек этих монастырей, составляют соответственно 90 и 75 % всего состава древних памятников⁶⁶. Сложившаяся традиция во многом объясняет *характер восприятия* русскими книжниками переводной литературы. <...> «отцы церкви», крупнейшие богословы и проповедники как бы стояли над национальными различиями и политическими границами, являлись учителями и наставниками всех христиан; хроники сообщали не об истории отдельных стран, а об истории «Вселенной», истории божественного провидения, обращавшегося благом или наказанием в разные периоды для разных народов», писал О. В. Творогов⁶⁷.

Точного повторения греческого православия на Руси не было. Древнерусские авторы осуществляли собственный выбор предпочтений, в частности, трудов Святых Отцов⁶⁸. И. П. Еремин (1904–1963) считал, что ни один из значительных византийских авторов XI–XII вв. не привлек внимания древнерусских авторов. Современниками древнерусских книжников были такие византийские авторы, как: Лев Дьякон, Константин Багрянородный, Симеон Метафраст, Лев Мудрый, Феодор Одесский. В сохранившихся рукописях И. П. Еремин не нашел свидетельств об их чтении древнерусскими авторами. Из произведений патриарха Фотия было переведено только «Слово на Вербницу о Лазаре», да и только потому, что оно читалось в составе Минеи, т. е. было утверждено авторитетом Типикона⁶⁹.

Таким образом, в древнерусской литературе, большим авторитетом пользовалась патристика – сочинения римских и византийских богословов III–XI вв., почитавшихся как «отцы церкви» (с греч. *патер* – отец, отсюда и название их произведений – патристика). *Отношение к историческим событиям и людям в них выстраивалось с точки зрения Вечности, надличностного и над-общественного смыслов.*

Наиболее сложным считается вопрос о *соотношении и сочетаниях разных культурных влияний*. Это связано с тем, что *иностранный влияние могло сказываться на Руси как непосредственно, так и опосредованно*. Византийская литература проникала на Русь не только в греческих оригиналах, но также в болгарских и сербских переводах. Таким образом, византийское влияние проявляло себя опосредованно, через южных славян. *Первое южно-славянское*

⁶⁴ Левицун Л. В. О возможной систематике творческих методов в средневековой восточнославянской книжности // Христианство и русская культура. – Сб. 4. – СПб., 2002. – С. 4.

⁶⁵ Рылеский монастырь был основан в X в. Соловецкий – в первой трети XV в.

⁶⁶ Левицун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – С. 137.

⁶⁷ Творогов О. В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 142.

⁶⁸ Святые Отцы – православное название Отцов Церкви – почетный титул, который использовался с конца IV в. по отношению к наиболее выдающимся церковным деятелям и писателям прошлого, пользовавшимся наибольшим авторитетом.

⁶⁹ Еремин И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX–XII вв. // Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л., 1987. – С. 220–221. Левицун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009. – С. 137–138.

влияние (второе относится к XIV–XV вв.) на письменную традицию Руси имело характерные черты. Одно из его направлений, которое выражало процесс византийско-болгарско-русского культурно-переводческого движения, было особенно плодотворным до 1018 г., т. е. до завоевания первого Болгарского царства Византией.

Это время стало рубежом в отношениях между греческим и славянским мирами, с последующим установлением византийского контроля над Болгарией, происходившим в течение XI–XII вв. и завершившимся к 1185 г.⁷⁰

Русь стала играть роль хранительницы южнославянских памятников, многие из которых были уничтожены греческим духовенством в ходе двухвековой эллинизации, последовавшей после завоевания Болгарии. Духовное наследие Первого Болгарского царства сохранилось почти исключительно на Руси, куда бежали представители болгарского духовенства, боярства и интеллигенции, спасая, в том числе, и произведения литературы.

Среди сохранных текстов было сочинение «О письменех» или «Сказаніе, како състави святии Курил Словеном писмена противу ѡзыкоу» болгарского монаха Черноризца Храбра. Автор жил в конце IX – начале X в., хорошо знал греческую письменность. Процесс принятия письменности славянами Храбр представил следующим образом: славяне до принятия христианства не имели азбуки, а пользовались черточками и зарубками. После принятия христианства и до Кирилла-философа славяне были вынуждены пользоваться латинскими и греческими буквами «без устройства». Константин-философ, нарицаемый Кириль, «сотвори имъ писмена тридесате и осмъ, ова оубо по чиноу гръчскихъ писменъ, ова же по Словеньстеи речи».

С конца XII в. до середины XIII в. с восстановлением самостоятельности (второго) Болгарского царства вновь оживляются русско-южнославянские литературные связи. Возрождение славянской литературной традиции на Балканах нашло опору в литературе Древней Руси. Многие исчезнувшие на Балканах южнославянские памятники были возвращены Русью не только болгарам, но и сербам. Среди возвращенных памятников были и исторические, в частности «Историческая Палея» – одна из разновидностей Палеи⁷¹ (в списках именуется «Книга бытия небеси и земли»). **Палея историческая** излагает библейскую историю от сотворения мира до времени царя Давида. В отличие от Палеи толковой в ней нет толкований и полемических отступлений, но содержится больше исторического материала.

Русские книжники, как и их болгарские предшественники, не касались современной им светской византийской литературы. Расширение их интересов проявилось во внимании к памятникам, известным культурному миру Средневековья и усвоенным русскими через греческое посредство. Среди них: «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» – жизнеописание Александра Македонского и др.⁷²

Содержавшиеся в них сведения исторического и географического характера расширяли кругозор древнерусского читателя во времени и пространстве. Русские книжники переводили с греческого и старославянского, а также с сирийского (повесть об Акире Премудром) и древнееврейского (библейские книги, еврейскую средневековую хронографию «Иосиппон», написанную в IX или X вв., апокрифические сказания)⁷³.

Болгарская и византийская литература знакомила русских с античной культурой. Узнавание славянскими странами, в том числе и Древней Русью, античного наследия осуществлялось, в частности, с помощью «Шестоднегов» – особого жанра церковно-историографической христианской литературы, объединенного темой толкования Книги Бытия и содержащего циклы

⁷⁰ По времени это совпало с неудачным походом русских князей на половцев, предпринятым новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году и описанным в «Слове о полку Игореве» русским автором, привлекавшим творчество Бояна XI в. (подробнее см.: гл. 1.4).

⁷¹ Палея – книга, содержащая краткое изложение ветхозаветных событий.

⁷² Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. – С. 58.

⁷³ Там же. – С. 59–60.

проповедей на темы рассказа Библии о сотворении мира. Материал был сюжетно разделен на шесть частей – по числу дней творения.

На Руси наибольшей популярностью пользовался «Шестоднев» болгарского просветителя X в. Иоанна Экзарха⁷⁴. При его написании Иоанн использовал другие «Шестодневы»: Василия Великого, Феодорита Кирского, Севериана Гавальского.

«Шестоднев» Иоанна был создан в конце IX – начале X вв. в Болгарии, откуда вместе с другими произведениями церковной литературы постепенно распространился в христианизированном славянском мире. Тексты Иоанна воспроизводились книжниками Сербии, Хорватии и древнерусских земель. В рукописной книжной традиции этот памятник существовал до XVIII в. В 1824 г. он был издан К. Ф. Калайдовичем.

Не позднее XI в. Шестоднев попал на Русь и оказал заметное влияние на духовную жизнь страны. Влиянием Шестоднева отмечено творчество Владимира Мономаха, содержание Хронографического свода XIII в. Однако пик популярности труда Иоанна Экзарха пришелся на XV–XVI вв.

«Шестоднев» Иоанна Экзарха стал общеславянским религиозно-философским и богословским памятником, в котором излагалось православное толкование библейского учения и мироздания. Иоанну была известна древнегреческая философия, представителей которой он критиковал: Демокрита, Диогена, Парменида и др. Учение Аристотеля о причинах и первоначалах всего сущего Иоанн излагал с христианских позиций. В вопросах устройства мироздания экзарх придерживался воззрений Аристотеля и Птолемея и помещал Землю в центр Вселенной. Иоанн также изложил учение о климатических зонах.

«Шестоднев» Иоанна экзарха болгарского считается одним из самых поэтических памятников мировой литературы. Он оказал глубокое влияние на русскую литературу XI–XVII вв. «Восхищение мирозданием захватывало, заражало, властно подчиняло себе не одного русского писателя, воспитывало любовь к природе и ко всему живущему», писал Д. С. Лихачев⁷⁵. Рефлексия переживаний, вызванная чтением «Шестоднева» содействовала формированию у древнерусского книжника шкалы системы ценностей.

«Шестоднев» Иоанна, а также другие памятники болгарской письменности, такие как «Написание о правой вере» Константина-Кирилла Философа, «Златоструй» царя Симеона, «Учительное Евангелие» Константина Преславского, «Сказание о письменах» Черноризца Храбра получили широкое хождение в Киевской, а позднее в Московской Руси.

Легкость восприятия византийской православной книжности южными и восточными славянами отчасти объясняется тем, что византийская культура была многонациональной, а в ее создании участвовали, в том числе, и славяне¹. Славянские страны – Великая Моравия, Болгария, Сербия приняли христианство и христианскую книжность. Вместе с христианской книжностью Древняя Русь приняла и старославянский язык, в основе которого лежал солунский диалект болгарского языка. Во второй половине IX в. на нем говорили святые равноапостольные Кирилл и Мефодий «учители словенски». Первоучители использовали его для составления славянской азбуки, перевода греческих библейских и обрядовых книг и создания первых оригинальных славянских сочинений. В «Повести временных лет» под 898 г. летописец подчеркивал близость старославянского языка древнерусскому: «а словяньский язык и русский одно есть»⁷⁶.

Овладение славянской книжностью в Древней Руси считалось задачей государственного значения.

⁷⁴ Текст «Шестоднева» Иоанна экзарха записали в Болгарии в IX – начале X в. На Руси он был переведён в XI в. URL: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/slo.htm>

⁷⁵ Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С. 16.

⁷⁶ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. – С. 52–53.

После крещения Владимир учредил школу в Киеве (ПВЛ, под 988 г.). К середине XI в. книжное дело в Киеве и Новгороде уже процветало⁷⁷. Культурными центрами были монастыри. Древнерусские монахи непосредственно и активно участвовали в международном культурном информационном пространстве. Они заинтересованно переводили православную литературу. Так, в период княжения Ярослава Мудрого на Афоне функционировал русский монастырь, который был крупным религиозно-культурным книжным центром. В нем шла напряженная духовная и культурная жизнь. На древнеславянский язык были переведены «Шестоднев» Василия Великого, «Источник знания» Иоанна Дамаскина, проповеди и толкования Священного писания Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Анастасия Синаита.

Общность и культурную преемственность Византии, Болгарии и Древней Руси отразил «Симеонов сборник» («Изборник Святослава» 1073 г.), который был переводом византийского памятника IX в., известного под названием «Спасительной книги...».

В X в. в Болгарии был сделан перевод, послуживший основой для русского рукописного сочинения. Получившее распространение на Руси, оно стало своеобразным энциклопедическим пособием, содержащим религиозные и общественно-образовательные сведения⁷⁸.

Среди книг, привезенных на Русь, были и *византийские хроники*. *Хрониками или хронографами называются произведения историографии, излагающие всемирную историю*. В XI–XII вв. на Руси были известны переводы византийских хроник: «Хроника Георгия Амартола» и «Хроника Иоанна Малалы». Также переводится хроника Георгия Синкелла, секретаря константинопольского патриархата, охватывающая всемирную историю от Адама до времени римского императора Диоклетиана (начала IV в.). Однако византийские хроники привлекались русскими летописцами не на этапе возникновения русского летописания, а позднее, в процессе его развития.

Сыгравшая определенную роль в развитии оригинального русского летописания и русской хронографии «Хроника Георгия Амартола» была переведена на славянский язык в XI в. Самый ранний известный русский список был написан в Твери на рубеже XIII–XIV в.

Составителем «Хроники» был живший в IX в. византийский монах *Амартол*, по-гречески – грешник, что являлось традиционным самоуничижительным эпитетом монаха.

В «Хронике Георгия Амартола» излагается период мировой истории от сотворения мира до восстановления православия и иконопочитания поместным Константинопольским собором 842/43 гг. «Хроника» состоит из краткого вступления и четырёх книг. В них после сотворения мира последовательно рассказывается: библейская история, характеризуются вавилонские и персидские цари, римские императоры (от Юлия Цезаря до Константина Хлора), и после них – императоры Византии (от Константина Великого до Михаила III).

Вначале «Хроника» была доведена до событий середины IX в. Позднее, еще на греческой почве, ее дополнили извлечением из «Хроники Симеона Логофета». Таким образом, повествование, было доведено до середины X в.

Хрониста интересовала главным образом церковная история. Собственно исторические события изложены кратко. Только в заключительной части, принадлежащей перу продолжателя Амартола – Симеону Логофету, отражена сложная политическая жизнь Византии IX–X вв.

Иоанн Малала, по-сирийски Иоанн Ритор (Оратор) жил в 491(?) – 578 гг. В виду особого внимания, проявляемого Иоанном к событиям в Атиохии (на севере античной Сирии)⁷⁹, в IV–VII вв. входившей в состав Византийской империи, в нем предполагают уроженца этой мест-

⁷⁷ Там же. – С. 54.

⁷⁸ Абрамов А. И. Роль Византии и Болгарии в крещении Руси // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 88–89.

⁷⁹ Сирийская Антиохия (ныне г. Антакья в южной Турции) считалась третьим по значимости городом Римской империи после Рима и Александрии.

ности. Вывод о переселении Иоанна в 530-е гг. в Константинополь делается на основании того, что в последних главах хронографии Малалы описываются события, связанные с византийской столицей. В 13–18 книгах речь идет о римских и византийских императорах от Константина Великого до Юстиниана I.

«Хронику Иоанна Малалы» перевели на старославянский язык предположительно в X в.⁸⁰ Исследователь памятника В. М. Истрин (1865–1937) собрал по крупницам из хронографов и летописцев текст славянского перевода хроники. Он допускал возможность принадлежности переводчика Малалы к «школе» болгарского просветителя X в. Иоанна экзарха. М. И. Чернышева установила, что переводчик хроники на старославянский язык пользовался списком, содержащим более полный греческий текст, чем тот, который дошел до нашего времени в рукописи, хранящейся в Оксфорде⁸¹.

Иоанн Малала доводит в «Хронике» события до VI в., не рассматривая их взаимную зависимость, причины и следствия. Текст обрывается на 563 году, в нем излагаются античные мифы, рассказывается о Троянской войне. Малала характеризует античную историографию и языческую мифологию с позиций христианского мировоззрения. Извлечения из славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» отмечены в «Повести временных лет». Под 1114 годом (лето 6622) при описании чудес повествуется о случаях из прошлого, взятых у Малалы. Древнерусский книжник, используя свободный пересказ переводчиком нескольких глав из 1-й, 2-й, 4-й книг хронографии, отождествляет древнегреческих богов с языческими божествами славянского пантеона⁸².

Широкое распространение на Руси получили *переводные жития святых*. Исследователи выявили до 50 переводных житий в древнерусской литературе⁸³. Это *назидательные биографии (агио-биографии)*, поучительные для христиан примеры жизни святых, определенным образом показанные, содержали немало исторических рассказов, сведений об исторических лицах и событиях, изложенных в соответствии с логикой: своего рода тезис – доказательство – вывод⁸⁴. Они решали воспитательную задачу силой назидательного примера.

В ранней славянской литературе почетное место занимал культ св. Климента⁸⁵, почитаемого в православии как одного из первых христианских проповедников в русских землях.

По преданию, за отказ принести жертву языческим богам около 98 года он был сослан из Рима на каторгу в Крым в Инкерманские каменоломни (район современного Севастополя), где проповедовал. Во время очередного гонения на христиан император Траян, прибыв в Крым, приказал казнить Климента. Ему привязали на шею якорь и бросили в море. Климент встретил мученическую смерть. В христианской символике якорь связывается с Климентом Римским. Якорь является символом Санкт-Петербурга как морского порта.

Часть мощей Климента Римского, согласно легенде записанной епископом Веллери Гаудерихом и поднесенной папе Иоанну VIII (умер в 882 г.)⁸⁶, была перенесена в 867 г. или в

⁸⁰ До настоящего времени остаются вопросы: когда и где был сделан перевод – в Болгарии или на Руси; в X в. или XI в.; когда и в каком виде, если хроника была переведена в Болгарии, она появилась на Руси и др.

⁸¹ URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=-wpJmNwZJwE%3d&tabid=2283>

⁸² «Хронография» Иоанна Малалы широко использовалась более поздними авторами (Иоанн Эфесский, Иоанн Антиохец, Иоанн из Никиу), с ними нередко путали Малалу. После XI в. ссылки на него византийских авторов исчезают.

⁸³ В том числе: Алексея Человека божия, Антония Великого, Евфимия Великого, Иоанна Кушника, Нифонта Константинопольского, Пахомия Великого, Дмитрия Солунского и др.

⁸⁴ *Левшин Л. В.* О возможной систематике творческих методов в средневековой восточной книжности. // Христианство и русская литература. – Вып. 4. – СПб., 2002. – С. 4.

⁸⁵ Климент I (жил в первом веке) – первый небесный покровитель русских земель, четвертый Папа Римский, один из мужей апостольских, крещен и рукоположен в епископы св. апостолом Петром, один из первых христианских мучеников. Принял смерть в Херсонесе Таврическом (Боспорское царство, Римская империя). Море стало отступать. Около 861 г. мощи св. Климента были обреты святыми равноапостольными просветителями Кириллом и Мефодием.

⁸⁶ Сохранилась в обработке Льва Остинского (XII в.)

868 г. из Херсонеса в Рим Константином и Мефодием. Глава Климента хранилась в Корсуне, откуда князь Владимир Святославович перенес ее в Киев⁸⁷. В сознании древнерусских людей перенесение мощей Климента в Киев Владимиром соотносило значение этого русского князя с первоучителями славян.

Славяне составляют Житие Климента, Слово об обретении его мощей, проложные сказания. Клирик Десятинной церкви (которую называли храмом Климента, поскольку там находились мощи св. Климента) написал «Чудо св. Климента о отрочати». Через притчу об отроче проводится мысль о спасении русского народа, которому покровительствует Климент, пришедший из Рима через Корсунь в Киев⁸⁸. В середине XI и середине XII вв. представление о церковной независимости Руси от Византии связывалось с именем Климента.

В сферу международных культурных связей Древней Руси входили контакты и с книжниками Западной Европы. На Руси появились сделанные в Чехии в конце X–XI вв. старославянские переводы с латинского языка церковно-канонических памятников. Также был известен цикл легенд о чешском князе Вячеславе (Вацлаве), проложное житие чешской княгини Людмилы (бабушки Вацлава). Русская летопись восприняла из западославянских источников «Сказание о переложении книг» (ПВЛ, под 898 г.), представляющее рассказ о деятельности Кирилла и Мефодия. Киево-Печерский монастырь поддерживал культурные отношения с чешским Сазавским монастырем (1032–1097), поддерживавшего славянскую традицию письма и интенсивно ведущего переводческую деятельность. Там хранились частицы мощей Глеба и «его товарища» (очевидно, Бориса), перенесенные туда из Киева. Однако «в конце XI в. старославянско-православная традиция в Чехии была окончательно подавлена латинско-католической церковью и культурно-литературное общение Чехии с Киевской Русью прекратилось»⁸⁹.

Свидетельством взаимосвязи и взаимовлияния северной (скандинавской) литературы и древнерусской после начала интенсивных контактов русских князей с варяжской аристократией и привлечения «варяжской дружины» является история о «вещем Олеге», в которой сплелись воедино русские известия с известиями «Орвар Одд саги».

Роль переводной литературы в древнерусской культуре Д. С. Лихачев характеризовал следующим образом: «Переводы в ряде случаев предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра. В целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое. Но не следует видеть в этом какое-то свидетельство «неполноценности» культуры восточных славян. Все европейские средневековые государства «учились» у стран, наследниц многовековой античной культуры – культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграли Болгария и Византия. Подчеркнем также, что восприятие чужой культуры, с ее многовековыми традициями, было у восточных славян активным, творческим, отвечало внутренним потребностям развивающейся Древней Руси, стимулировало возникновение оригинальной литературы»⁹⁰.

Византийское влияние не было «ни всеобъемлющим, ни стабильным»⁹¹, переводные книги, расширив круг отвлеченных представлений древнерусских авторов, вошли в плоть и кровь восточнославянской книжной культуры. Идеи, пришедшие на Русь вместе с культурным наследием Византии и южных славян, пережили глубокую трансформацию, «начинали

⁸⁷ Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. – С. 117–119.

⁸⁸ Введение христианства на Русь. – М., 1987. – С. 33.

⁸⁹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – С. 62–63.

⁹⁰ История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1980. – С. 36.

⁹¹ Удальцова З. В. Культурные связи Византии с Древней Русью // Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985. – С. 15–16.

как бы новую жизнь», приобретали «иные черты под воздействием национальных творческих начал»⁹².

Христианское мировоззрение оплодотворило творческие силы Древней Руси, способствуя их пробуждению и накоплению духовного опыта. Сложившиеся под влиянием православной культуры условия содействовали глубокому самостоятельному осмыслению древнерусскими книжниками отечественной истории.

Контрольные вопросы

1. Какое книжное богатство устремилось на Русь после принятия христианства?
2. Охарактеризуйте видовое разнообразие переводной литературы.
3. Назовите наиболее значимые памятники переводной литературы, известные в Древней Руси.
4. Какой круг памятников переводной литературы был известен древнерусскому автору?
5. Какие проблемы включает явление влияния и взаимовлияния культур?
6. В чем вы видите прямое и опосредованное влияние византийской литературы на литературу древнерусскую?
7. В чем заключалось первое южнославянское влияние?

Рекомендуемая литература

1. Афиногенов Д. Е., Турилов А. А., Попов Г. В. Георгий Амартол // Православная энциклопедия. – Т. XI. – М., 2006. – С. 48–56.
2. Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. – СПб., 1897–1914.
3. Калайдович К. Ф. Иоанн, эксарх болгарский. – М., 2012.
4. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. – С. 137–139. («Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха). – С. 226–229 («Слово о погибели Русской земли» и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского).
5. Матвеев В. А. Временник Георгия монаха: издание 2006 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 2(28). – С. 96–111.
6. Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. – Л., 1978.
7. Мильков В. В., Баранкова Г. С. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. – СПб., 2001.
8. Переводная литература IX – начала XIII в. / История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1980. – С. 36–59.
9. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980.
10. Самуткина Л. А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы: монография. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. – 143 с.
11. Чернышева М. И. О соотношении славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста (на материале портретной лексики). URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fiLeticket=wpJmNwZJwE%3D&tabid=2283>

2.4. Русские летописи как историографический источник: Повесть временных лет

⁹² Там же. – С. 16.

Развитие древнерусской письменности в первой половине XI в. и обилие переводных произведений, прежде всего византийских и болгарских, стали той питательной средой, в которой зародилось отечественное летописание. Появление первого летописного свода ученые датируют по-разному.

По мнению Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина, свод возник в конце X в. Другой известный историк – М. Н. Тихомиров и его ученики – А. Г. Кузьмин и В. И. Буганов – считали, что речь может идти о конце X в. – начале XI в.

А. Н. Насонов полагал, что летописание возникло в эпоху Ярослава Мудрого⁹³. Д. С. Лихачев в качестве времени появления летописания называл 1040-е гг. Очевидно, что *с 1030-х гг. на Руси ведется активная работа по систематизации устных и письменных известий, свидетельств и преданий о событиях прошедшего*. «Необходимость этой письменной фиксации была вызвана процессом культурно-исторического самосознания русичей, влившихся в христианскую культуру и таким образом ставших наследниками многовековой христианской культурной традиции»⁹⁴.

Русские летописи – это уникальное явление в мировой культуре⁹⁵. Они создавались на протяжении восьми столетий (летописание было запрещено Петром I), соединяя прошлое и настоящее русского народа. Летописи являлись «идеологическим стержнем, поддерживающим идею единства народа и государственности – от легендарных Кия, Щека, Хорива и полулегендарных Рюрика с братьями до Московского царства XVI–XVII веков»⁹⁶.

Долгое время в историографии господствовал образ Древа летописания, ветвившегося по русским городам и землям. Современная историография преодолела представление о происхождении летописания из одного корня. В ПВЛ присутствуют следы разных центров летописания: Киева, Переяславля, Галицкой земли, Ростова, Новгорода. Списки сводов, содержащих текст ПВЛ, сохранились в центрах княжеств, где сидели сыновья Владимира Мономаха. В Новгородской Первой летописи даже новгородские события даны в редакции ПВЛ, т. е. киевской, доведенной до 1115 г.⁹⁷

Летописи чаще всего привлекаются исследователями как исторический источник или явление литературы. Между тем, *это* еще и концептуально насыщенный **историографический источник**.

И. П. Еремин предложил следующую классификацию историографического материала летописей. Он выделил: *погодную запись* – документально характеризующую единичное событие; *летописный рассказ* – пространную погодную запись; *летописное сказание* – переработанное летописцем устное сказание, к которому обращались при отсутствии иных источников⁹⁸. Л. В. Левшун дополнила эту классификацию *летописной повестью о княжеских смертях* – своеобразным словом, посвященным смерти конкретного князя, по функции являющегося его светским житием⁹⁹. На характеристику такой *летописной повести* как особого жанра обращал внимание Д. С. Лихачев.

Летописные своды и локальные исторические сочинения являлись литературными и идеологическими средствами борьбы в политическом противостоянии Средневековья. Они

⁹³ Ярослав Мудрый был киевским князем в 1016–1018 и 1019–1054 гг.

⁹⁴ Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009. – С. 355.

⁹⁵ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусской историографии. / Историография истории России до 1917 года. – Т. 1. – М., 2003. – С. 26.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ В XI в. новгородского летописания еще не было.

⁹⁸ Еремин И. П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. – М.; Л., 1966.

⁹⁹ Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск, 2009. – С. 352.

ставили задачу интерпретировать историю тех земель, князья которых претендовали на политическое лидерство на Руси.

Каждый уцелевший и дошедший до нас летописный памятник – единственный, уникальный и представляет исключительную ценность. Среди летописных сводов древнейшими являются списки Лаврентьевской¹⁰⁰, Ипатьевской¹⁰¹ и Новгородской Первой¹⁰² летописей. Они традиционно признаются основными при обращении к изучению истории «Повести временных лет»¹⁰³ и событий IX–XIII вв.

«Повесть» (ПВЛ) уводит к началам летописания. *Название «Повести временных лет» говорит о том, что это именно «повесть», эпическое повествование о давнем прошлом.* Изложению материала по годам предшествует текст, отражающий восприятие русскими людьми своего давнего прошлого, передававшегося из поколения в поколение еще в устной традиции. Исследователи считают, что отдельные исторические предания в связи с распространением письменности могли записываться весьма рано, еще в до кириллический период.

Для древней повести характерно изложение фактов, выстроенных определенным образом, объединенных единым стержнем. Повесть была той общей жанровой формой, в которой перекрещивались другие более узкие повествовательные жанры: хроникальные, военно-эпические, житийные, апокрифические и др.

Систематизация устных и письменных свидетельств активно начинается с конца 1030-х гг. летописцами Ярославова круга, в том числе и митрополита Илариона. Их историческое и историографическое сознание отличало строгое, цельное, богословски направленное понимание истории. Последующие летописцы, добавлявшие в свод другие предания, также широко использовали местные предания, кроме того, они записывали и то, что узнавали из «первых рук» (уст). История славян и Русской земли стала рассматриваться на фоне всемирной истории, вводилась во всемирную христианскую историю. Таким образом, выстраивалась культурно-историческая ретроспектива и перспектива Руси.

Повесть временных лет. Характеристика Повести временных лет (далее – ПВЛ) как историографического целого давалась в отечественной исторической науке, поскольку «Повесть» писалась как труд исторический, содержащий историографические элементы. В ней представлена проблемная постановка вопроса, указаны разные точки зрения, то есть, присутствует концептуальная дискуссионность.

В самом заглавии «Повести временных лет» поставлены вопросы: «Откуда есть пошла Русская земля?», «Кто в Киеве начал первее княжить?», «Откуда Русская земля стала есть?» Они несут главную концептуальную нагрузку повести. Ее создатели обладали широтой кругозора и государственным подходом к историческим событиям.

На поставленные в заглавии повести вопросы в самом ее тексте даются разные ответы. Это объясняется тем, что *ПВЛ представляет собой летописный свод, в написании которого*

¹⁰⁰ Название «Лаврентьевская летопись» дана по списку 1377 г., написанному под руководством монаха Лаврентия. Этот список создавался при князе Дмитрие Константиновиче Суздальском-Нижегородском. Он содержит поучение Владимира Мономаха, что свидетельствует об уникальности списка: в других летописях поучения нет. Позднее список хранился в Рождественском монастыре в г. Владимире, куда он, по мнению А. Г. Кузьмина, попал сравнительно поздно, «когда интерес к событиям киевского периода истории Руси уже угасал, а потому больше список не переписывался». Кузьмин А. Г. Введение / Повесть временных лет. – М., 2014. – С. 12.

¹⁰¹ Ипатьевская летопись получила название по принадлежности старшего списка Костромскому Ипатьевскому монастырю. По содержанию представляет южнорусский летописный свод конца XIII в. Этот свод является компиляцией киевского свода 1198 г. и продолжающего его галицко-волынского (непогодного) повествования, доходящего до конца XIII в. Последние известия (помеченные в Ипатьевском списке 1292 г.) касаются истории Пинско-Туровского княжества.

¹⁰² Новгородская первая летопись (НПЛ) старшего и младшего изводов отражает ранний период развития русского летописания. В ее списках содержатся сведения IX–XV вв. Однако еще в XI в. новгородского летописания не было. В редакции до 1115 г. все даже новгородские известия даны в киевской редакции. Собственно новгородская редакция известий сохранена сводами второй половины XV в.

¹⁰³ Далее – ПВЛ или «Повесть».

участвовало несколько поколений книжников второй половины XI – начала XII в. Они писали в разных центрах летописания, выражали позицию своих земель. Расхождения касались принципиальных вопросов: происхождения династии, крещения Владимира, возраста и происхождения Ярослава Мудрого и др.

В ПВЛ воспроизведены две версии начала Руси. Согласно одной из них, Русь возникла в результате миграционных потоков славян и Руси с верховьев Дуная из Норика по традиционному Дунайско-Днепровскому пути. Вторая точка зрения иначе характеризовала направленность миграции славян и Руси, считая, что их переселение происходило по Волго-Балтийскому пути.

Исследователи полагают, что в ПВЛ представлена полянославянская версия начала Руси, связанная с переселенцами из Норика (т. е. территории между Моравией и Баварией). В X в. Норик – это Ругиланд, называвшийся, как и всюду, где расселялись руги – «Руссией», «Рутенией». Летописцу были известны переселенцы и их потомки. Переселенцы из Норика-Ругиланда в X в. говорили на славянском языке.

Частью поляно-славянской концепции начала Руси является рассказ об обычаях племен, среди которых поляне значительно отличаются от славян и формой семьи, и формой брака и обрядом погребения (поляне не знали обычного для славян трупосожжения). Параллели обычаям полян исследователи находят в баварском и готском праве.

Понятие «варяги» приводится в ПВЛ в трех значениях. Во-первых, в качестве общей характеристики всего населения от Дании до Волжской Болгарии («предел Симов»). Во-вторых, как одного из племен наряду с другими прибалтийскими племенами. И, наконец, как совокупности прибалтийских племен¹⁰⁴.

Разные версии приводятся в ПВЛ и о происхождении династии. Так, киевский летописец писал о княжеском достоинстве Кия и полемизировал с отрицающими это мнение точками зрения. В Новгороде одни вели происхождение династии от Рюрика, тогда как другие от Игоря.

Для летописцев первоисток новой, преображающим Русь событием христианской истории, является крещение. Неслучайно в древнерусских источниках деяние князя Владимира приравнивается к христианскому выбору императора Константина, просветившего Римское государство Христовой верою. Отсюда следует именование Владимира Святославича новым Константином. Оно содержится в ПВЛ под 6523 (1015) г.: «Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестився сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему»¹⁰⁵.

Принятие христианства определило судьбу Руси. Таким образом, ПВЛ развивает традицию признания значимости христианского выбора и исторических оценок явлений в соответствии с этим выбором, которая была заложена митрополитом Иларионом и Иаковом мнихом.

Вместе с тем *обрабатывая материалы о месте крещения Владимира, летописец выявил в них наличие несколько версий о его крещении*: 1) в Корсуни, 2) Киеве, 3) Василеве. Кроме того, летописец отметил, что есть и иные точки зрения¹⁰⁶.

Споры вокруг места крещения Владимира были вызваны различиями в понимании содержания христианского вероучения. Исследователи считают, что «разные общины боролись за Владимира подобно тому, как семь городов спорили о месте рождения Гомера»¹⁰⁷. В XI–XII вв. между разными течениями и пониманием христианства велась сложная борьба за трактовку принимаемой веры и ее роль. Для Десятиной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Киеве – первой каменной церкви Древнерусского государства, воздвигнутой святым равноапостоль-

¹⁰⁴ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусской историографии. / Историография истории России до 1917 года. – Т. 1. – М., 2003. – С. 28.

¹⁰⁵ Повесть временных лет. – СПб., 1996. – С. 58.

¹⁰⁶ Научные споры о месте крещения Владимира продолжались в конце XIX в. и в XX в. См.: Введение христианства на Русь. – М., 1987. – С. 21–50.

¹⁰⁷ Там же. – С. 25.

ным Владимиром на месте кончины христиан первомучеников Феодора и его сына Иоанна, связанной с кирилло-мефодиевской просветительской христианской традицией, было характерно бережное отношение к предшествующим текстам.

На Руси существовали разные христианские общины и широко сохранялись демократические институты. Общинный уклад играл важную роль. Уже поэтому «Русь не могла не принять, ни даже понять теоцентристских притязаний как Рима, так и Константинополя»¹⁰⁸.

В ПВЛ повествование о крещении рассредоточено между 986–989 (6494–6497) гг. Летописная повесть составлена из ряда самостоятельных произведений. По мнению Н. К. Никольского (1863–1935), летописец, переработал «Слово о том, како крестися Владимир, взяв Корсунь» или подобный самостоятельный текст. Н. Н. Ильин показал, что самостоятельным памятником, также использованным в рассказе о крещении Владимира, было первоначально и «Сказание о Борисе и Глебе»¹⁰⁹. Оно отражает борьбу разных общин и традиций в христианстве на Руси в XI–XII вв. и оттеснение на задний план Десятиной церкви Софийским собором. В ПВЛ включены тексты, которые по содержанию или мировоззрению переключаются с памятниками кирилло-мефодиевского и западного круга.

Историографический анализ ПВЛ предполагает выявление особенностей мировидения авторов Древней Руси ее киевской поры, идеологических различий и противостояний, свойственных той эпохе. Осуществляя такой анализ, А. Г. Кузьмин пришел к выводу, что у Нестора было иное представление о событиях, нежели у летописцев, редактировавших более ранние летописные тексты. Данное обстоятельство исследователь объяснял тем, что создание и редактирование летописного текста не может быть оторвано от общественно-политической и идейной жизни. В нем отражается и природа общественного сознания, и идейная борьба эпохи. Методика, которой следовали историки, в частности М. Д. Приселков, А. Г. Кузьмин, заключается в определении того, что написали Нестор, Сильвестр, Василий, а также другие, не названные по именам летописцы. Поскольку чаще всего бесспорно принадлежащих конкретному летописцу сочинений в нашем распоряжении нет, ученый исходил из анализа мировоззрения, «круга чтения», языка и стиля Нестора. Он характеризовал их на основании бесспорно принадлежащих игумену Печерскому Нестору внелетописных сочинений: Чтения о Борисе и Глебе и Жития Феодосия. И уже отправляясь от «этих объективных данных», искали в летописи «следы тех же воззрений».

Л. В. Левшун не согласна с гипотезой М. Д. Приселкова, отождествлявшего Илариона с Никоном. Разделяя мнение А. А. Шахматова, о выдающейся роли Никона (Великого) в создании «Первого Киево-Печерского свода» 1073 г., Л. В. Левшун характеризует историческое (историографическое) сознание летописца. Исследователь отличает его «от более строгого, цельного, богословски направленного понимания истории летописцами Ярославова круга»¹¹⁰, к которому принадлежал и митрополит Иларион. Отдавая должное Никону, Л. В. Левшун пишет: «Именно Никону последующее восточнославянское летописание обязано *широтой кругозора, государственным подходом к историческим событиям*. Летописные известия, начиная с 60-х гг. IX в. Никон располагает в форме погодных записей...»¹¹¹.

Редакция ПВЛ 1113 г., осуществленная монахом Киево-Печерской лавры преподобным Нестором, вносила существенные коррективы в существовавший до этого «Начальный свод», который был им существенно переработан. Нестор использовал библейскую, византийскую литературу, восточно-славянские летописные своды. Он значительно углубил и расширил историографическую основу русского летописания. Было показано положение славян

¹⁰⁸ Там же. – С. 25–26.

¹⁰⁹ Там же. – С. 25.

¹¹⁰ Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – С. 355.

¹¹¹ Там же. – С. 356.

среди других народов, рассмотрены взаимоотношения внутри славянского народа, подчеркнуто единство славянства и славянского языка. История Древней Руси дана по преимуществу как история Киевской Руси. Описание Руси доведено Нестором до 1110 г. Далее писал другой летописец, который называет себя Сильвестром, игуменом Выдубицкого монастыря под Киевом.

В 1113 г. умирает князь Святополк Изяславич, для которого писал Нестор, и князь Владимир Мономах переводит летописание в Выдубицкий Михайловский монастырь, где игумен Сильвестр в 1116 г. создает свою редакцию. Но Владимир Мономах не был доволен редакцией Сильвестра и поручил следующую переделку летописи своему сыну, тогда новгородскому князю Мстиславу. В 1118 г. княжеским духовником, чье имя осталось неизвестным, эта редакция была осуществлена. В текст было включено «Поучение Владимира Мономаха», легенда о призвании в Новгород варягов-князей и др. материалы.

В процессе осуществленных переработок в ПВЛ столкнулись две исторические концепции, в результате чего были нарушены стройность и логичность повествования Нестора. Утратило цельность повествование, задуманное как история восточных славян в контексте общеславянской истории и рассказывающее о Киеве как о городе, призванном объединить восточнославянские земли. То же можно сказать и о рассказе, о первых киевских князьях как о родоначальниках восточнославянской княжеской династии, которое вошло в противоречие с новым рассказом. Новый рассказ был посвящен изложению организующей роли Новгорода и призвании варягов, к которым возводилась не только правящая княжеская династия, но и название страны – Русь¹¹².

Повесть временных лет (так называемая Начальная летопись) – это главный труд о первых веках русской истории. Он является фундаментом дошедшего до нас отечественного летописания. «Это и неудивительно: здесь поставлены основные вопросы, связанные с началом народности, государства, христианства; здесь спрессованы те идеологические и политические факты, которыми многие столетия питалось этническое и политическое сознание истекающей кровью Руси», – объяснял А. Г. Кузьмин¹¹³.

Христианское представление о времени. Летописание вводило в древнерусскую культуру представление о том, что прошло. Феномен летописного времени включал в себя повторяемость (типологию). Он основывался на убеждении о возможности повторения того, что было, типологического обоснования в соответствии с пониманием Священного Писания. Форма бытия времени в христианской культуре видится не в «истекании», даже по спирали, а в «истончении»¹¹⁴.

Время христианской культуры не движется по кругу или по прямой: от Сотворения мира к Страшному суду; от прошлого к будущему: «... оно есть постепенно истончающаяся завеса между творением и Творцом<...>. Время в христианской культуре мыслится как инструмент преобразования бытия, «вызревания» мира к самому последнему Преображению, после которого «времени не будет». «Плотность» времени и, значит, его «преобразовательная ценность» определяется частотой событий-преображений и событий-откровений, приближающих тварь к Творцу»¹¹⁵.

Летописное время – иное, отличающееся от т. н. исторического, секулярного историографического времени. Оно равномерно и равноценно. Для летописца нет событий главных и неглавных, мелких и крупных. Для него есть «события» и «не события», т. е. явления и факты, аналогов (прототипов) которым он не знает в Писании и Предании, а потому и не может впи-

¹¹² *Левшин Л. В.* О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – С. 363.

¹¹³ *Кузьмин А. Г.* Введение / Повесть временных лет. – М., 2014. —

¹¹⁴ *Кузьмин А. Г.* Введение / Повесть временных лет. – М., 2014. – С. 339.

¹¹⁵ Там же.

сать их в свое повествование. Таким подходом объясняется наличие в Повести временных лет «пустых» дат.

Контрольные вопросы

1. В каких исторических условиях и почему появляются первые русские летописи?
2. Какую память о своей земле хотел оставить летописец?
3. Как отражал исторические события летописец? Что было для него важным?
4. Каким видел летописец место восточных славян в европейской истории?
5. Какие концептуальные споры отечественного Средневековья отражены в «Повести временных лет» по вопросам происхождения Русской земли, Руси, варягов, путям проникновения христианства на Русь?
6. Почему в Повести временных лет летописец не излагает событий в отдельные годы?

Рекомендуемая литература

1. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. – М., 1977.
2. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусской историографии. /Историография истории России до 1917 года. – Т. 1. – М., 2003.
3. Повесть временных лет. – СПб., 1996.
4. Повесть временных лет. – М., 2014.
5. Се Повести временных лет. (Лаврентьевская летопись) / сост., авторы примечаний и указателей А. Г. Кузьмин, В. В. Фомин. Вступительная статья и перевод А. Г. Кузьмина. – Арзамас, 1993.

2.5. «Слово о полку Игореве» – источник светской исторической мысли Древней Руси XI–XII вв

«Слово о полку Игореве» – единственное дошедшее до нас авторское произведение светской литературы XI–XII вв. Оно представляет жанр «воинской славы» домонгольской Руси. О других светских произведениях того времени мы можем судить только на основании упоминаний о них, или извлечений их текстов и пересказов из летописей, сохранивших списков (сводов) которые датируются уже более поздним временем – началом или концом XIV в.

«Слово о полку Игореве» продолжило сложившуюся еще до XII в. «архаическую светскую традицию»¹¹⁶ воинской славы. *Идейная концептуальность* памятника представляет *итог длительного развития светской военной патриотической национальной мысли*. «Слово» написано в христианском обществе и его автор христианин.

«Слово» – *сложный по составу и жанровой принадлежности историографический источник*. Сам автор называет написанное им произведение и «повестью», и «песнью». Все три названия жанрово представлены в тексте. Есть еще одна жанровая форма – это *историческое повествование*, описывающее выступление князя Игоря в поход и сам поход, перипетии битвы и поражения.

Своим предшественником автор «Слова...» считает Бояна и семикратно апеллирует к нему. В соответствии с обычаями своего времени автор «Слова...» широко использовал тексты Бояна. В переработанном виде он включил в текст остатки строф жившего во второй половине XI в. древнерусского поэта¹¹⁷.

¹¹⁶ Робинсон А. Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. – М., 1973. – С. 184.

¹¹⁷ Дмитриев Л. А. Боян (XI в.) /Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. – Вып.

Боян – это единственный известный нам по имени поэт, писавший на древнерусском языке на светские темы в XI в. (существует гипотеза, что он был младшим современником митрополита Илариона Киевского или принадлежал к близкому ему поколению).

На основании анализа сюжетного содержания прямых цитат Бояна в «Слове...», отмеченных ссылкой на его авторство, определение хронологии которых возможно с помощью исторического объяснения в границах «не ранее», «самое раннее» или «всего позднее» (в соответствии с правилом *terminus post quern / terminus ante quern*), специалисты видят в Бояне современника Всеслава Брячиславича полоцкого (ум. в 1101 г.), Святослава Ярославича и его сыновей: Олега (ум. в 1115 г.) и Романа Святославичей.

Благодаря автору «Слова...» нам известно, что Боян воспевал «старого Ярослава», в котором исследователи усматривают киевского князя Ярослава Владимировича (Мудрого), а также единоборство его брата Мстислава с касожским князем Редедей и «красного Романа Святославича»; внука Ярослава, который погиб в 1079 г. от рук изменивших ему половцев. Обращаясь к известным своим современникам мотивам на воинскую тему, автор «Слова...» прибегает к реминисценции, сопоставлению, взгляду в прошлое, используя *метод аллюзии (аналогии)*.

Обращение автора «Слова» к творческому наследию Бояна объясняется его преклонением перед авторитетом Бояна и его эрудицией, способностью обобщать и анализировать явления. Выбор событий Бояном, хотя их и разделяет столетие, оказался идейно созвучен событиям, о которых повествует автор «Слова». Автор «Слова» использовал исторические образы, созданные предшественником, для решения собственных задач тонко и осторожно. Заимствованные у Бояна образы и метафоры стали концептуальным основанием и аргументами для убедительного выражения *идеи единства князей, единой Русской земли как высшей ценности*. Авторская позиция объясняет смысл обращения к князьям: «Встать за землю Русскую, за раны Игореве».

С. Ф. Платонов¹¹⁸ подчеркивал, что певец «Слова» «рассказывает о походе и поражении окраинных северских князей; но он постоянно зовет их самих и их дружины «русичами» и «русскими полками», даже «Русскою землею». Для Платонова это является подтверждением важной закономерности, которая потом не раз спасала Русь и Россию: «В то самое время, когда нарушалось государственное единство на Руси, и начался хозяйственный упадок южных волостей, – в обществе народилось национальное чувство и сознание народного единства»¹¹⁹.

Свойственный раннему отечественному средневековью стиль нашел выражение в обращении автора «Слова...» к князьям, которое «выдерживает сравнение с самыми высокими образцами церковной *гомилетики*¹²⁰ XI–XII вв., отмеченными именами Илариона и Кирилла Туровского»¹²¹. Смысл обращения автора «Слова» состоял в призыве прекратить перед общей угрозой вековые раздоры. В конкретно-исторической ситуации к умиротворению призывались Ярославичи и полоцкие Всеславичи¹²².

Д. И. Иловайский обратил внимание на то, в XII в. Тмутараканский край был «оторван» от Руси половцами, но чернигово-северские князья не забывали о нем и делали попытки вернуть его в свое владение. В «Слове...» говорится, что Игорь Северский и его брат Всеволод

1. – Л., 1987. – С. 83–91.

¹¹⁸ С. Ф. Платонов (о нем подробнее см. параграф 7.11).

¹¹⁹ Платонов С. Ф. Учебник Русской истории для средней школы. Курс систематический в двух частях с приложением восьми карт. – Пг., 1917. – С. 58.

¹²⁰ Наука о церковной проповеди, красноречии.

¹²¹ Никитин А. Л. Слово о полку Игореве. Тексты. События. Люди. – М., 1998. – С. 19–20.

¹²² Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» в трудах Д. С. Лихачева // Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985. – С. 81.

Трубчевский предприняли поход на половцев с целью поискать град Тмутаракань. В «Слове...» не один раз и с сочувствием упоминается о Тмутаракани¹²³.

Мировоззрение создателя «Слова» выросло на почве древнерусской действительности XII в. Вместе с тем его исторический и культурный кругозор вообрал в себя, в том числе, и печальное наследие XI в. погибшего Болгарского царства. Автор XII в. являлся представителем школы «исторической непрерывности», ценившейся в Византии. Она заключалась в том, что новое произведение создавалось на основе и с использованием уже существующих текстов предшественников, соответствующим образом переработанных. Таким образом, обновление осуществлялось при сохранении и параллельном существовании исходных произведений. Благодаря этому, усложняясь, создавалась единая многоплановая картина исторического процесса, картина бытия, «взаимопроникновения времен и космичности сознания человека».

В отраженной «Словом...» исторической памяти ученые находят следы дохристианского мифологического сознания, образы хтонических (порожденных землей) божеств, используемый в тексте мотив Трои, сюжеты, связанные с которой были известны в Древней Руси¹²⁴. Так, со ссылкой на Бояна, автор «Слова» восхваляет дела Игореве «рища в тропу трояню»; вспоминает войны стародавних времен и называет эти времена «вЪчи трояни»¹²⁵. Раздор-несчастье «на землю трояню» вступило в образе девы (Обиды). Половецкие набеги, старые междоусобицы и хитрости Всеслава происходили «на седьмом вЪчи трояни».

Автор «Слова» использовал характерный для ранних средневековых европейских авторов метод концептуального параллелизма. По мнению итальянского исследователя Р. Пиккио (1923–2011), «этот способ определения собственного метода повествования как исторического, основанного на прямых (не поздних) источниках, и как не поэтического (т. е. не фантастического) типичен для средневековой традиции, связанной с легендой Трои»¹²⁶.

Неизвестный поэт XII в. заимствовал необходимые ему отрывки произведений второй половины XI в. «точно так же как другой его современник, опираясь уже на текст самого «Слова», дополнял и «уточнял» отдельными деталями прозаическую повесть о «походе» Игоря Святославича, дошедшую до нас в составе летописи по Ипатьевскому списку»¹²⁷.

Следы традиции исторической ретроспекции (воспоминаний), перенесенной на Русь из Византии в XI в., присутствуют в творчестве Бояна, в «Слове» XII в. и вновь появляются в конце

XV в. в «Задонщине», т. е. уже в эпоху «второго византийского влияния», оказавшего воздействие на культуру Московской Руси.

«Только от Бояна и через Бояна в «Слово», – по наблюдению А. Л. Никитина, – «мог войти <...> «дунайский пласт» исторических реминисценций и славянской мифологии, уходящей своими истоками к событиям еще Римской империи»¹²⁸. Русскую историю второй половины XI в. древнерусский Бонн понимал как всеславянскую. Исследователи отмечали присутствующие в «Слове» сербизмы и болгаризмы.

«Стратификационный» (понятие А. Л. Никитина) подход к «Слову» (т. е. подход, «раслаивающий» памятник на разновременные пласты, выявляющий в нем более ранние тексты,

¹²³ Иловайский Д. И. Начало Руси. – М., 1996. – С. 298.

¹²⁴ Начиная с Троянской войны, древняя Троя участвовала в этногенезе многих европейских народов, в том числе народов, проживавших позднее в Причерноморье и на южном побережье Балтики.

¹²⁵ Д. И. Иловайский высказал соображение, что «вечи (века) Трояни» относятся не к императору Трояну, а «собственно к Троянской войне. Впрочем, могло быть, что воспоминания о том и о другом перепутались». (Иловайский Д. И. Начало Руси. – М., 1996. – С. 249). Сказания о Троянской войне были любимым чтением у дунайских болгар.

¹²⁶ Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985. – С. 90.

¹²⁷ ПСРЛ. – Т. II. – СПб., 1908. – Стб. 637–644; Никитин А. Л. Слово о полку Игореве. Тексты. События. Люди. – М., 1998. – С. 180.

¹²⁸ Никитин А. Л. Слово о полку Игореве. Тексты. События. Люди. – М., 1998. – С. 185.

в свое время усвоенные и включенные в изложение создателем окончательного текста) с целью изучения *хронологически многослойного текста* открывает исследователям путь в творческую лабораторию древнерусского автора, который включает в себя в том числе и историографическую составляющую.

«Стратифицированность» текста отражает сложную жизнь памятника и дает основания для выделения *«хронологических порогов»* или *«рубежей сознания»*, характеризующих эволюцию исторических представлений древнерусского человека. «Стратификационный» подход не исключает последующего применения *сопоставительного и сравнительного методов, необходимых при рассмотрении хода развития исторической мысли и выявления концептуальной преемственности*.

Вдумчивое отношение отечественных историков к памятнику давало им основания соотносить правильность собственных суждений и оценок. Такой прием использовал С. Ф. Платонов в «Учебнике Русской истории для средней школы». Он писал: «Слово о полку Игореве» справедливо ставит Ярослава (*Осмомысла*¹²⁹, – М. Л.) по значению рядом со Всеволодом Большим Гнездом. Они были в то время сильнейшими князьями на Руси»¹³⁰. При них расцвели Галицкое княжество и Северо-Восточная Русь.

Современная наука рассматривает «Слово» как с точки зрения анализа содержащихся в нем генетических смыслов, так и места памятника в ряду других европейских произведений. Сравнив «Слово о полку Игореве» с «Песней о Роланде»¹³¹, Д. С. Лихачев показал их принадлежность к общему жанру. Ученый отметил отсутствие между ними генетической связи. Общим было одно: оба памятника появились в сходных условиях раннего Средневековья. «Слово», по выражению Д. С. Лихачева, «историчнее», ближе к историческим событиям, поскольку оно было создано вскоре после событий, тогда как «Песнь о Роланде» формировалась веками, для чего во Франции были исторические возможности. Образ князя Святослава ближе к историческому князю Святославу, чем образ императора Карла в «Песне о Роланде» к историческому Карлу. В «Песне...» сильнее сказывается не столько исторический, сколько публицистический элемент.

Автору «Слова о полку Игореве» были неведомы современные ему западноевропейские источники, но античные источники он знал. Так, в качестве аргумента своей правоты автор использовал троянский сюжет и троянские образы.

Время создания «Слова о полку Игореве», по наблюдению специалистов, совпало с наступлением на Руси времени «сращения поэтики устной словесности с поэтикой письменной литературы». И мы не удивились бы, по словам Г. М. Прохорова, «одинокости» *Слова о полку Игореве*, не случись на Руси такой беды, как разгром ее татаро-монгольским войском Батые, и последовавшего затем раздела ее территории Ордой и Литвой. Вместо «культурного синтеза», фиксирования эпоса письменностью, «наступил длительный шок», вызванный поражением и разделом православной страны между двумя языческими народами¹³².

Контрольные вопросы

1. Существовала ли собственно русская светская литература в Древней Руси до XIII в.?

¹²⁹ Ярослав, прозванный Осмомыслом, был талантливым князем. Князя в 1152–1187 гг., он продолжал дело объединения и усиления Галицкого княжества. Всеволод Юрьевич, прозванный «Большое Гнездо», – младший брат Андрея Боголюбского и сын Юрия Долгорукого, правил в 1176–1212 гг., ставших временем расцвета Владимир о-Суздальского княжества.

¹³⁰ Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы: курс систематический в двух частях с приложением восьми карт. – Пг., 1917. – С. 82–83.

¹³¹ Эпическая старофранцузская поэма, написанная в XII в., посвященная описанию гибели войска Карла Великого, возвращавшегося в 778 г. из завоевательного похода в Испанию.

¹³² Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. – СПб., 2010. – С. 127–128.

2. Вся ли начальная литература Древней Руси была заимствована и «трансплантирована» (по выражению Д. С. Лихачева) на Русь Из Византии через Болгарию?
3. Как влияла культура и образованность на светский текст в Древней Руси XI–XII вв.?
4. Охарактеризуйте концепцию автора «Слова о полку Иго-реве».
5. Как использует наследие Бояна неизвестный автор «Слова о полку Игореве» в своем тексте?
6. Насколько «Слово о полку Игореве» отражало общие тенденции, характерные для развития эпического военного жанра европейских стран?
7. Для чего потребовался автору «Слова о полку Игореве» сюжет Трои и как он характеризует его культурно-исторический и литературный кругозор?

Рекомендуемая литература

1. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М., 2008.
2. Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». – Л., 1977.
3. Никитин А. Л. Слово о полку Игореве. Тексты. События. Люди. – М., 1998.
4. Ржигза В. Ф. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Археографический ежегодник за 1961 год под редакцией академика М. Н. Тихомирова. – М., 1962.
5. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М., 1971.
6. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». – М., 1991.
7. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972.
8. Слово о полку Игореве. – Л., 1985.

Выводы к главе 2

Историческая мысль Древней Руси, с присущей ей совокупностью идей и взглядов, сегодня известна по текстам летописей и произведениям древнерусской литературы. Жанры произведений, в которых воплощалась историческая мысль, являются одновременно жанрами, как литературы, так и устного творчества. Отраженные в них идеи и взгляды имели практическую направленность и излагались общепринятым языком. Они еще не складывались в теории, а для их выражения не использовали понятий и терминов.

Имея немало сходных черт с современными ей западноевропейскими монархиями, у Древней Руси были и особенности. Так, более существенную роль играла княжеская власть. Практика властных отношений (механизма властвования, порядка княжения и передачи княжеской власти, статус князя в обществе, взаимоотношения княжеской власти и церкви) влияла на содержание идей, в том числе и исторических, и нашла отражение в отечественной исторической мысли XI–XII вв.

Укорененность мыслительной традиции в реальной общественно-политической жизни являлась залогом ее последующего самостоятельного развития. Среди творцов древнерусской идеологии были государственные и церковные деятели со своими духовными, религиозно-философскими, культурными и политическими представлениями. Глубокое воздействие на них оказало православное христианство – мировоззрение, обогатившее историческое мышление и сознание.

Православие стало для русской культуры тем каналом, по которому на Русь вливался поток христианских духовных ценностей, выработанных в предыдущие века существования христианства.

Начавшиеся еще во второй половине XI – первой трети XII в. центробежные процессы привели во второй трети XII в. – первой трети XIII в. к распаду политически единого Древне-

русского государства. Однако понятие «Русская земля» продолжало сохранять свое объединяющее значение. Оно заключалось в единстве культуры и языка, единой организации Русской митрополии, в традициях, которые выражались в особых правах княжеского рода Рюриковичей на всем пространстве «Русской земли» от Прикарпатья до Поволжья, от Ладоги до Среднего Поднепровья, поскольку князем на Руси нельзя было стать, им можно было только родиться¹³³.

Древняя Русь в домонгольский период создала мощный культурный фундамент, на основании которого осуществлялось сбережение и развитие отечественной мыслительной традиции в дальнейшем.

¹³³ Свердлов М. В. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб., 2011. – С. 37–38.

Глава 3

Историческое сознание на Руси в условиях агрессии запада и востока в XIII в. Эволюция представлений о монголо-татарском нашествии и ордынском владычестве в XIV–XV века

3.1. Общая характеристика

XIII век принес неисчислимые бедствия на Русь: почти одновременно страна подверглась нападению и с Запада, и с Востока. Входившая до этого в единое культурное европейское пространство страна лишилась национально-государственной самостоятельности и оказалась в сложном положении. Военные события прервали динамичное развитие отечественной культуры и исторической мысли. Русским книжникам вместе со своим народом выпала доля пережить испытания, переосмыслить, оценить и сопоставить прошлое и настоящее.

Внутренние и внешние «разрывы» тяжело отразились на судьбе земель, входивших в состав Древнерусского государства в X–XII вв. Их следствием стал нараставший контраст Руси, а затем России по отношению к Западной Европе в XIII–XVII вв.

Содержание памятников отечественной мысли XIII в. и большей части XIV в. определяла *идея гибели Руси*. Постигшие Русь бедствия были восприняты религиозным сознанием как Божие наказание за грехи. Эти бедствия «стали действенным катализатором в поиске новых путей исторического развития народа и государства»¹³⁴. В период с 1223 г. (от битвы на Калке) до 1380 г. (сражения на Куликовом поле) – создавались преимущественно воинские повести.

В течение XIV в. на Руси шло постепенное накопление духовных сил, формировалась ее готовность к восприятию освободительной идеи, которая несла в себе заряд энергии, жаждущей разрушения порядка, сложившегося в результате монголо-татарского завоевания. С конца XIV в. наблюдались изменения: одновременно происходило ослабление Орды и усиление Московского княжества. Начиналась национально-освободительная борьба русского народа против ордынского владычества.

В текстах памятников отечественной исторической мысли появились новые идеи. Изложение событий обрело неизвестную древнерусской литературе XI–XII вв. масштабность. Возросла роль образа Русской земли и народа¹³⁵. В древнерусской традиции домонгольского периода современники ордынского владычества черпали исторические аргументы, которые помогали им в обосновании новых трактовок.

3.2. Мировоззрение и исторические представления русских средневековых авторов

Пережитые в XIII в. русскими людьми трагические события вызвали глубокие изменения в духовном строе Руси. Русский княжеский род, не проявив единства, был разбит и унижен восточными завоевателями: «Не уберегшие свою страну князья, несомненно, потеряли уважение своих не защищенных ими подданных, и культ их рода»¹³⁶.

¹³⁴ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 198.

¹³⁵ Орлов О. В. Литература // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2. Духовная культура. – М., 1970. – С. 119.

¹³⁶ Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. – СПб., 2010. – С. 130. Княжеские родовые имена, по наблюдению В. Л. Комаровского, исчезают «одновременно с внецерковной молитвой предку в поколении сыновей Александра

Православная Русь оказалась поделенной между татаро-монголами и литовцами, т. е. языческим Востоком и языческим Западом. Заметим, что остаткам языческой культуры на Руси золотоордынское «иго» нанесло более серьезный урон, чем церковной вере. С завершением XIII в. из русской жизни ушла значительная часть языческих традиций, зафиксированных в письменной литературе. С уходом традиций княжеского рода фольклор так и не был допущен народом в материалы письма. В XIV–XV вв. характер влияния фольклора на письменность изменился.

Православная церковь также понесла неисчислимые потери. На христианскую веру легла ответственность за состояние этнического самосознания. В эсхатологическом сознании¹³⁷ трагические события на Руси объяснялись тем, что Бог посылал татарам победу не потому, что Он им покровительствовал, а потому, что наставлял русских людей на путь покаяния через наказание. Испытание посылалось, чтобы *русские осознали бесценность утраченного ими*. Монголо-татарское нашествие принесло на Русь не только разорение и гибель, но и великую боль по утраченной красоте: разрушение храмов, осквернение святынь. Русские люди видели в иконах и изображениях фресок в церквях – образ вечности, мира, очищенного от зла.

В такой атмосфере составлялись тексты, прославляющие Русь до нашествия. Дошедшее до нас в отрывке *«Слово о погибели Русской земли»* стало одним из ранних описаний-прославлений родной земли в европейской литературе. Данная типологическая общность, присущая произведениям Средневековья, объясняется тем, что, хотя тексты и писались в разных странах, но они создавались в близких трагических обстоятельствах. Исследователь этой проблемы В. В. Данилов пришел к выводу, что *«Слово о погибели Русской земли»* «сближается не со всяким патриотическим произведением в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего проявления, когда родина писателя страдала от войн, междоусобий и произвола»¹³⁸.

Х. М. Лопарев (1862–1918) нашел отрывок *«Слова о погибели Русской земли»* в рукописи XV в. псковского Печерского монастыря, где текст занимает 45 строк, и его опубликовал в начале 1890-х гг. Он считал, что это лишь первая, целиком не сохранившаяся часть трилогии. Ее вторая часть повествовала о Ярославле Всеволодовиче, третья – Александре Невском. Эта версия о том, что *«Слово о погибели Русской земли»* является предисловием к недошедшей до нас светской биографии Александра Невского, будто бы написанной вскоре после смерти князя одним из его дружинников, подтверждения не нашла.

В *«Слове о погибели Русской земли»* речь идет о разгроме русских княжеств и ужасах батыевщины¹³⁹. При помощи *контрастных картин – прекрасного прошлого и трагического настоящего Руси*, автор подчеркивает всю тяжесть произошедшего с ней.

Особую роль в историческом повествовании Средневековья играли *историко-природные описания*. Природа изображалась авторами участницей событий человеческой жизни. Она влияла на судьбу человека через приметы и предзнаменования прямо или косвенно. Размышляя о мудрости божественного мироустройства, средневековый автор опирался на природные описания, поскольку он видел в природе проявление божественной мудрости¹⁴⁰. Описывались такие природные явления как засуха, гроза, землетрясение, появление комет и «знамений» на солнце, падение звезд и др.

Невского в конце XIII столетия».

¹³⁷ Эсхатологическое сознание – это религиозное сознание, признающее конечность судеб мира и человека и верующее в загробную жизнь души.

¹³⁸ Дмитриев Л. А. Слово о погибели Русской земли. /Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. I. (XI – первая половина XIV в.). – Л., 1987. – С. 432.

¹³⁹ Среди исследователей нет единства в датировке *«Слова о погибели Русской земли»*. М. Н. Тихомиров соотносил его появление с битвой на Калке 1223 г. Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, Ю. К. Бегунов связывают его с батыевым нашествием в 1237–1240 гг.

¹⁴⁰ Лихачев Д. С. *«Слово о погибели русской земли» и «Шестоднев»* Иоанна экзарха болгарского. И Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С. 227.

Для понимания состояния и тенденций исторической мысли, представляется важным изучение «Слова о погибели Русской земли» в ряду других памятников, а также рассмотрение существующих в литературе размышлений о концептуальном единстве этого памятника с другим памятником – «Словом о полку Игореве». Оба эти произведения объединяет обостренное чувство национального самосознания их авторов, идеи необходимости для защиты земли силы и воинской доблести, а также жанрово похожие средства выражения основной идеи при помощи формы, сочетающей похвалу и плач.

В образном мышлении Средневековья с помощью системы образов выстраивалась определенная традиция.

Во второй половине XV в. образы «Слова о погибели Русской земли» использовал книгописец Ефросин (Евфросин) Белозерский, монах Кирилло-Белозерского монастыря и впоследствии игумен Прилуцкого монастыря, подчиненного Троице-Сергиеву монастырю¹⁴¹, составитель хронологической компиляции, получившей в науке название Ефросиновский хронограф, который восходит к недошедшей до нас ранней редакции Хронографа Троицкого.

Кругозор Ефросина был очень широким: наряду с житийными, аскетическими, учительными произведениями он включал в сборники выписки из летописей и хронографов, полемические сочинения против латинян, статьи канонического содержания, материалы по географии, астрономии, медицине, лексикографии, апокрифы, беллетристические сочинения и др. Особое внимание Ефросин уделял историческим сочинениям.

Всемирную историю (часть фрагментов восходит к Хронике Георгия Амартола) Ефросин дополнил русской историей. Ефросина интересовала тема борьбы с татарами. Он описал татарские набеги с 1377 по 1453 г., включил в свой сборник сокращенную переработку рассказа о Мамаевом побоище, назвав ее *Задонщиной*. Свой вариант «Задонщины» Ефросин создал в конце 1470-х гг. О 100-летнем юбилее Куликовской битвы Ефросин записал: «В лето 6888 сеп. 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 сеп. 8 и тому прешло лет 100».

Исторические и психологические реминисценции из «Слова о погибели Русской земли» присутствуют в произведениях второй половины XV в. (в редакции Андрея Юрьева Жития Федора Черного, Ярославского – «полуцерковной-полусветской биографии князя»), и XVI в. (Степенной книге).

Контрольные вопросы

1. Проанализируйте влияние катастрофы, пережитой русскими людьми в XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием, на их историческое сознание.
2. Охарактеризуйте образы «Слова о погибели Русской земли» с точки зрения отношения русских людей к своей истории и современности.
3. Покажите роль историко-природных описаний в историческом повествовании русского Средневековья.
4. В чем вы видите место и значение «Задонщины» в историографическом процессе?

¹⁴¹ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. – Л.: Наука, 1988. – С. 69. Ефросин стал монахом Кириллова Белозерского монастыря ранее лета 1463 г. Некоторое время он работал вместе с Пахомием Лагофетом (возможно, около 1462 г., когда Пахомий трудился в Белозерском монастыре над составлением Жития преподобного Кирилла Белозерского.) Пометы Ефросина найдены примерно в 20 книгах, происходящих из б-ки Кириллова Белозерского монастыря. Ефросин проявлял интерес к библиотеке Троицкого монастыря и на полях одного из своих сборников указал, что в ней хранится 300 книг. Пометы в сборниках Ефросина свидетельствуют о его связях с Ферапонтовым монастырем, где книжник находился с декабря 1474 г. по декабрь 1476 г.

Рекомендуемая литература

1. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., 1965.
2. Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». – М.; Л., 1966. – С. 264–291.
3. Кистерёв С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // Очерки феодальной России. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 65–79.
4. Кистерёв С. Н. Кодикологические наблюдения над ефросиновским сборником с «Задонщиной» // Архив Русской Истории. – 1993. – Вып. 3. – С. 209–216.
5. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981.
6. Слово о погибели Русской земли (подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова) / «Изборник»: сб. произв. литературы Древней Руси. – М., 1969. – С. 326–327, 738–739.

3.3. Национальная старина как источник исторической памяти, духовного развития и концепции освобождения Русской земли

Александр Невский – ключевая фигура русской истории. Основатель династии московских Рюриковичей, прапрапраправнук Владимира Мономаха, правнук Юрия Долгорукого, внук Всеволода Большое Гнездо заслужил историческую репутацию заступника и спасителя Отечества. Его первой дошедшей до нас «биографией» стало житие.

В. О. Ключевский считал Житие Александра Невского своеобразным, не повторяющимся в древнерусской литературе опытом «жития, чуждого приемов житийного стиля»¹⁴². Необычность жития состоит в сочетании в нем элементов воинского и церковно-религиозного повествования. Поскольку автор жития с несвойственной для агиографа свободой пользовался воинскими эпическими преданиями, а также изобразительными средствами воинских повестей, появилась гипотеза, согласно которой в основе дошедшего до нас текста Жития Александра Невского была светская биография князя.

Однако, несмотря на принадлежность жития к *героико-эпическому типу княжеского жития эпохи монголо-татарского ига*, святой благоверный великий князь Александр Невский представлялся не столько в образе героя-полководца, защитника своего рода и земли от шведов и немцев, сколько – политика. Его поведение оценивалось с христианских, православных традиций. Подчеркивалось, что Александр не принял предложения папы¹⁴³, как принял его Даниил Галицкий. Тем самым, Александр сознательно пошел на унижение своего княжеского достоинства ради сбережения страны и Православия, поступил по-христиански.

Ю. К. Бегунов считает, что первая редакция¹⁴⁴ Жития Александра Невского составлена в начале 1280-х гг. одним из монахов Владимирского Рождественского монастыря, где Александр (в схеме¹⁴⁵ Алексий) был похоронен. Текст написан в духе житий светских властителей и под влиянием галицкой школы воинских повестей. В процессе неоднократной переработки

¹⁴² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. – С. 78.

¹⁴³ В 1207 г. через три года после взятия крестоносцами Константинополя папа Иннокентий III потребовал, чтобы Польша, Орден, Швеция и Норвегия блокировали Русь и препятствовали ввозу в нее железа и любого оружия. Папская курия была идеологическим центром и вдохновителем нападающей стороны.

¹⁴⁴ Известны 15 редакций Жития.

¹⁴⁵ Схима – наиболее строгая аскетическая форма монашества.

текст Жития отдалялся от стиля воинской повести и приближался к каноническому, житийному. Отходя от стремления изображения князя таким, как он был в жизни, создавался идеализированный тип, персонифицирующий идею христианина, который побеждал врагов Руси, потому что верил во Христа. Этот образ в глазах древнерусского человека, исповедовавшего трансцендентальные взгляды, был реальным.

Житие Александра Невского, по мнению С. М. Соловьева, оказало влияние на «Летописную повесть о Мамаевом побоище». По наблюдению В. О. Ключевского, неизвестный автор «Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского», писавший в конце XIV в. – 1420-х гг. (вопросы о времени написания остаются дискуссионными) подражал Житию Александра Невского.

При описании личности и высокой авторской оценке подвига тема мученического венца за веру становится ведущей.

Появляется иной тип жития – мученического жития, жития-мартирия – Житие Михаила Черниговского¹⁴⁶ и Житие Михаила Ярославина Тверского¹⁴⁷. Повествовательная составляющая дала основание отнести их к жанру житийных Повестей об убиенных в Орде князьях. Ордынцы рассматриваются в них как активно действующие силы зла, орудие «казни», ниспосланное православным за их грехи.

В течение в XIII–XV вв. «ордынская» тема является центральной. В житие епископа Игнатия рассказано о нашествии Ахмыла, случившегося при ростовском епископе Прохоре (ум. 1327). В. О. Ключевский отметил: «В описании этого нашествия житие делает замечание, звучащее воспоминанием очевидца, который вместе со всей русской землей был напуган зрелищем варварского полчища, прошедшего, впрочем, на этот раз без вреда для Ростова: «страшно есть, братие, видети рать его (Ахмыла) и все войско вооружено»¹⁴⁸. Жития монгольского периода передают устойчивость настроения страха.

Однако с конца XIV в. в рамках ордынской темы происходят изменения, вызванные переменами в настроении и сознании русских. Представления русских людей о нашествии и иге и соответственно восприятие «чужого» этноса переживают глубокую эволюцию. Если (а) первоначально летописцев интересовала идентификация «неведомого» ранее народа, выполнившего по отношению к Руси функцию «бича Божьего» и напомнившего русским о необходимости их духовного исправления, то (б) позднее более значимым для них становится вопрос о причинах произошедшего и судьбе Руси. Размышления об этом приводят к выводу о нелегитимности безбожной власти.

(а) Так, в рассказах о битве на Калке, составленных в 1220-х – 1230-х гг., летописцы давали негативную оценку действиям русских князей, на том основании, что считали их участие в сражении на стороне половцев, от которых страдала Русь, неблагоприятным. В глазах летописцев, татары выполняли тогда по отношению к половцам функцию «бича Божьего»¹⁴⁹. «И текла кровь христианская, как река сильная, грех ради наших». Спасение виделось в смиренном принятии «Божьей кары».

(б) На рубеже XIII–XIV вв. рассказы о первом столкновении с татарами в битве на Калке подверглись редактированию. В измененном виде они дошли до нас в составе Новгородской первой старшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

¹⁴⁶ В 1246 г. в Орде по приказанию Батые был убит черниговский князь Михаил Всеволодович вместе с сопровождавшим его в Орду боярином Федором. Убийство носило политический характер, но в Житии гибель Михаила представлена как добровольное страдание за православную веру.

¹⁴⁷ Михаил Ярославич Тверской (1271/1272—1318) убит в Орде.

¹⁴⁸ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1989. – С. 39.

¹⁴⁹ В советской историографии не учитывалось религиозное объяснение происходившего в истории современниками монгольского нашествия. В качестве причины осуждения ими русских князей называлась исключительно разобщенность последних.

Восприятие исторической реальности во второй половине XIII в., в целом, было исключительно пессимистическим. Образцом для подражания стал «новый Иов терпением и верой». О необходимости активного противостояния «безбожным» татарам для спасения души на Страшном суде говорилось только в Ипатьевской летописи.

В первой половине 1270-х гг., сорок лет спустя после батыева нашествия епископ Серапион¹⁵⁰ (умер в 1275 г.) передал в своих «Поучениях» смысл постигших Русь бедствий. Развивая тему покаяния и обличая усобицы и поступки русских князей, он не упускал случая осудить их неблагоприятные цели – «пограбить» чужое владение. Творчество Серапиона сохраняло в послемонгольский период традиции торжественного и учительского красноречия Киевской Руси XI–XII вв. Наставления пользовавшегося уважением Серапиона («зело учителей и книжен») оказали влияние на взгляды автора Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского, а также создателей других памятников.

Длившееся более двух веков татарское иго стало тяжелейшим испытанием для русского народа. На его долю выпало спасение европейской культуры от разгрома и истощения¹⁵¹. **«Повесть о разорении Рязани Батыем»**, ставшая реквиемом по Старой Рязани, дает представление о цене ее спасения. Повесть имеет сложную литературную историю и входит в цикл других рязанских повестей о Николе Заразском.

Начинаются повести с рассказа о принесении в 1225 г. «образа великого Чудотворца Николы Корсунского из преславного города Херсонеса в пределы рязанские, в область благоверного кн. Федора Юрьевича Рязанского. Икона Николая Корсунского (позже названная «Заразской» или «Зарайской») находилась в г. Корсуни (Херсонесе Таврическом), там, где в конце X в. принял крещение кн. Владимир.

В XIII, XIV, и XV вв. «Повесть о разорении Рязани Батыем» повлияла на ряд других памятников, но и сама в процессе литературной обработки испытала на себе влияние более поздних текстов.

По предположению Д. С. Лихачева, в основу «Повести о разорении Рязани Батыем» положен рассказ рязанской летописи, переданный в первой половине XIV в. в Синодальном списке Новгородской I летописи под 1238 г. в своей наиболее древней версии. Позднее этот рассказ дополнялся. Выявлены разновременные вставки фольклорных данных. Так, рассказ о подвиге Евпатия Коловрата не встречается в тех памятниках конца XIV–XV вв., на которые повлияла «Повесть о разорении Рязани». Использовались также данные местных легенд и сведения, почерпнутые из эпиграфических источников (могильных надписей в Успенском соборе старой Рязани) или в рязанском княжеском помяннике.

Исторический образ богатыря воеводы Коловрата с дружиной был призван ободрить соотечественников. С помощью этого образа утверждался доблестный воинский архетип. В виду того, что в воинской традиции христианства отсутствует понятие «неизвестного солдата» (так как христианина без имени, которое является личным ангелом-хранителем, не бывает) доблестному рязанскому воеводе Евпатию было дано прозвище, отвечающее характеру деяний героя. «Коловрат», что обозначает вращение солнечного круга (коло), настигает полчища Батыя на рубеже опустошенной земли и осуществляет *идею неотвратимости возмездия*. Реминисценции из рассказа «Повести о разорении Рязани Батыем» о Евпатии Коловрате содержит победная часть Куликовской битвы в «Задонщине». В этой повести рассказ о воеводе-герое приводится первые. Возникнув в конце XIII или первой половине XIV в. как произведение местное, рязанское, затем «Повесть о разорении Рязани Батыем» приобретает общерусское значение. В нем обобщается смысл трагических событий тяжелой эпохи в истории

¹⁵⁰ Русский проповедник – игумен, архимандрит Серапион Киево-Печерский в последний год своей жизни был поставлен митрополитом Кириллом епископом Владимирским, Суздальским и Нижегородским.

¹⁵¹ Гудзий И. К. История древней русской литературы. – М., 1950. – С. 176.

русского народа. Идеи, отраженные в повести, становятся магистральными для национального исторического сознания. Образы, символы, отдельные положения повести встречаются в «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Сказании о Мамаевом побоище», «Степенной книге», «Русском временнике», «Повести об Азовском осадном сидении казаков» и др.¹⁵²

В конце XIV – начале XV вв. приходит осознание возможности борьбы с Ордой и ордынцами. Сдвиг в сознании русских был подготовлен в период, названный в русских летописях «великой замятнёй», когда в Орде по несколько раз в год менялись ханы (1359–1380).

Постоянная смена властителей и вопрос о законности или незаконности одного из правящих в степях ханов, не говоря уже о темнике Мамае и его жене¹⁵³, постепенно зарождали сомнения в законности ордынской власти над ними и Русью у предоставленных себе самим русских князей. Русские книжники называли Мамаю «князем-ордынским». Для них он был не царем, а узурпатором, похитившим законную власть. Война с ним была иным делом, чем война с полновластным легитимным ордынским «царем»¹⁵⁴. Приходила мысль о возможности определенной коррекции бытия в рамках «воли Божией» и его «промысла», т. е. о некоторой эсхатологической свободе.

Активное противодействие князя Дмитрия Ивановича Мамаю в 1370-е гг. усилило освободительные настроения. Летописная *«Повесть о битве на реке Божье»* русской (московской и суздальско-нижегородской) рати под предводительством великого князя Дмитрия Ивановича с ордынской ратью Бегича в 1378 г. свидетельствует о том, что *призыв к борьбе не только мог быть услышан, но и действительно был услышан*. Битва закончилась победой русских войск. *Меняющаяся система отношений между Русью и слабеющей Ордой подталкивала к выводу о нелегитимной власти ордынских «царей»*.

Современные историки пишут о произошедшем психологическом переломе: «Власть ордынских ханов на Руси привыкли рассматривать как повторение библейской матрицы – «вавилонского плена». Эту мысль духовенство внушало народу на протяжении полутора веков. Соответственно, и восстание князя Дмитрия против Орды уподоблялось богоборческому мятежу Седекии¹⁵⁵. Пророчества Иеремии¹⁵⁶ звучали так, словно они прямо относились к Руси. Против такого противника бессильны были все полки мира сего. Дмитрий понимал это и внутренне трепетал. Но назад пути уже не было. А путь вперед преграждала грозная тень Иеремии. Проклятия библейского пророка мог отвести от головы великого князя только другой пророк – живой и ведущий разговор с Богом. Тогдашняя Русь знала только одного человека, чьи пророчества сбывались с удивительной точностью. То был «великий старец» Сергей Радонежский»¹⁵⁷.

«Превратить войну с Мамаем из «битвы за деньги»¹⁵⁸ в «битву за веру» мог только какой-то очень уважаемый в народе церковный деятель. <...> Единственный, кто мог сыграть эту великую историческую роль, был игумен Сергей Радонежский. В народе его уже при жизни считали святым»¹⁵⁹. Поход на Мамаю был объявлен Сергием священным делом, «войной за веру». «Каждый, кто падет на этой войне, получит венец мученичества и попадет в рай. Укло-

¹⁵² Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С. 264.

¹⁵³ Мамай возвел на престол собственную супругу Тулунбек-ханум, правившую в Сарае в 1371/72 г., что было беспрецедентным случаем в истории Золотой Орды.

¹⁵⁴ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. – М., 2014. – С. 276.

¹⁵⁵ Седекия – последний царь Иудеи (597/6—587/6 до н. э.) перед Вавилонским пленом.

¹⁵⁶ Иеремия – второй из четырёх великих пророков Ветхого Завета.

¹⁵⁷ Борисов Н. С. Указ. соч. – С. 370.

¹⁵⁸ Спор Дмитрия с Мамаем о размерах дани.

¹⁵⁹ Борисов Н. С. Указ. соч. – С. 385.

нение от участия в походе равносильно измене православию»¹⁶⁰. Это вызвало религиозный энтузиазм.

Величайший сдвиг в сознании русского человека, толчок, давший жизнь мощному духовному движению и определивший новое направление в русской историософии, был связан с общерусским культом Троицы, «зримо» и «материально» вставшим в русскую жизнь¹⁶¹, который был создан Сергием Радонежским, трудившимся над решением задачи преодоления «розни мира сего». Культ Троицы выходил за рамки чисто богословских задач¹⁶². Он имел важнейшее значение для исторического сознания.

Принципиально важную для национального сознания вещь отметил Н. С. Борисов: «В школьном изложении отечественной истории – а значит, и в историческом сознании большинства населения страны – отчеканены четыре великие битвы: Куликовская, Полтавская, Бородинская и Сталинградская. Столь разные по масштабу и времени, они близки в одном: здесь решалась судьба русского народа и Русского государства. Так, во всяком случае, утверждает наша историческая мифология – родная сестра исторической науки»¹⁶³.

В нашем распоряжении нет текстов, созданных сразу после событий на Куликовом поле. Древнейший из сохранившихся списков летописи с рассказом о Куликовской битве (Рогожский летописец) датируется 1440-ми гг. Самый старший из шести сохранившихся списков «Задонщины» (Кирилло-Белозерский) относится к концу XV в., т. е. был создан более чем через сто лет после событий. Старший список «Сказания о Мамаевом побоище» датируется 1520-ми гг.

Отраженные в них взгляды стали *результатом* проделанной общественным сознанием эволюции в восприятии битвы. Тексты подвергались редакторской правке несколькими поколениями книжников. Куликовская битва со временем имела тенденцию превращения в героический эпос русского Средневековья. Главными памятниками Куликовского цикла являются: Летописная повесть, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Истории их создания посвящены сотни исследований.

Формирующиеся в конце XIV – начале XV вв. подходы к современной тогда отечественной истории опирались на твердый фундамент исторической памяти и исторического опыта, происходившую актуализацию наследия Киевской Руси и рост интереса к русской истории.

После Куликовской победы (1380) типичной становится «грандиозная восстановительная работа, стремящаяся возродить русскую культуру периода независимости Руси, домонгольскую культуру»¹⁶⁴. Создаются новые списки сочинений русских писателей XI–XII вв. Во вновь создаваемых текстах используются их идеи, образы, речевые обороты и стиль. Историческая мысль развивается на основе исторической преемственности.

Укрепляющаяся идея преемственности Москвы и Киева находит отражение в «Слове о Куликовской битве» («Задонщине»).

«Задонщина», ставшая образцом русской воинской повести зрелого Средневековья, сохранила традиции жанра. Автору «Задонщины» были известны и «Слово о полку Игореве», и «Слово о погибели Русской земли», и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Подобно автору «Слова о полку Игореве» автору «Задонщины» было важно показать, что за его плечами была конкретная традиция, в которую он себя «встраивал». Традиция привлечения и использования

¹⁶⁰ Там же. – С. 386.

¹⁶¹ Плугин В. А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. – М., 2001. —С. 180.

¹⁶² Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. – М., 2008. – С. 25.

¹⁶³ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. – С. 373.

¹⁶⁴ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – С. 311–312.

предшествующего исторического текста в качестве образца являлась важным аргументом в оценке исторических событий.

Автор «Задонщины» задумал написать свое произведение в подражание «Слову о полку Игореве». Обращение в «Задонщине» к «Слову» было определено трагическим сходством ситуаций. Благодаря «Слову» в «Задонщине» возникла тема Бояна. ***Однако образы и смыслы «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» применены к новому времени, новому содержанию и новой теме.***

Слово «Задонщина» присутствует в Кирилло-Белозерском списке этого произведения¹⁶⁵. Оно означает события, которым посвящено произведение – походу Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича «за Дон» и представляет собой народное обозначение событий «за Доном» 1380 г.

Вопрос об авторстве и времени написания «Задонщины» остается дискуссионным. В. А. Кучкин датирует «Задонщину» первыми месяцами или первыми (одним-двумя) годами после Куликовской битвы¹⁶⁶. Из шести сохранившихся списков «Задонщины» имя Софония-рязанца как ее автора упомянуто в заглавии в двух списках. В трех списках его имя упомянуто в самом тексте «Задонщины». Однако внимательное чтение текста учеными XIX–XX вв.: Ф. И. Буслаевым, А. А. Шахматовым, из современных авторов – Р. П. Дмитриевой дали основание для мнения, что «Задонщина» не принадлежит самому Софоню. Ее автор использовал неизвестное нам произведение Софония как источник или образец. А. А. Шахматов высказал гипотезу, что в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» использован общий источник, названный условно ученым «Словом о Мамаевом побоище» – поэтическое описание Куликовской битвы, «отзвук старого дружинного эпоса».

Религиозное обоснование нового отношения к ордынцам искали и находили аналогии в библейских текстах. «Победы над степняками, пишет современный историк, – позволят московским книжникам <...> создать концепцию, согласно которой «царем» будет назван уже не хан, а великий князь Дмитрий Московский»¹⁶⁷.

Первым стал величать себя великим князем всея Руси тверской князь Михаил Ярославич (1271/1272—1318)¹⁶⁸. Начали писать на своих печатях «великий князь всея Руси» Симеон Иванович Гордый (1317–1353) и Дмитрий Иванович (1350–1389)¹⁶⁹.

Получивший распространение к концу XV в. вывод о нелегитимности ордынской власти (от Батые до Ахмата) стал идейной основой падения ига. В условиях раздробленности разоренной страны и пережитого ею опыта поражения возрожденная идея прославления централизованной русской власти воспринималась уже как ценность.

Большую известность приобрело «Моление» Даниила Заточника, которое, войдя в национальную традицию, шлифовалось и изменялось переписчиками на протяжении нескольких столетий. Сохраняя свое концептуальное ядро, оно оказывало влияние на последующую литературу.

¹⁶⁵ В одном из пяти сохранившихся списков.

¹⁶⁶ В качестве «датирующей реалии» в тексте «Задонщины» рассматривается упоминание ее автором среди городов, которых достигла слава о победе Дмитрия над Мамаем на Куликовом поле, г. Орнача (Ургенча) как одного из крупнейших городов, известного автору и его читателям из европейского и азиатского мира. Поскольку в 1388 г. Орнач был взят и уничтожен Тимуром, текст мог быть написан не позднее этой даты. (См.: Кучкин В. А. К датировке Задонщины / Проблемы изучения культурного наследия. – М., 1985).

¹⁶⁷ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. – С. 211.

¹⁶⁸ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 2005. – С. 290.

¹⁶⁹ Борисов Н. С. Указ. соч. – С. 307–308.

Эхо победы на Куликовом поле¹⁷⁰ отзывалось на Руси и через несколько веков. Роль своеобразного усилителя играли произведения «куликовского цикла», содействуя выработке новой логики объяснения иноверческого владычества.

«Сказание о Мамаевом побоище» стало одной из самых популярных воинских повестей. Оно было написано не ранее, чем спустя столетие после Куликовской битвы. Наибольшее число его списков дошло до нас от XVII–XVIII вв. «Сказание» оказалось наиболее востребованным для юбилейных исторических интерпретаций, как самой битвы, так и выдающихся представителей эпохи – князя Дмитрия Ивановича и Сергия Радонежского¹⁷¹.

Роль Москвы как наследницы Константинополя дисгармонизировала с данническими отношениями к ордынскому хану.

Ростовский архиепископ Вассиан Рыло (ум. 1481), духовник Ивана III, всемерно побуждал своего духовного сына на скорейшее свержение ига. Узнав в октябре 1480 г. о колебаниях великого князя Ивана III и его отступлении в Кременец, переговорах с ханом Золотой Орды Ахматом, Вассиан Рыло¹⁷² написал Ивану III «Послание на Угру», призывая в нем великого князя к бескомпромиссной борьбе с татарами и мужественному стоянию против них. Важнейшие аргументы и средства воодушевления князя архиепископ нашел в примерах из Священного Писания и отечественных летописей. Вассиан обратил внимание великого князя на пример вождей древнего Израиля, которому должно следовать и не только избавиться от ненавистного ига, но и поработить ордынцев. Вассиан обосновал концепцию идеального государя. Он называл Ивана III «во благочестии всея вселенныя в конци возсиявшим», «наипаче же во царех пресветлейшим преславным государем»¹⁷³.

Вассиан убеждал Ивана III в том, что «клятва» его прародителей ханам была клятвой «по нужди», а теперь «великому Русьских стран хрестьянскому царю» не подобает повиноваться «богостудному» «царю» Орды. Вассиан называл Русь «новым Израилем», сравнивал Ивана III с Моисеем, Иисусом Наввином, Давидом и императором Константином.

«Эта пастырская проповедь послужила целям обоснования суверенности великокняжеской власти и оказала заметное влияние на русскую книжность эпохи Московского царства», – считает современный исследователь¹⁷⁴.

Вассиан рассматривал монголо-татарское владычество на Руси как череду незаконных грабительских набегов. Он поставил под сомнение обиходное применение царского титула по отношению к ордынскому хану. Для русского национального возрождения было очень важно, что на рубеже XV–XVI вв. эти мысли оказались созвучными идеологическим приоритетам московских правителей. Их концептуальное ядро определяла тема национальной и государственной идентичности, суверенитета и власти.

Контрольные вопросы

1. Почему в период монгольского владычества усилился интерес русских людей к произведениям Древней Руси?

¹⁷⁰ Название Куликово поле получило от старинного слова «кулига» или «кулички», означающего далекое, отдаленное место.

¹⁷¹ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». URL: www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s2_20_4.pdf

¹⁷² В 1479 г. Вассиан крестил сына Ивана III – Василия III в Троице-Сергиевом монастыре. Во время стояния на Угре некоторые советники Ивана III (Ощера, Мамон и др.) советовали великому князю пойти на уступки хану. Московичи требовали решительной борьбы с Ахматом.

¹⁷³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 2005. – С. 291.

¹⁷⁴ Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси. – М., 2011. – С. 390.

2. В чем состояло значение историко-природных описаний в историческом повествовании средневековой Руси?

3. Что представлял собой героико-эпический тип княжеского бытия эпохи монголо-татарского ига?

4. Какие концептуальные изменения происходят в ордынской теме в XIII–XIV вв. под влиянием каких факторов?

5. Почему в конце XIV – начале XV вв. коренным образом меняются умонастроения русских людей? В каких произведениях они нашли отражение?

6. Охарактеризуйте концепцию архиепископа Вассиана Рыло и ее влияние на великого князя.

Рекомендуемая литература

1. Орлов О. В. Литература / Очерки русской культуры XIII–XV веков. – Ч. 2. Духовная культура. – М.: МГУ, 1970.

2. Памятники Куликовского цикла / под ред. Б. А. Рыбакова. – СПб., 1998.

3. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1989.

4. Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. – М., 1959.

Выводы к главе 3

Изучив в свое время вопрос об «историографической производительности» к концу XIV в., В. О. Ключевский¹⁷⁵ подсказал будущим историографам важную постановку вопроса и методологический подход к ее решению. В понятие «историографической производительности» историк включал не только количественные, но и качественные, содержательные характеристики отдельных видов источников, в которых видел историографическую ценность. Так, для характеристики биографического жанра он выделил группу житий, на том основании, что в них «биографии» являются «с наименьшей примесью сторонних элементов»¹⁷⁶. Поэтому Ключевский считал, что *агиобиография* до XV в. решала определенную историографическую задачу. Сами жития были составлены агиографами, которые могли быть современниками святых, или со слов современников. Анализ отношения современников к подвижникам Русской земли, а также произведенного ими впечатления на современников полезен при изучении умонастроений и исторических взглядов, исторических оценок конкретного времени.

В богословско-исторических молитвенных и поучительных текстах выдающихся представителей второй половины XIII в. и второй половины XV в. – Серапиона и Ефросина находила себе дорогу глубинная древнерусская традиция, важнейшим концептом которой была Русская земля и любящее отношение к ней.

С усилением Москвы и ослаблением Орды в конце XIV–XV вв. в создаваемые тогда тексты привносились новые идеи. Процесс установления в Москве государственного центра, к которому тяготела Северо-Восточная Русь, требовал новых концепций и мотивированных обоснований происходившего, а также целей на будущее.

Противоречия между крупными русскими центрами, каждый из которых видел себя во главе общерусского объединительного процесса, требовали преодоления и примирения. В разрешении разногласий нуждались и накопившиеся затруднения в русской церковной жизни, вызванные, с одной стороны, положением русской церковной иерархии (между ее высшим

¹⁷⁵ Подробнее о В. О. Ключевском см.: параграф 7.8.

¹⁷⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. – С. 52.

авторитетом в Царь-граде и светской властью на Руси), а с другой, церковным положением различных, политически разделенных частей Руси. Горькие воспоминания, приобретенные в борьбе с врагами, вызывали у современников растущую потребность объяснения происходившего и оправдания собственных действий. Укреплялась мысль встать под сень авторитетного исторического имени, а также примириться... с московским князем, становившимся общерусским лидером.

Блестящий представитель книжного образования своего времени Епифаний¹⁷⁷, вошедший «в память потомства с прозванием премудрого»¹⁷⁸, перебрался в Москву (после 1392 г.), где служил у митрополита Киприана и общался с Феофаном Греком. Ученик и очевидец последних подвигов Сергия Радонежского – Епифаний написал житие своего учителя, а также житие своего друга – Стефана Пермского, с которым учился в ростовском монастыре Григория Богослова, известного своей библиотекой; т. е. житие двух виднейших отечественных религиозных деятелей второй половины XIV в. Пребывание Епифания в монастырях, имевших богатейшие библиотеки, приобретенная начитанность и ученость, позволили ему быть на уровне требований своего времени при написании церковно-исторических и агиографических текстов, в которые он привносил историческое и символическое толкование событий. Он передавал известия в форме, характерной для народной хронологии. По наблюдению В. О. Ключевского, эта хронология «считает не годами, а событиями и редко ошибается»¹⁷⁹. Более поздние авторы житий уже выстраивали именно эту биографическую историю. Она отразила закономерность, присущую изучению роли людей в истории: «не всякая биография заслуживала названия жития и не всякое лицо, заслуживающее биографии», «могло стать достойным предметом бытия». Любимое житийное чтение русского народа, тщательно и благоговейно переписываемое, несло в себе глубокую духовную нагрузку.

¹⁷⁷ Учеником преподобного Сергия Епифаний назван в «Похвальном слове Сергию Радонежскому». Пахомий Логофет писал, что Епифаний много лет, от своей юности, «жил вместе с Троицким игуменом». Епифаний находился в Троице-Сергиевой лавре в 1380 г. «уже взрослым, грамотным, опытным книжным писцом и графиком, а также склонным к записям летописного характера наблюдательным человеком». После смерти Сергия Радонежского (1392) Епифаний начал делать о нем записи. Эти материалы позднее использовал архимандрит Никон в своем «Житии Сергия», которое затем переработал Пахомий Логофет (Серб).

¹⁷⁸ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – С. 89.

¹⁷⁹ Там же. – С. 106.

Глава 4

От летописной формы исторического повествования к форме хроникальной, документальной и публицистической. Представления об общерусских интересах и месте России в мире

4.1. Общая характеристика

Благоговейно переписывая древние рукописи, летописцы сохраняли память об исторических событиях. Подобно пушкинскому Пимену они «своих царей великих поминают/ за их труды, за славу, за добро —/ и за грехи, за темные деянья,/ Спасителя смиренно умоляют...».

Летописи являлись хранителями памяти допетровской Руси, основными памятниками исторического повествования, в которых воплощался широкий круг представлений и понятий. Особенность выстраивания летописного исторического повествования состояла в том, что летописец отсекал акциденции, т. е. все, с его точки зрения, случайное, несущественное, а изображал только, по его мнению, главное и значимое. Метод создания летописи специалисты называют «историческим символизмом»¹⁸⁰.

Сопоставляя особенности труда летописца и задачи историка, В. О. Ключевский отмечал: «Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего»¹⁸¹. Иначе говоря, на формирование определенного понимания исторического времени влияла эсхатологическая мысль летописца.

«Историк-прагматик, – писал В. О. Ключевский, – изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни, предметы его внимания – историческая теология и житейская мораль <...> историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути провидения»¹⁸².

Летописцы создавали письменные тексты в конкретных общественно-политических условиях, привносящих изменения в характер летописания и его ведущие тенденции. В XV в. увеличение объема исторических сведений и необходимость их систематизации активизировали развитие отечественной хронографии. Этот процесс шел как в рамках летописания, например, Елиинского летописца (Летописца Еллинского и Римского), так и в памятниках хронографического жанра (Русского Хронографа), а также сборниках (например, Ефросина, любившего хронологические таблицы).

Формированию историографической концепции Русского Хронографа содействовали: необходимость осмысления места Руси-России в мире и убеждение отечественных мыслителей в необходимости ее сохранения как христианского государства и оплота православия. В условиях турецкой военной экспансии, особенно после падения Византии в 1453 г. и непрекращающейся идеологической агрессии католического Рима они видели в этом основную задачу Руси.

¹⁸⁰ Робинсон. А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – С. 40–41, 201.

¹⁸¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. – Т. 1. – М., 1987. – С. 113.

¹⁸² Ключевский В. О. Курс русской истории. – Т. 1. – М., 1987. – С. 113.

4.2. На пути к официальному летописанию: общерусские летописи и местные интересы

Рубежом, изменившим траекторию развития отечественного летописания, русский историк XVIII в. В. Н. Татищев¹⁸³ считал 1156 г. Он связывал его с переездом князя Андрея Боголюбского в Северо-Восточную Русь. В 1155 г. князь самочинно покинул Вышгород (под Киевом), куда был посажен отцом Юрием Долгоруким и обосновался во Владимире. Полвека спустя уже после возникновения г. Владимира и переезда князя Андрея Юрьевича Боголюбского начинает развиваться владимирское летописание. Возвышение нового центра летописания осуществлялось при одновременном оттеснении Ростова, бывшего до этого ведущим идеологическим и литературным центром Северо-Восточной Руси. Во Владимире отказались от привлечения неудобного там ростовского летописания, которое могло, как предполагают исследователи, даже уничтожиться. Летописец Нестор Ростовский вынужден был отъехать «в Русь». Со второй половины XII в. ослабевает влияние ростовской летописной традиции.

Во Владимире использовался южнорусский материал, обычно через летописание Переяславля Русского. Уже по «завещанию» Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.) Суздальская Русь относилась к переяславскому уделу. В течение XII в. эти связи оставались устойчивыми. Однако затем положение Суздальской Руси коренным образом изменилось, поскольку эта бывшая периферия возвысилась над Киевской метрополией.

Уже в летописании XII – начала XIII вв., как установил А. А. Шахматов, и это мнение поддерживают современные ученые, существовали, по крайней мере, *две линии взаимных влияний*, владимирское летописание опиралось на южнорусские своды XII в., а киевско-галицкое летописание – на северные (владимирские) своды XII и даже начала XIII в.¹⁸⁴

Первые годы после татарского разгрома 1237–1240 гг. были временем сильнейшего упадка летописания. Оставив богатое наследие, киевское летописание и прежние древнерусские центры летописания, известные еще по «Повести временных лет» (ПВЛ): переяславское, галицко-волинское, ростовское, утратили то значение, которым обладали раньше. Сегодня известны не все древнейшие летописные центры и их позиции. Далеко не все следы летописания представлены в ПВЛ. Ее составители не были заинтересованы в отражении мнения летописцев целого ряда городов, в частности Смоленска, Полоцка и Чернигова.

В XIII в. летописание продолжалось в случайно уцелевшем Ростове и не задетом нашествием Новгороде. Летописцам было нелегко расспрашивать очевидцев и создавать точный отчет о нашествии. Видимо, ощущение недостатка в реальном материале, который испытывали авторы спустя некоторое время после трагических событий, способствовало *появлению в XIII в. новых видов исторических описаний, сказаний и заимствований из других рассказов*.

Русское летописание XIV в., т. е. в период еще не преодоленной раздробленности и ранее утраченного единства русских земель, переживало глубокие изменения. Развитие летописания в условиях государственной раздробленности выражалось в том, что в границах прежнего Древнерусского государства *появлялись новые центры летописания*, которые освещали *местные интересы*.

В конце XIV в. возник новый тип летописания – *общерусский*. Он получил развитие в XV в. *Концептуальным стержнем общерусского летописания стала проблема политического, культурного и духовного общерусского единства. Оттесняя тему монголо-татарского нашествия, доминировавшую ранее, на первый план выходит вопрос единства*. Летописцы

¹⁸³ В. Н. Татищеве подробнее см.: параграф 6.4.

¹⁸⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976. – С. 20.

предлагают трактовки общерусских интересов, интересов восточного славянства и православного мира.

В общерусском летописании XV век, особенно его вторая половина, получил отражение как переломное время в истории России. Перед русскими летописцами стояли вопросы: «Будет ли Русь единым государством или не будет? Каков будет социальный и политический строй единой Руси? Где пройдет ее граница на Западе – войдут ли в ее состав земли древней Киевской Руси, и какие? Когда и как будет окончательно уничтожена зависимость от Орды?»¹⁸⁵

Развернувшийся в XV в. процесс создания русского централизованного государства шел одновременно с аналогичными процессами создания национальных государств значительной части Европы, где они рождались, преодолевая, /ш/с и Россия, военные неурядицы, кризисы и «великие нестроения».

Общерусское летописание появляется в период создания единого Русского государства и отражает идеологию этого процесса. Общерусское летописание решало задачу восстановления общерусского Прошлого.

За право возглавить объединительный процесс боролись несколько русских политических центров. В Москве, Твери, Новгороде вкладывали свое понимание в идею общерусского единства и его характер. До 1480-х гг. общероссийские по характеру летописи появляются также и в православной среде Великого княжества Литовского. «Общерусское летописание» в крупных русских политических центрах имело независимый от Москвы характер.

Поскольку первоначально «общерусское летописание» формировалось в определенных рамках ведущих политических центров, его состав был сложным. Время наиболее интенсивного летописания в этих княжествах совпадает с периодами политического расцвета княжеств и их наибольшей активностью в русской жизни.

В конце XIV – начале XV вв. «великими князьями» на Руси именовались не только князья московские, владевшие владимирским великокняжеским престолом. Ими также звались тверские, суздальско-нижегородские князья, уже утратившие власть над Владимиром, и князья Рязанские¹⁸⁶. Наряду с великокняжеским летописанием существовало и летописание митрополичье.

Породив интересные памятники, независимое летописание на Руси прекращается в 1480-е гг. с укреплением власти московского государя великого князя Ивана III, некоторое время оставаясь еще во Пскове и отдаленных монастырях.

В XIV в. помимо Северо-Восточной Руси, общерусским летописям которой посвящено исследование Я. С. Лурье¹⁸⁷, на общерусское значение претендует также и новгородское летописание. В качестве аргумента своего права новгородские летописцы подчеркивали более древнее, по сравнению с Москвой, происхождение Новгорода и его особую роль в истории Русской земли. *Идейный смысл новгородской концепции подчеркивали пафос прославления новгородского прошлого и его поэтизация.* Эти претензии не прошли бесследно для содержания новгородского летописания, которое, отказавшись от фактичности и деловитости, утратило присущую ему ранее демократичность.

Идейным вдохновителем новгородцев в запоздалой борьбе с Москвой за свою самостоятельность стал архиепископ Евфимий I (Емелиан) Брадатый (ум. 1428)¹⁸⁸, по инициативе которого было предпринято составление двух важных летописных сводов – Софийского вре-

¹⁸⁵ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. – Л., 1988. – С. 9.

¹⁸⁶ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. – Л., 1988. – С. 55.

¹⁸⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976.

¹⁸⁸ Грамота Евфимия от 1426 г. о церковнослужителях, приходящих в новгородскую епархию «от иных стран с Русской Земли или из Литовской Земли» была в XVI в. включена митрополитом Макарием в июльскую книгу Великих Четьих Миней.

менника и свода 1430-х гг. В своде 1430-х гг. были использованы общерусские известия из московского свода Фотия¹⁸⁹.

В новгородских летописях, несмотря на то, что летописцы Софийского временника и привлекали общерусский материал, все же преобладала местная новгородская ориентация. Новгородский свод невыгодно отличался от свода Фотия тем, что он отражал пробоярские тенденции и враждебность по отношению к новгородскому населению, которое называлось в тексте «голодниками». Концептуальные основания новгородского летописания объясняют природу симпатии новгородских народных масс не к Новгороду, а к Москве, а также его недостаточную силу в качестве идеологического и политического оружия в борьбе Новгорода с Москвой¹⁹⁰.

Ориентация новгородских летописцев на прошлое, возвеличивающее Новгород и его традиции, при отсутствии чувства перспективы в борьбе за политическое превосходство с Москвой придавала новгородским текстам глубокий пессимизм.

В обстановке феодальной войны середины XV в. исключительно важное значение имела мысль о необходимости отказаться от «братоненавидения» и объединиться против внешнего врага. Условно называемый в литературе свод 1448 г., лежащий в основе Софийской I и Новгородской IV летописей, оказал влияние на развитие новгородского и общерусского летописания.

Летопись Новгородская Хронографическая – Хронографический список Летописи Новгородской IV – конца XV в. была определена А. А. Шахматовым как Новгородская V летопись. Она содержит хронографический и летописный материал (краткий хронограф, Хронографическую Александрию, Псковскую II летопись и др.). Концептуальный анализ состава сведений летописи позволил Я. С. Лурье сделать вывод о «явной связи летописца с главным «обличителем» ереси – новгородским архиепископом Геннадием»¹⁹¹.

Концептуальным проявлением *идеи мистической связи Новгорода с «Третьим Римом»* (ср. с теорией «Москва – Третий Рим», раздел I, гл. 4.5.) стала *«Повесть о новгородском белом клобуке»*, в которой проводилась мысль о прямой связи между древнеримским христианством, византийской патриархией и духовным владыкой Новгорода. Ее автор, вероятно, дипломат и путешественник Дмитрий Герасимов старался подчеркнуть первенство Новгорода в духовном наследии Древнего Рима и Византии.

На территории Великого княжества Литовского в православной среде не ранее 1450-х гг. была написана общерусская по характеру *Белорусская I летопись*. В ней отразилась эволюция исторического повествования от летописной к иной – хроникальной системе изложения, более характерной для Польши и Литвы.

На основании свода 1446 г. в XVI в. в Великом княжестве Литовском были составлены *второй* («Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтского») и *третий* («Хроника Быховца») летописные своды общегосударственного характера.

С конца XIII в. начинают вести летописные записи в Твери и Пскове. В отличие от тверского летописания, претендовавшего на общерусский характер, летописание Пскова носило по преимуществу местный деловой характер. Центральное место в нем занимали рассказы о сражениях с Ливонским орденом, описания борьбы с Новгородом и Литвой. Сообщения

¹⁸⁹ Фотий (ум. 1431) – грек, рукоположен в 1408 г. в митрополита Киевского и всея Руси, оставил литературно-учительное наследие. А. А. Шахматов полагал, что по воле и под наблюдением Фотия был составлен общерусский летописный свод, объединивший центральнорусское и новгородское летописания, лежащий в основе ряда позднейших летописей, Софийской I и Новгородской IV. Он датировал Фотиев свод (или Владимирский, Полихрон) 1423 г. В XVI в. 16 поучений и Духовная грамота Фотия под общим названием «Книга, глаголемая Фотиос» были включены митрополитом Макарием в Великие Четию Миней.

¹⁹⁰ Орлов О. В. Литература // Очерки русской культуры XIII–XV веков. – Ч. 2. Духовная культура. – М., 1970. – С. 144.

¹⁹¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. – Ч. 2. Л-Я. – Л., 1989. – С. 56.

об общерусских событиях у псковских летописцев немногочисленны и лаконичны. Псковским летописанием руководили выборные вечевые власти, в частности, посадники. В XIV в. псковское летописание принимает регулярный характер. Составление одного из первых псковских летописных сводов, следы которого обнаруживаются в общерусском летописании, относится к концу XIV – первой половине XV в.

В Москве летописание зародилось в 1320-х гг. благодаря митрополиту Петру и князю Ивану Даниловичу Калите (ок. 1283 или 1288 – 31 марта 1340 или 1341, князь Московский с 1325, фактически с 1322). Первый Московский летописный свод предположительно датируют 1340 г. В его основу были положены записи семейного «Летописца» Ивана Калиты и «Летописца» святителя Петра (вторая половина XIII в. – 1326), первого из киевских митрополитов, имевших постоянное местопребывание в Москве (с 1325), переехавшего в Москву из Владимира на Клязьме¹⁹².

Роль *Суздальско-Нижегородского летописания в русской культуре* определила, прежде всего, одна из древнейших *Лаврентьевская летопись*, излагающая события до 1305 г. и названная по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 1377 г. вместе с помощниками.

Тверское летописание, имевшее почти двухсотлетнюю историю, начатую при великом князе владимирском Михаиле Ярославиче Тверском, завершается с потерей Тверью независимости в 1485 г. Возвышение Твери в середине XV в. и соответственно расцвет ее летописания был недолгим.

Инициатором создания тверского летописания называют тверского епископа Симеона, служившего в главном храме Твери – соборной церкви Спаса (1285). В 1305 г. в Твери возникает великокняжеское летописание, основой для которого послужил переяславский свод 1281 г. При его написании использовались также Новгородская и Рязанская летописи и летописец князя ярославского и смоленского Федора Черного. Свод 1305 г. был продолжен и после смерти Михаила Ярославича составил свод 1319 г. Дополненный известиями местной тверской летописи он получил значение *тверского великокняжеского Летописца*. При князе Михаиле Александровиче, боровшемся за великое княжение Владимирское, в 1360–1370-х гг. был подготовлен новый тверской свод. В 1375–1382 гг. условиях противостояния тверского князя Москве и его вынужденного признания себя младшим братом московского князя тверское летописание прерывалось.

Тверское летописание (и, соответственно тверская версия событий) до наших дней в самостоятельном, не переработанном виде не сохранилось. Наиболее полно оно отразилось в так называемом Тверском сборнике, Рогожском летописце и Симеоновской летописи. Частично тверские известия присутствуют в летописях Воскресенской, Никоновской, Новгородской IV и Лаврентьевской.

До нашего времени *Тверское летописание дошло в московской редакции*. Поскольку историю, как известно, пишут победители, тверское летописание *подверглось концептуально целенаправленной обработке при изложении событий*. В Москве не могли согласиться с заявленной тверскими летописцами позицией о ведущей роли Твери как оплота в борьбе с татаро-монгольским игом и прославлением тверских князей как самодержцев Русской земли и мудрых государственных деятелей и военачальников.

Тверские летописные тексты по своему богатству уступали текстам новгородским. В период борьбы Тверского княжества за общерусское господство характерным текстом стало «Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче», написанное в середине XV в. иноком Фомой. Автор называет князя Бориса Александровича «царем» и «самодержавным государем».

¹⁹² Уже митрополит Максим в 1299 г. оставил Киев и поселился во Владимире на Клязьме, где с тех пор находилась митрополичья кафедра.

Новые центры летописания продолжали традиции древнерусского летописания. Их летописи начинались с «Повести временных лет». Для определения новых реалий использовались образы прошлого. Так, татары отождествлялись в летописи с половцами, а призывы киевского летописца к объединению Руси в борьбе со степью воспринимались как призывы к борьбе с татарским игом («Повесть об Едигее», 1404 г.).

Сохранение древнерусских традиций летописания предостерегало местное летописание от приобретения им узко областного характера.

Московское княжество, набирая силу с конца XIV в. и в первой половине XV в., становилось общерусским центром, а Москва – центром русского летописания. Функции общерусского летописного свода выполнил свод митрополита Киприана 1408 г. Его списком была погибшая в московском пожаре 1812 г. Троицкая летопись. В своде Киприана в переработанном виде использовались летописи Твери, Новгорода Великого, Ростова, Смоленска, Нижнего Новгорода, Рязани, а также раннее летописание Москвы и входивших в состав Литвы княжеств, подчиненных в церковном отношении митрополиту.

Московское летописание 1470-х гг. при Иване III Васильевиче выражало идею единой державы. Приоритет, отдаваемый властью московскому летописанию, позволял московским летописцам взять на себя представление официальной позиции и заложить основание государственному летописанию.

В основе официального летописания конца XV–XVI вв. был *Лицевой Московский великокняжеский свод 1479 г.* Его более позднюю редакцию представляет *Лицевой Московский великокняжеский свод конца XV в.*

Об официальном характере московского летописания свидетельствуют известия о присоединении к Москве Твери (1485), взятии Казани (1487), столкновениях Ивана III с братьями. В рассказе о стоянии на Угре виновниками нашествия названы братья Ивана III, ответственность возложена на дурных советников – «предателей христианских», попавших ко времени написания текста в опалу.

К концу XV в. преобладание Москвы становится очевидным и общепризнанным. «Возвышение Москвы было связано с расцветом витиеватой и украшенной манеры литературного изложения, именуемого обычно «плетением словес». Такая манера пришла на Русь отчасти из-за рубежа («второе южнославянское влияние») и хорошо послужила литературному возвышению Москвы. Утверждение новой манеры способствовало обострению интереса к вопросам стиля и к развитию литературного языка. С другой стороны, тверская, и особенно новгородская, литература противопоставляла московскому украшенному стилю деловитое и лаконичное изложение, тесно связанное с живой речью и ее афористичностью. В конечном счете, обе эти стилистические тенденции сливаются в лучших произведениях XV–XVI вв.»¹⁹³

С обретением московским великокняжеским летописанием общерусского и официального характера и статуса в русском летописании проявляются две тенденции.

С одной стороны, с расцветом московского летописания одновременно наблюдалось *угасание летописания соперников Москвы* в качестве общероссийского: новгородского к 1470-м гг., тверского к 1480-х гг., а также *местного летописания*, которое некоторое время еще продолжало существовать, например, псковское (до XVI в. включительно).

С другой стороны, в регионах, не оппозиционных Москве, наблюдалась тенденция сочетания концептуально-общероссийского характера летописей и фиксирования местных интересов, включение в тексты сведений о своем крае. Эту тенденцию отразила Устюжская летопись XVI в., которую также называют Устюжским летописцем, Устюжским летописным сводом или Архангелогородским летописцем. Эта ветвь летописания продолжала существовать в XVII в. и даже в конце XVIII в., когда в Устюге был составлен летописец Л. Я. Вологдиным.

¹⁹³ Орлов О. В. Литература // Очерки русской культуры XIII–XV веков. – Ч. 2. Духовная культура. – М., 1970. – С. 119.

Общерусский характер в целом имеет и другая летопись северорусского происхождения – Холмогорская, составленная в середине XVI в. В ней также важное место занимают известия, относящиеся к Русскому Северу. В заключительной части свода, события в котором доведены до 1558 г., эти сведения становятся особенно обильными и локализуются Холмогорами и Двинской землей.

Хотя, в целом, концептуальную основу летописей Русского Севера характеризует понимание летописцами необходимости сочетания общегосударственных и местных интересов, тем не менее, там велось и независимое от великокняжеской власти летописание, в свою очередь, оказавшее влияние на русское летописание.

Соединение в летописи общерусских и местных материалов отражало взгляды составителей. Помимо летописей они привлекали и другие важные в мировоззренческом отношении памятники: Сказание о князьях Владимирских, Повесть о Флорентийском соборе Симеона Суздальского, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Послание Филофея Мисюрю Мунехину «на звездочетцев» и пр.

В конце XVI в. в Соловецком монастыре был составлен Соловецкий летописец. Другая летопись – свод 1472 г., составленный в Кирилло-Белозерском монастыре, которую отличала независимая от великокняжеской власти позиция, позднее легла в основу Ермолинской¹⁹⁴ летописи и Сокращенных сводов конца XV в.

В текстах этих летописей Московский князь признавался великим государем, однако летописцами осуждались жестокости правителя и злоупотребления вельмож. В Ермолинской летописи летописец позволил себе нелицеприятные суждения о великокняжеской политике, в частности он включил рассказ о жестокой казни серпуховских дворян, совершенной по приказу Василия II Темного в великий пост в 6970 (1462) г. и последовавшей вслед за этим смерти Василия II Темного.

Московские великокняжеские (затем царские) летописи с этого времени приобрели общегосударственный официальный статус и централизованный характер. Их статус отражал положение Москвы в Русском централизованном государстве. В 1547 г. Иван IV был объявлен «царем всея Руси», коронован «шапкой Мономаха». В связи с этим был составлен специальный «Чин венчания». Во вступлении к нему использовалось «Сказание о князьях Владимирских», идеи которого оказали влияние, как на летописание, так и на «Степенную книгу» (XVI в.) и «Государев родословец».

К середине 1560-х гг. в Москве был создан целый ряд летописных памятников. Крупнейшим памятником русского летописания XVI в. была Никоновская летопись или как ее еще называют – летописный свод митрополита Даниила. Ее редактор-составитель крупный писатель, церковный и политический деятель русского Средневековья митрополит Даниил (1522–1539) в составленной им обширной компиляции использовал местные летописцы, повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы. Он обработал Симеоновскую, Иоасафовскую, Новгородскую Хронографическую летописи.

Даниил давал историческое обоснование вопросам, которые являлись предметом обсуждения церковного собора 1531 г.: о праве монастырей на владение селами, о законности поставления русского митрополита без санкции константинопольского патриарха, о борьбе с ересью. Он последовательно проводил идеи интересов церкви, союза светской и духовной власти, поддерживал политику великого князя Василия III.

Крупнейшая после Никоновской летописи была Воскресенская, памятник московского летописания XVI в. А. А. Шахматов считал, что в основе Воскресенской летописи лежал Летописный Московский великокняжеский свод 1479 г.

¹⁹⁴ Летопись включала ряд известий о строительной деятельности русского архитектора и строителя В. Д. Ермолина в 1462–1472 гг.

«*Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси*» – официальная летопись, в которой излагались события первых двадцати лет княжения Ивана IV. Ее составили в связи с победой над Казанским ханством. Она неоднократно редактировалась. В редакции 1556 г. возвеличивался А. Ф. Адашев, который признавался составителем летописи, и были включены проекты адашевских реформ, давалась критика своевольному боярству.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением отечественного Средневековья стал *Летописный Лицевой свод XVI в.* История человечества описывается в нем в виде смены великих царств. Венцом развития изображалось царствование самого Ивана IV, которому посвящен последний десятый том, охватывающий события 1535–1567 гг. Исторический процесс излагается в соответствии с концепцией укрепления самодержавной власти царя и представлением о том, что Русь является наследницей древних монархий, оплотом православия.

Свод создавался по заказу Ивана IV в Александровской слободе в 1568–1576 гг., ставшей во времена опричнины политическим центром Русского государства, постоянной резиденцией царя. В 1575 г. в изложение истории царствования Грозного по указанию царя с целью оправдания расправ были внесены материалы против лиц, которые подверглись опалам и казням во времена опричного террора.

Летопись называлась «Лицевой свод», поскольку ее текст был иллюстрирован, написан «в лицах». Он дошел до нас в десяти роскошных томах, где почти каждая страница украшена миниатюрами (всего более 16 000 искусных миниатюр). Великолепная бумага для свода была специально закуплена во Франции из королевских запасов¹⁹⁵.

Работа над сводом не была завершена. После 1576 г. в связи с общегосударственными потрясениями, официальное летописание прекращается на несколько десятилетий и восстанавливается, но уже в иных формах к концу XVI – началу XVII вв.

Задачу представить летописание в единой системе не одно столетие решали выдающиеся историки: А. А. Шахматов, И. А. Тихомиров, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, М. Н. Тихомиров, А. Г. Кузьмин, В. И. Корецкий и др.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит концептуальный смысл общерусского летописания?
2. Когда, где и в каких исторических условиях оно появляется и как долго развивается как явление?
3. Охарактеризуйте центры общерусского летописания и их особенности.
4. Какие памятники представляли официальное московское летописание?

Рекомендуемая литература

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. – М., 1963.
2. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. – СПб., 2001.
3. *Еремин И. П.* Волынская летопись 1289–1290 гг. // Еремин И. П. Литература Древней Руси. – М.; Л., 1966.
4. *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII веков. – СПб., 2002.
5. *Иоасафовская летопись.* – М., 1957.
6. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. – М., 1980.
7. *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. – М., 1981.

¹⁹⁵ На такой бумаге писали французские короли Карл IX (1550–1574), Генрих III (1551–1589) и королева Екатерина Медичи (1519–1589), жена Генриха II.

8. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947.
9. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976.
10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 1—43.
11. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – Л., 1940; СПб., 1996.
12. Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. – М.; Л.: 1950; СПб., 2002.
13. Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы. – Тверь, 1999.
14. Тихомиров М. Н. Русское летописание. – М., 1979.
15. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. – М., 1985.
16. Шахматов А. А. История русского летописания. – М., 2003.

4.3. Русские летописи в системе европейского исторического знания XV–XVII веков

Движение идей и концепций национальных историографий, преодоление ими границ и знакомство с историографическими источниками других стран, их изучение и включение в историю собственной науки – нелинейный процесс. Начиная с XV в., русские летописи и Повесть временных лет входят в историографическое европейское пространство. Они оказывают влияние на зарубежную историографию в изложении ранней истории Руси.

Известны случаи, когда благодаря такому движению сохранились национальные памятники. Так, после сверки «русских известий» Я. Длугоша с русскими летописями, Ю. А. Лимонов (1933–2006) подтвердил гипотезу А. Н. Насонова (1898–1965) о том, основной состав русского летописного свода 1464–1472 гг. представлен в «Истории» польского автора¹⁹⁶.

М. Д. Приселков (1881–1941) отмечал, что русская наука узнала о белорусских или западнорусских летописях из сочинений польских хронистов XV и XVI вв.: Яна Длугоша (1415–1480), Мартина Бельского (1495–1575) и Матвея Стрыйковского (или Стрыковского) (род. 1547, участник русско-польской войны 1574–1575).

Значительный комплекс сведений об истории Руси и Московии был заимствован иностранными авторами XV–XVII вв. в их трудах о Руси, России и ее отношениях с Европой из русских летописей. Князь М. М. Щербатов подчеркивал особую среди европейских источников ценность русских летописей в сохранении памяти, а также обращал внимание на отсутствие такого источника у других славянских народов. «Что протчие Славянские народы, Поляки, Богемцы, Венеды и Иллириане подобной ей (*древней русской летописи*, – М. Л.) не имеют, ниже, чтоб которая из их летописей, либо древностию, либо обстоятельным и внятным объявлением происшедших дел, сей нашей предпочитаема быть могла. Сам, последует сей писатель, Стрыйковский (М. *Стрыйковский*, – М. Л.) славный Польский историк, не нашел лучшего основания, кроме нашего *Нестора*, к сочинению своей *Польской и Российской Хроники*»¹⁹⁷.

Добросовестные иностранные авторы, писавшие историю Руси, не могли обойтись без обращения к русским летописям. Летописи использовали *непосредственно*, т. е. с ними работали такие авторы, как: родоначальник польской историографии Я. Длугош, выпускник Краковского университета М. Меховский (1457–1523), австрийский дипломат С. Герберштейн (1486–1566), немецкий и польский историк и дипломат Р. Гейденштейн (1553–1620). Также русские летописи использовали и *опосредованно*, т. е. через труды других авторов, которые работали с летописями: французский историк Ж. О. де Ту (1553–1617), английский поэт Д. Мильтон (1608–1674).

¹⁹⁶ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Л., 1978. – С. 96.

¹⁹⁷ Щербатов М. М. История Российская от древнейших временъ. – Т. 1. —СПб., 1770. —С. VIII.

«Значение этого явления трудно переоценить. Летописи были не только источниками европейской историографии, использование которых способствовало знакомству со странами Восточной

Европы; они внесли определенный вклад в развитие и взаимодействие письменных культур европейских народов», – сделал вывод, специально изучивший проблему современный автор¹⁹⁸. Летописи внесли свой вклад в развитие европейской историографии и связи национальных ветвей исторической науки: польской, немецкой, французской, английской.

Одним из первых в Восточной Европе Я. Длугош составил историю славянских стран на общем фоне «всемирной истории». Западная Европа обязана ему подробными сведениями о духовной культуре и истории славянских государств, в том числе и Руси. «Историю» Длугоша, которая писалась в 1460—1480-е гг., использовали, высоко ее ценившие польские историки: М. Меховский, М. Стрыйковский, М. Бельский. Сведения о Руси в книгах и переписке Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена, карты Меркатора могли появиться только в результате создания Длугошем своей «Истории»¹⁹⁹.

Структура рассказа Длугоша о ранней истории Руси близка структуре сообщений «Повести временных лет». Некоторые известия ПВЛ Длугошем сокращались, объединялись и комбинировались. В результате отдельные рассказы представляют весьма сложные компиляции. Пересказывая события, автор как бы их аннотировал. Такой прием иногда использовался для драматизации в рассказе о последующих событиях. Авторское редактирование русской летописи предопределило особенности известий у Длугоша (об убийстве Аскольда и Дира и др.).

Сокращая при изложении заимствованные в русских летописях известия, в отдельных случаях Длугош брал из летописей лишь основную схему, канву рассказа. Однако в целом, польского автора отличала добросовестность при работе с источниками.

Исследовавший этот вопрос Ю. А. Лимонов, высказал соображение, что Длугош пересказал (почти перевел) текст «Повести временных лет»²⁰⁰. В ряде случаев (например, принятие христианства Владимиром) текст Длугоша является «почти буквальным переводом» ПВЛ. Польский автор придерживается корсунской версии крещения Владимира. Сведения из русских летописей Длугош дополнял информацией, почерпнутых им в польских, реже венгерских хрониках. Хронология Длугоша в большинстве случаев совпадает с русскими летописями.

М. Меховский испытал серьезное влияние со стороны своего старшего современника Я. Длугоша, с которым познакомился во второй половине 1470-х гг. Благоговейную память о нем Меховский пронес через всю жизнь, отразив ее в своих трудах. Будучи моложе Длугоша на 42 года, тем не менее, Меховский был ему близок по духу. Оба историка, разделяя некоторые идеи гуманизма, оставались консерваторами и традиционалистами.

Двойственность мировоззрения Я. Длугоша проявилась в его труде «История Польши», которая напоминает средневековую хронику, при наличии в ней все же отдельных элементов исторических построений, характерных для трудов эпохи Возрождения.

В круг общения Я. Длугоша входили итальянские (Э. С. Пикколомини), венгерские (И. Витез), польские (М. Лисоцкий) гуманисты. Будучи в Италии, он встречался с Н. Кузанским, с которым в дальнейшем поддерживал тесные отношения.

Вышедший в свет в 1517 г. «Трактат о двух Сарматиях» Меховского, неоднократно переиздававшийся, произвел переворот в знаниях европейцев о Восточной Европе и оказал влияние на европейскую историографию. Меховский обратил внимание Европы на Польшу и ее

¹⁹⁸ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Л., 1978.

¹⁹⁹ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). – М., 1966. Лимонов Ю. А. Указ, соч. – С. 10.

²⁰⁰ Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 27.

столкновения с Россией. Поставленная задача определила подход, когда исторические и историко-этнографические известия концептуально подчинялись выстраиваемой автором исторической перспективе. С этой целью Меховский использовал устные источники, сообщения купцов, миссионеров, пленных русских и служилых литовских татар.

Драгоценными являются сообщения современников, видевших Киев XVI в., и свидетельствовавшие о разорении, нанесенном татарами «обширнейшему городу Киеву, великолепной столице русских» в 1240 г., следы которого сохранялись три века спустя.

Меховский излагает раннюю историю Руси по Длугошу. Отдельные события он передает буквально, другие сокращает и объединяет. Меховский был знаком с русскими летописями, но некоторые из них он использовал опосредованно. Сведения о Московии XV–XVI вв. даны Меховским по С. Герберштейну. Меховский проявил самостоятельность в расположении материала, чередуя «русские известия» с сообщениями о Польше, при этом, не придерживаясь хронологии и нарушая ее.

С сочинениями Длугоша и русскими летописями европейский читатель познакомился через «Хронику Польши» – вторую работу Меховского, издававшуюся дважды при жизни автора в Кракове: в 1519 и 1521 гг. Следуя во многом оценкам Длугоша, первое издание повторило судьбу «Истории» Длугоша и было конфисковано. Второе издание «Хронику Польши» подверглось редакции.

Усобица 1150-х гг. Мстислава Киевского и Юрия Долгорукова, участие поляков в междоусобице является основным предметом исследования русской истории Длугоша и Меховского. Сообщения о смерти Юрия Владимировича у двух авторов совпадают.

В нескольких случаях Меховский избежал ошибок Длугоша, сопоставив его сведения с данными русского летописного источника, который был в его распоряжении (возможно Московского свода 1460—1470-х гг. или 1480 г. с комплексом галицких известий XIII в.). Однако серьезных разночтений между «Историей» Длугоша и летописью Меховским не выявлено. Вероятно, что польские авторы могли пользоваться одним источником.

Летописи использовал и барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) в «Записках о московитских делах» (1549).

Дипломат австрийских императоров он происходил из древнейшего, но обедневшего рода немецкой Штирии и вырос в горах славянской Крайны (современной Словении). Словенский язык с детства был для него вторым родным. Герберштейн упоминал, что владеет «виндским», т. е. словенским языком, сохранявшим известную близость по отношению к древнерусскому языку²⁰¹.

Герберштейн знал словенские обычаи и верования, поэтому его не удивляло в Московии (где он побывал в 1517 и 1526 гг.) то, в чем другие иностранцы видели «странности». Он находил параллели и объяснения русским «странностям». Такое лояльное, не враждебное отношение представителя Габсбургов к славянству было не типичным явлением. Его непредвзятое отношение к истории Московского государства отразилось в содержании «Записок о московитских делах».

Герберштейн считал необходимым написать «вкратце» о том, что «узнал сам в русских летописях и из сообщения многих людей»²⁰². Его труд неоднократно издавался, и многое сделал для информации европейского читателя о России, оказал влияние на сочинения иностранцев о России; он стал каналом проникновения концептуального мира русских летописей в историко-географическое европейское пространство.

²⁰¹ Жители Крайны, потомки «белых хорват», заселившие южные отроги Штирийских гор вплоть до Адриатического побережья, некогда жили в непосредственной близости с киевскими полянами, сохраняли диалект, родственный с древнерусским языком.

²⁰² Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб., 1908. – С. 137.

«Записки» Герберштейна одними из первых знакомили западноевропейского читателя с русскими летописями. По содержанию использованный Герберштейном летописный свод больше всего соответствует московским летописным сводам 1497, 1518 гг. и Ермолинской летописи. Только в одной из групп общерусских сводов конца XV – начала XVI в. сохранилась небольшая повесть о походе Батые в Венгрию, о его сражении с королем Владиславом, который будто бы и убил татарского хана²⁰³. Этот отрывок Герберштейн включил в «Записки».

Специалисты видят близость рассказа Герберштейна о захвате Тамерланом пограничного русского города Ельца и о его несостоявшемся походе на Русь с древнерусской «Повестью о приходе Темир-Аксака». Этот памятник содержит подробные для европейской историографии того времени сведения о Тамерлане.

Источниками для Герберштейна были два московских памятника: свод 1518 г. и один из списков Никоновской летописи, памятник близкий к «Древнему летописцу».

Известия о русско-казанских отношениях были почерпнуты Герберштейном из русских летописей. Австрийский дипломат был знаком с митрополитом Даниилом и имел возможность пользоваться *материалами митрополичьей мастерской*. Обилие материалов по истории русской церкви (послания и правила митрополита Иоанна, вопросы Кирика, житие Ольги и др.) в «Записках» позволяют думать, что посол Габсбуров мог их получить непосредственно от митрополита или его окружения²⁰⁴.

Текст Герберштейна, посвященный русской истории, включен во «Введение» и представлен в главе «О татарах». Он основан, главным образом, на кратком пересказе Повести временных лет. Таким образом, *история, рассказанная в ПВЛ, была интересна европейским читателям XVI в.*

Помимо летописных источников Герберштейн использовал Судебник Ивана III, церковный устав Владимира, послание и правила митрополита Иоанна, «Вопрошание Кирика», чин венчания Дмитрия Ивановича, «русский дорожник», проложные жития Ольги и Владимира²⁰⁵.

Последний по хронологии факт из русской истории, описанный Герберштейном, был им заимствован из летописи. Это сообщение о смерти Ивана Васильевича Великого. События XVI в. излагались Герберштейном на основании устных источников, свидетельств непосредственных участников событий: кн. А. Курбского, воеводы И. Челядина, потерпевшего поражение под Оршей в 1514 г., и, видимо, Михаила Глинского, которому в «Записках» дипломат дал лестную оценку.

Из иностранных источников Герберштейном упоминает Н. Кузанского и А. Вида, чьи картографические материалы были им использованы при составлении карты Руси. Для описания географии Руси, быта и нравов москвитов Герберштейн привлекал сочинения П. Иовия²⁰⁶, А. Кампанезе²⁰⁷, И. Фабра²⁰⁸.

²⁰³ Такой отрывок присутствует в Московском летописном своде 1480 г., в сокращенном своде 1497 г. и в своде 1518 г., в Типографской, Львовской, Никоновской летописях и Тверском сборнике. Никоновская летопись, как установил Б. М. Клосс, составлена до 1520 г.

²⁰⁴ Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 166.

²⁰⁵ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Л., 1978. – С. 153.

²⁰⁶ Итальянский историк-гуманист, географ Павел Йовий или Паоло Джовио (1483–1552) – врач римских пап, епископ Ночерский. В 1525 г. опубликовал подробные сведения о России из первых рук в составе книги о посольстве Дмитрия Герасимова к папе Клименту VII. Когда Дмитрий Герасимов находился в Риме, с его слов была составлена первая карта севера России итальянскими географами. Со слов Дмитрия Герасимова Паоло Джовио записал северный морской путь в Китай. Джовио также составил хронику Итальянских войн («История моего времени»), особенно ценную тем, что он являлся свидетелем некоторых битв.

²⁰⁷ Папский легат Альберт Кампанезе в письмах 1523–1534 гг. к папе Клименту VII о делах Московии, при перечислении жителей Московии упоминал угров, карелов, печорцев, вогуличей, черемисов. (Библиотека иностранных писателей о России. Барбо И., Контарини А., Кампанезе А., Йовий П. – СПб., 1836).

²⁰⁸ Иоганн Фабр – венский ученый. Русский переводчик и дипломат начала XVI века, служащий Посольского приказа Влас Игнатов познакомился с Фабром, проезжая через Вену, и со слов Игнатова Фабр написал книгу «О быте и нравах москвитов».

Известный немецкий и польский историк и дипломат *Рейнгольд Гейденштейн* (1553–1620) – поляк по матери, выпускник Кенигсбергского и Падуанского университетов на определенном этапе своей карьеры был приглашен ко двору Стефана Батория и стал королевским секретарем. Один из исторических трудов Гейденштейна «Записки о Московской войне» был посвящен истории войны Стефана Батория с Москвией. Он вышел в 1584 г. и принес известность автору. Позднее эту работа частично включили в другое сочинение Гейденштейна «Польское королевство в правление Сигизмунда Августа», опубликованное в 1672 г. Экскурсы Гейденштейна в русскую историю охватывают период с древнейших времен до середины XVI в. Изложение основано на русских, прежде всего, летописных источниках. Сам автор выделял псковские и московские источники.

Гейденштейн не использовал трудов ни Длугоша и Меховского, ни их последователей. Он строил свое изложение на самостоятельном изучении русских летописей, в том числе и неизвестных на Западе, став родоначальником нового направления в историографии. Гейденштейн интересовался генеалогией русских князей и непосредственно потомством Александра Невского, которого именует «Александром Ярославичем из рода Мономахова», и подчеркивал, что имя этого князя «до сих пор пользуется почетом у русских».

Трудом Гейденштейна широко пользовались западные, в частности французские, историки, прежде всего, Ж. О. де Ту. Благодаря этому *французская традиция изучения истории Руси развивалась «вне зависимости от длугошевской традиции»*²⁰⁹.

Гейденштейн знал каноны исторического изложения эпохи Возрождения. Ему были известны русские летописи, которые он именовал «русскими хрониками». Он сообщил о захвате библиотеки в замке Полоцка как о драгоценной добыче. Одна русская летопись из полоцких трофеев, о которых он говорит, сохранилась до нашего времени²¹⁰. Помимо летописей в трофейной библиотеке были сочинения греческих отцов церкви, сочинения Дионисия Ареопажита на славянском языке. Большая часть из них, по свидетельству летописей, была переведена на славянский язык с греческого Кириллом и Мефодием.

Тенденциозность и враждебность Гейденштейна по отношению к Московии проявилась в той части текста, которая характеризует репрессии Ивана Грозного, способ ведения войны, строительство крепостей и их оборону на основании устных свидетельств очевидцев, побывавших в Московии.

Гейденштейн позаимствовал у своего коллеги и предшественника Герберштейна ряд фрагментов, несколько сократив их, в частности, о смысле и значении титула царя и его соотношении с титулами короля и императора.

Французский историк Жак Огюст де Ту (1553–1617) был автором «Истории своего времени» или «Универсальной истории», состоявшей из 138 книг, над которыми он работал с 1591 по 1617 г. Де Ту был знаком с итальянскими и французскими мыслителями и учеными эпохи Возрождения, в частности М. де Монтенем (1533–1592), следил за новейшими достижениями науки. Объективность автора-католика по отношению к трудам ученых-протестантов стала причиной объявления «Истории» де Ту еретической и включения ее в индекс запрещенных книг в 1609 г.

«История своего времени» повествует о России середины XVI – начала XVII вв. (1543–1607). Преимущественно де Ту излагал русско-ливонские отношения, войну Московии с Ливонией (1557–1584) и события конца XVI – начала XVII вв. Древняя история московитов в «Истории» де Ту стала отступлением от основного повествования, «вкраплением» в рассказ о походах Стефана Батория в Прибалтику. Историографическое значение этого изложения

²⁰⁹ Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 198.

²¹⁰ Это Псковская I летопись, которая находится в Национальной библиотеке в Варшаве, в фонде Библиотеки ординации Замойских. Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 172.

состоит в том, *де Ту впервые в истории Франции сделал исторический обзор сведений о России*, основанный на солидных источниках с использованием новейшей для своего времени историографии²¹¹. Де Ту использовал труды С. Герберштейна, А. Гваньини²¹² (1538–1614) и Р. Гейденштейна, отдавая предпочтение последнему. Кроме того, он пользовался сведениями из Браденбаха, Одерборна, Хитрея и византийских источников. Хотя де Ту и называет в качестве своего источника «Анналы Руси», в которых историографы усматривают русские летописи, *непосредственно летописями он не пользовался, и в основе его труда лежат сочинения его современников, в чем собственно и состоит историографическое значение его «Истории»*.

Особое место Московия занимает и в английских исторических трудах XVI–XVII вв. Интерес англичан того времени был вызван интенсивно развивавшимися русско-английскими экономическими и политическими отношениями. Такой характер интереса определил тип английских сочинений о Московии. *Уровень английских работ о Московии уступал трудам континентальных историков и дипломатов (польских, австрийских, немецких, французских)*. По наблюдению О. Л. Вайнштейна (1894–1980), английская историческая мысль периода абсолютизма была скована королевской цензурой, ее отличала односторонность подхода и отсталость в разработке методики и теории истории. Положение в национальной английской историографии начало меняться с середины и, особенно во второй половине XVII в.²¹³, что было связано с Английской революцией, активизировавшей идеологические и мыслительные процессы.

В конце 1649—первой половине 1650 гг. *поэт Джон Мильтон* (1608–1674) написал «Краткую историю Московии и других малоизвестных стран, лежащих к востоку от России до Китая, собранную из письменных известий разных очевидцев». Ее первое издание в Англии осуществилось в период Реставрации, когда автора уже не было в живых, почти через 30 лет после ее написания.

В 1875 г. «Краткая история» была переведена *Ю. В. Толстым* (1824–1878)²¹⁴ и издана в Москве под названием «Московия Джона Мильтона». И с этого времени она вошла в русское историографическое пространство. Об истории России XI–XVI вв. Мильтон писал в четвертой главе. Наиболее подробно им рассмотрены события времени Ивана III. Мильтон подчеркнул, что к концу XV – началу XVI вв. Россия стала известна Европе как сильное и грозное государство. Главой антиатарского курса он считал Софью Палеолог, которую противопоставлял Ивану III. Мильтон уделял внимание генеалогии царствующего дома.

Контрольные вопросы

1. Какое влияние оказали русские летописи и Повесть временных лет на зарубежную историографию в изложении ранней истории Руси?
2. Назовите европейских историков, писавших о Московии, и охарактеризуйте взгляды одного из них?

²¹¹ Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 202.

²¹² В русской литературе также известен как *Гвагини, Гваньини* или *Гванигги*. Он составил «Описание Европейской Сарматии»; описал Русское государство, Польшу, Литву, Ливонию и др. земли. Гваньини использовал белорусско-литовские хроники. А также в его распоряжении были материалы, собранные служившим под его началом М. Стрыйковским.

²¹³ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. – Л., 1964. – С. 456; Лимонов Ю. А. Указ. соч. – С. 231–232.

²¹⁴ Ю. В. Толстой – историк, издатель исторических документов, снабжённых его обширными комментариями, товарищ обер-прокурора Св. Синода (с 1866); сенатор, тайный советник (1872). Член Археографической комиссии министерства народного просвещения с 1876 г. Находясь в Англии, изучал историю старинных отношений Англии с Россией в лондонском королевском архиве. В Москве исследовал документы в главном архиве Министерства иностранных дел. Написал труд «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593» (СПб: 1875), отмеченный Академией наук Уваровской премией, и многочисленные статьи. Среди статей «Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI в.» (1859); «Флетчер и его книга о русском государстве при царе Феодоре Иоанновиче» (1860); «„Московия“ Джона Мильтона» (1874 и 1875) и др.

3. Подумайте, существовали ли отличия в национальных европейских историографиях в восприятии Московии, а также в характере их Источниковой базы?

Рекомендуемая литература

1. Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич; пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. – М., 2008.
2. Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Л., 1978.
3. Rogov A. I. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). – М., 1966.

4.4. Хронографы

Со второй половины XV в. русские авторы начинают систематизировать накопленные исторические сведения и рассматривать русскую историю как часть всемирной истории. «Россия вводилась в русло мировой истории в новой роли. Россия искала свое место в мире»²¹⁵. Хроникальная форма расширяла возможности повествования всемирной и русской истории, открывала больше возможностей для сопоставительной оценки, которая нередко носила назидательный и нравоучительный характер.

Падение Константинополя (1453) оказало глубокое влияние на русское сознание, заставив размышлять о роли своей страны в христианском, православном мире. Русские книжники обратились к хронографическому способу изложения материала. К XV в. они имели большой опыт чтения и работы с зарубежными хронографическими текстами. Еще со времен Киевской Руси русским книжникам был известен жанр хроники, творчество византийских, болгарских и сербских хронистов. Позднее изучались и польские хроники. Для соединения событий русской истории с мировой хронограф оказался проверенной и удобной формой. Выбирая между двумя противоположными тенденциями, которые присутствовали в зарубежных хрониках – жесткой хронологизацией событий и стремлением к повествовательности²¹⁶, последняя оказалась для русских авторов предпочтительнее. Стремление к повествовательности выражалось в многочисленных вставных новеллах, создавались цельные повествовательные эпизоды.

Хронографию отличало более свободное отношение к источникам. Извлечения из многочисленных источников в хронографе связывались в единое повествование благодаря композиции, в основе которой всемирная и русская история излагалась хронологически. Стилистическое единство достигалось в тексте благодаря использованию хронистом пересказа источников, придававшего тексту некоторое единство, в основе которого было авторское начало. Неслучайно предпочтение отдавалось пересказу, а не цитированию. Исключение делалось для летописных текстов, которые преимущественно цитировались.

Первые шаги хронографической подачи событий были сделаны в рамках летописания. Так, значительным этапом в развитии отечественной хронографии стала вторая редакция Еллинского и Римского летописца, составленного не позднее 1453 г.

Эту редакцию использовали при создании редакций Русского хронографа – редакции 1512 г., Западнорусского, Пространного хронографа, редакции 1617 г., а также при составлении второго и третьего томов Летописного лицевого свода, содержащего хронографические статьи. С Еллинским летописцем по составу и источникам сходны такие хронологические ком-

²¹⁵ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 244.

²¹⁶ Эти тенденции в хронографах заметил Я. Н. Любарский (1929–2003). (См.: Любарский Я. Н. Византийская историография как жанр художественной литературы // Российское византиноведение. Итоги и перспективы: тезисы конференции. – М., 1994. – С. 88).

пиляции как Виленский, Софийский, Тихонравовский и Троицкий хронографы. В них был сокращен текст хроники Георгия Амартола, опущены богословские и мировоззренческие рассуждения; введено русское летописное сказание о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. и извлечения из летописей о походах на Византию Олега и Игоря; перечислены византийские императоры вплоть до Мануила Палеолога, вступившего на престол в 1391 г.

В Летописце еллинском и римском второй редакции впервые появляются названия глав. Эта система включала три типа названий: 1) традиционное *обозначение царствования*, 2) основную *тему фрагмента*, 3) *заглавия*, содержащего не только тему, но и краткое содержание текста. *Начиная с этого летописца, в большинстве хронографов появились заглавия.* Повествование структурировалось за счет выделения отдельных сюжетов. «Эволюционируя, – пишет современный автор, – хронограф придавал своим фрагментам все более притчеобразный характер, да и сама история до некоторой степени воспринималась как одна большая притча, чей основной смысл (как смысл всякой притчи) располагался гораздо глубже событийного ряда. Все это привело к тому, что при переходе к новому времени хронограф как жанр исторического повествования исчезает»²¹⁷.

Русский хронограф, представлявший хронографический свод и излагающий всемирную и русскую историю, известен в нескольких редакциях, создававшихся в XVI–XVII вв. Позднее Русский хронограф попал на южно-славянскую почву. Всемирная и русская история излагалась в нем от сотворения мира до 1453 г. – завоевания Константинополя турками.

Историографическая концепция Русского хронографа выражала мысль о русском государстве как наследнике великих держав прошлого, «третьем Риме», оплоте православия перед турецкой угрозой. Эта позиция отражала взгляды русских государственных и церковных деятелей начала XVI в.

А. А. Шахматов считал автором одной из редакций хронографа старца Филофея. Однако вопрос об авторах Русского хронографа окончательно не решен. Б. М. Клосс разделяет гипотезу А. Д. Сидельникова о Досифее Топоркове как авторе первоначальной редакции хронографа. Б. М. Клосс связывает написание хронографа с кругами, близкими к Волоколамскому монастырю, и датирует его 1516–1522 гг.

В Русском хронографе 1512 г. обосновывалось значение России в качестве нового центра мирового христианства.

Автор описал падение прочих православных «благочестивых» царств (Греческого и Болгарского, Сербского (Серпского), Боснийского (Басаньского) Хорватского (Арбагазского) «и инии мнози»), павших под вражескими ударами «безбожнии Турцы поплениша и в запустение положиша под свою власть». Им он оптимистично противопоставил «Росискую землю», которая «Божью милостию и молитвами пречистыя Богородица и всех святых чудотворец растет и млеет и возвышается, ей же, Христе милостивый, даждь расти и млеети и разширяться и до скончания века».

Пространная редакция Русского хронографа была составлена во второй половине XVI в. на основе списка Сокращенного вида редакции 1512 г. Ее текст был дополнен по библейским книгам и Еллинскому летописцу второй редакции. В нее были включены *новые главы и статьи*, в том числе «Повесть о белом клобуке», «О Люторе Мартине», Житие Константина (Кирилла) Философа.

Состав хронографов исследователи описывают по фрагментно. Структурной единицей хронографа является фрагмент. Одновременно он может быть единицей повествования и единицей текста.

²¹⁷ URL: [library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull](http://library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&startFrom=&ucat=&) 18rid=1 195563069&archive=1 1955972115&startFrom=&ucat=&

В начале XVII в. в годы Смуты в условиях краха основ русской московской государственности осуществляется серьезная переработка Русского хронографа в связи с новым потрясением русского православного сознания в связи и интервенцией и социальными катаклизмами внутри страны.

Не ранее 1617 г. редакция 1512 г. подверглась серьезной переработке, в результате которой была составлена Основная редакция Русского хронографа в 169 главах. В них было сокращено изложение библейской истории и расширено изложение русской истории. Повествование было продолжено с 1452 г. до воцарения Михаила Федоровича. Особое внимание уделялось событиям Смутного времени. В Основную редакцию было включено «Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магомете», фрагмент из «Хождения» Трифона Коробейникова и извлечения из перевода польской хроники М. Бельского.

В свою очередь, Основная редакция 1617 г. подверглась переработке, которую именуют Распространенной редакцией 1617 г. Предшествующий текст, повествующий об Иване IV Грозном, ее преемниках и событиях Смутного времени остался без изменений.

Названия редакций хронографа условны. В качестве следующего этапа в истории Русского хронографа исследователи выделяют «третью» или редакцию 1620 г. Тексты Русского хронографа разных разрядов различаются в своей заключительной части, начиная с царствования Бориса Годунова. В текст были включены обширные фрагменты из «Сказания Авраамия Палицына». Западнорусская редакция Русского хронографа была положена в основу сербского хронографа. Русский хронограф как *хронологически организованное историческое повествование* расширил круг историографических источников.

Контрольные вопросы

1. Почему в XVI–XVII вв. в России оказалась востребована форма хронографа?
2. Какие задачи решались составителями Русского хронографа?
3. Какие изменения вносились в тексты хронографов в процессе их переработки в начале XVII в.?

Рекомендуемая литература

1. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. – Л., 1975.

4.5. Москва – Третий Рим

В XV в. положение России в православном мире меняется. В 1439 г. была заключена Флорентийская уния²¹⁸. Попытка воссоединения христианских церквей с целью сближения Византии и Запада перед лицом общей турецкой угрозы обнажила глубину противоречий между ними и оказалась безрезультатной. Вероисповедная настороженность русских православных людей по отношению к Западу усиливается.

В новой церковно-политической ситуации, сложившейся после падения Константинополя и Византии (1453), русским религиозным мыслителям представлялось важным вписать Московское государство во всемирно-исторический контекст. Для достижения этой цели ими

²¹⁸ Собор христианских церквей был собран в Ферраре в 1437 г. для обсуждения унии. В 1439 г. из-за чумы Собор перенесли во Флоренцию. Особое внимание уделялось расхождениям в догматах. Подписанный акт о латинском чтении символа веры оказался безрезультатным. Он встретил серьезную оппозицию в православных патриархиях. Русский митрополит грек Исидор, сторонник унии, был возведен папой римским Евгением IV в сан кардинала и назначен легатом папы для Польши, Литвы и Ливонии. В марте 1441 г. Исидор приехал в Москву для вручения великому князю Василию II послания Евгения IV с просьбой помогать митрополиту в воссоединении Католической и Русской Церквей. Исидора заключили в Чудов монастырь. В сентябре 1441 г. ему удалось бежать, видимо, с ведома Василия II.

использовались идеальные образы, которые выражали с помощью формул «Москва – Новый град Константина», «Москва – Третий Рим». Эти формулы зазвучали убедительнее после освобождения в 1480 г. Московского государства от татаро-монгольского ига. В пасхалии 1492 г. митрополит Зосима Брадатый²¹⁹ впервые назвал Ивана Васильевича III (1440–1505) «государем и *самодержцем* всея Руси, новым царем Константином новому граду Константину – Москве»²²⁰.

Теория о русском царстве, заступившем место Византийской империи, была сформулирована в сочинениях «Филофеева цикла». В них был выдвинут «идеал-образ» России как «Третьего Рима» (позднее возникло название «теория «Москва – Третий Рим»»).

Концепция старца псковского Спасо-Елеазаровского монастыря Филофея (ок. 1465–1542) строилась на *духовно-мистической идее «Ромейского царства» как идеального христианского царства, которое само избирает место своего пребывания. В основе рассуждений Филофея лежало древнее учение о «странствующих царствах», восходившее к библейской Книге пророка Даниила²²¹. Носителями праведного царства могут быть только благочестивые православные государства, верные христианскому образу-идеалу, и сохранить его только в том случае, если они в будущем не утрачивают благочестия и остаются верными православию.*

Таким образом, «Третий Рим» – это не только Москва. «Третий Рим» вмещал в себя все погибшие и потерявшие самостоятельность православные государства. «Ромейское царство» не было конкретным политическим образованием или геополитическим понятием²²². *Мистическое христианское царство, в отличие от государства реального, исторического, считалось «неразрушимым». Оно не подвержено уничтожению силой физического захвата. Это царство существует по иным, духовным идеальным законам.*

Речь шла о сохранении (или нарушении) верности идеальным православным ценностям, от чего зависела судьба «странствующего» Рима. С точки зрения Филофея, два великих мировых царства и первый, и второй Рим погибли духовно, они уклонились от православного учения и не исполнили своего предназначения²²³.

Первый Рим, уклонившись в латинство и изменив тем самым чистому воплощению Римского царства, пал в IX в. Второй Рим был взят турками и пал в XV в., потому что принял унию с католиками. Турки были посланы Константинополю в наказание.

Популярный в христианской литературе *образ Рима как некоего перемещающегося центра истинного христианства, продолжающего свое существование до самого конца земной человеческой истории, после падения Константинополя соединился в православном сознании с Москвой – центром единственного оставшегося после падения Византии православного государства²²⁴.*

Библейское пророчество в традиции телеологического восприятия истории рассматривались на фоне общих явлений и задач защиты православия. Не менее важным в средневековье считалось непосредственное влияние пророчества на историю, что подчеркивало императивный характер библейского пророчества. Пророчество рассматривалось как способ преодоления времени. Средневековое сознание отождествляло должное с имеющим (имевшим) место.

²¹⁹ Врагом Зосимы был Иосиф Волоцкий. Зосима был близок дьяку Федору Курицыну.

²²⁰ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 2005. – С. 291–292.

²²¹ «Исторические» пророчества Даниила оказали большое влияние на русскую хронографию.

²²² Это мнение Н. В. Сеницыной, автора исследования: Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.) – М., 1998, разделяет А. В. Каравашкин.

²²³ Каравашкин А. В. Литературный обычай в Древней Руси. – М., 2011. – С. 406.

²²⁴ В кратком виде ряд положений концепции «Москва – Третий Рим» изложен в анонимном сочинении «Об обихае Церкви», автором которого являлся продолжатель Филофея, работавший, скорее всего, в 1530-х – начале 1540-х гг.

Знание о мыслимом уже предполагало некую предопределенность. Так происходило непосредственное соприкосновение идеального и реального, духовного с историей²²⁵.

Поскольку Россия оставалась на земле последним и единственным православным государством, четвертому Риму в земной жизни, т. е. в истории, уже «не быть», даже в том случае, если и «Третий Рим» – Москва не выполнит возложенной на него идеальной роли. Историю соотносили с идеей спасения. В концепции Филофея выразило себя эсхатологическое сознание, согласно которому персональная работа каждого над спасением могла проводиться только при жизни, т. е. в рамках земной истории, и праведная жизнь являлась главным обоснованием истории как таковой.

Содержание «Ромейского царства» в понимании старца Филофея носило не столько связанный с государственно-политическими границами, геополитический характер, сколько духовный, оберегающий и охранительный.

Современные исследователи интерпретируют мысль о «Москве – Третьем Риме» «не в смысле претензии на мировое руководство, но лишь в смысле осознания страшной ответственности за дальнейшее существование мира»²²⁶ и связывают его с верой и Церковью – «хранилищем истинного христианства». Поэтому, по сути дела, вся христианская история человечества – это история «Ромейского царства»²²⁷.

Религиозную идею на земле должна защищать царская власть. Филофей, выражая политическую идею на характерном для русской публицистики языке богословия, употреблял термин «царство» и использовал хорошо разработанную царскую титулатуру. Филофей²²⁸ писал великому князю Василию III Ивановичу²²⁹ о великой ответственности правителя, необходимости его соответствия своему высокому предназначению: *«И если хорошо урядишь свое царство – будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима*, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что *два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать*. И твое христианское царство другим не сменится...»²³⁰ *«Утеши плачущих и вопиющих к тебе день и ночь, избави обидимых от рук обидящих их»*. В историософской концепции Филофея был ярко выражен приоритет морального и социального начала, характерный для православия.

Популярность поучений правителю (княжеские «зеркала») обусловили напряженные эсхатологические ожидания на рубеже XV–XVI вв. в России. Целью послания являлось наставление правителя на путь, ведущий его и управляемую им страну, к спасению.

В Послании к великокняжескому дьяку во Пскове М. Г. Мисюрю-Мунехину²³¹ (составлено в 1523–1524, не позднее марта 1526), Филофей, используя понятие и образ Рима, писал²³²: «...мала некая словеса изречем о нынешнем православном царстве пресветлейшего и высо-

²²⁵ URL: library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1955972115&start_from=&ucat=&

²²⁶ Нине П. Москва – Третий Рим? // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. – М., 1990. – С. 205.

²²⁷ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 247.

²²⁸ Его авторство более или менее уверенно атрибутируется только в отношении послания М. Г. Мисюрю-Мунехину.

²²⁹ В более поздних списках в качестве адресата выступает Иван Васильевич, по-видимому, Иван IV.

²³⁰ Дано в переводе.

²³¹ Мисюрь-Мунехин М. Г. (вторая половина XV в. – 1528) – русский дьяк великого князя Василия III. После взятия Пскова (1510) и его присоединения к Московскому государству фактически управлял Псковом. Прозвище «Мисюрь» было распространено на Руси и в Литве в XV–XVI вв. «Мисюрка» – тип шлема восточного происхождения.

²³² «...скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и правитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой Богородицы, что одна во вселенной к наше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Много раз и апостол Павел упоминает Рим в посланиях, в толкованиях говорит: «Рим – весь мир»».

костолнейшего государя нашего, иже во всей поднебесней апостольския Церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасенном граде Москве святого и славного Успения Пречистыя Богородица, иже едина в вселенней паче солнца светится. Да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася ао едино царство нашего государя, по пророчским книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостол Павел поминает Рима в посланиях, в толковании глаголет: *Рим весь мир*».

Падение Византии ощущалось Русью как крах существующего порядка. «Письма Филофея, по своей сути, содержали не наступательную, а *оборонительную идеологию*; русским людям говорили, что их страна стала самодостаточной, что чувства паники, неуверенности теперь неуместны, что знамя защиты родины, защиты православия теперь переходит от Византии к Русскому государству. И оно в силах взять в свои руки это знамя»²³³.

*Таким образом, в пророчески-эсхатологическом цикле сочинений о «Третьем Риме» Московское государство рассматривалось как «центр, ядро, средоточие правой веры во всем мире». Это был важный духовный тип соединения русской истории с мировой. Он дополнял два других типа: хронографический и генеалогический*²³⁴.

Религиозно-мистическая эсхатологическая теория позволяла русским мыслителям XV и особенно XVI в., используя древние и новые символы, определить «историческое место Московского государства в бытии всего христианского мира»²³⁵.

Созвучие идей Филофея и его продолжателей памятникам оригинальной русской и переводной литературы, и тех которые писались до него, и более поздних²³⁶, характеризовало тенденцию историко-политической и религиозной мысли, отстаивавшую идею самоценности и самодостаточности Русского государства.

Тематические параллели с концепцией «Москва – Третий Рим», в частности, представление об отсутствии другого православного государства в мире, кроме русского, отражено в сочинениях середины XVI в. – в трактате «Правительница» Ермолая-Еразма, входившего в круг митрополита Макария, а также в сочинениях, не связанного с этим кругом, И. С. Пересветова.

Идеи Филофея не получили официального признания в эпоху Ивана Грозного. Царь не ссылался на эту доктрину. Но она вновь проявилась в последней четверти XVI в. в «Грамоте об учреждении патриаршества» и в «Повести о новгородском белом клобуке»²³⁷ – сочинении о чудесном появлении на Руси мистического символа духовной власти – «Третьего Рима» – белого клобука, но только не в Москве, а в Новгороде.

²³³ Наумова Г.Р., Шикло А. Е. Историография истории России. – М., 2008. – С. 35.

²³⁴ Перевезенцев С. В. Указ. соч. – С. 204.

²³⁵ Перевезенцев С. В. Указ. соч. – С. 206.

²³⁶ «Наставление» Агапита, византийского писателя VI в., «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера XV в., «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы конца XV в., «Просветитель» Иосифа Волоцкого начала XVI в.

²³⁷ «Повесть о белом клобуке» составлена по принципу пересказа нескольких источников. Один из них – «Послание Дмитрия Грека Толмача новгородскому архиепископу Геннадию». По велению Геннадия Дмитрий (Митька Малый) добрался до Рима. Митьке удалось, благодаря дарам, войти в расположение к книгохранителю римской церкви Якову и записать рассказанную ему Яковом повесть о белом клобуке, которая тщательно скрывалась. Далее пересказывается сочинение, посвященное Константину, благодарное на него влияние явившихся императору во сне апостолов Петра и Павла, крещение Константина Сильвестром, благодарность Константина. Именно во сне явившие вновь Петр и Павел показали ему форму, по которой должен быть сшит белый клобук папе в знак его церковного главенства. Константин велел сшить клобук и возложил его на голову папа Сильвестру, после чего, не желая царствовать в том же месте, где правит наместник Божий, он перенес свою столицу из Рима в Константинополь. Однако забывшие благочестивую жизнь и не почитавшие клобука преемники Сильвестра были вынуждены послать его (символ своей власти) в Константинополь. Ночью константинопольскому патриарху явился «юноша светлый» и велел отправить клобук в Великий Новгород, «и да будет там носим на главе Василия архиепископа». С тех пор «утвердися белый клобук на главах святых архиепископ Великого Новгорода».

Попытки декларировать необходимость объединения мира вселенского православия в рамках одного политического целого с центром в Москве фиксируется в источниках, созданных после учреждения патриаршества (1589). С этого времени растет число списков памятников «филофеевского цикла», причем сочинение Филофея достаточно свободно интерпретировалось в угоду новым задачам.

В XVI в. и особенно в XVII в. упоминание «Третьего Рима» соотносится с Россией в целом. Москва и Русское государство сопоставляются с другими сакральными центрами. Распространяется взгляд на Русь как на новый Иерусалим.

С третьей четверти XVII в. в старообрядческой среде представление о «Третьем Риме» начинает бытовать исключительно в негативном смысле (Москва – это «нехороший» Третий Рим – царство Антихриста). Вожди староверов предрекали Царству Антихриста разложение и гибель. Да и правительство и его публицисты больше не желали уподоблять Москву Константинополю или Риму.

Теория «Москва – Третий Рим» создавалась и функционировала, объясняя определенное состояние государственности. Исследователи отмечали, что «кончина» той или иной общественно значимой теории или концепции столь же важна для ее понимания, как и ее зарождение, поскольку она помогает определить, для какого общественного организма конкретная концепция была естественной²³⁸.

В конце XVII в. актуальной становится схема сменяющих друг друга четырех царств. Учение о четырех царствах принадлежало к идеям давно известным (оно присутствовала в ранних русских хронографах, и было почерпнуто из Хроники Амартола²³⁹), и вновь оказалось востребованным в России при царе Федоре Алексеевиче. В конце XVII в. концепция «Москва – Третий Рим» утрачивает свое влияние, но ее отголоски исследователи находят еще в эпоху Петра I.

Контрольные вопросы

1. Какие идеи несла в себе концепция «Москва – Третий Рим»?
2. Какие произведения включает в себя Филофеевский цикл?
3. Расскажите историю появления и существования концепции «Москва – Третий Рим».

Рекомендуемая литература

1. *Золотухина Н. М.* Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». – М., 2015.
2. *Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли.* – Roma, 1989.
3. *Каравашкин А. В.* Литературный обычай Древней Руси. – М., 2011.
4. *Синицына Н. В.* Третий Рим: историки и эволюция русской средневековой концепции. – М., 1998.
5. *Усачев А. С.* Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. в восприятии современников). URL: rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-speci...

4.6. Генеалогическая концепция обоснования власти Московского государства

²³⁸ *Богданов А. П.* Несостоявшийся император царь Федор Алексеевич. – М., 2009.

²³⁹ Георгий Амартол, впервые в византийской историографии объявил Римское царство четвертым и последним, но не детализировал эту идею.

Процесс превращения великого князя Владимирского и Московского в православного царя, начавшись при Иване III (1440–1505), ставшем государем всея Руси, продолжался при его сыне Василии III (1479–1533) и в некоторой степени был завершен при его внуке – Иване IV (1530–1584), который венчался на царство шапкой Мономаха (1547).

С появлением на политической сцене «государства всея Руси» перед русскими книжниками встала задача объяснить, откуда оно взялось. Для того, чтобы вписать Русь и ее правителей в европейскую историю, необходимо было найти ей достойное историческое место, для чего требовались известные имена и исторические ориентиры.

В начале XVI в. идеологическое оформление русской монархии отставало от политического. «При Иване III возник ряд идей, основанных в основном на переосмыслении русских средневековых представлений об идеале верховной власти. Но именно от первой трети XVI века до нас дошли тексты, содержащие оформленные, целые, развернутые концепции российской монархической власти»²⁴⁰.

*Генеалогическое обоснование легитимности династии русских государей и их политических претензий, носившее историко-политический характер, было дано Спиридоном-Саввой в «Послании о Мономаховом венце», составленном между 1513 и 1523 гг.*²⁴¹ Оно было написано им в возрасте 90 лет. «Послание» появилось в ответ на запрос, возможно, Вассиана Патрикева, занимавшего тогда видное положение при дворе Василия III.

Перед Спиридоном-Саввой стояла задача изложить происхождение династии великих князей на фоне важнейших событий мировой истории. Начиная с потомков Ноя и придумав ему четвертого сына Арфаксада, одноименного с сыном Сима, внуком Ноя, который назван им прямым предком русских князей, Спиридон-Савва устанавливал, таким образом, генеалогическую связь предков Василия III с римским императором Августом через Пруса, который якобы был родственником Рюрика. **Родство калитичей с римским императором потребовалось для утверждения престижа великокняжеской власти.** В Послании приведена легенда о том, как Владимир Мономах получил царский венец от византийского императора. Доказывалось, что мономашичи, к которым принадлежали и калитичи, издревле традиционно владели регалиями царских достоинств. Спиридон-Савва называл Василия III, как и Владимира Мономаха, «вольным самодержцем» и царем. Эта генеалогическая легенда останется основой самоидентификации и презентации русской монархии на международной арене вплоть до 1598 г., т. е. до пресечения династии Рюриковичей, и послужит ориентиром в последующем развитии концепции царской власти.

В тексте «Послания», прославлявшем авторитет власти московских князей, проявили себя тверское происхождение Спиридона-Саввы и его приверженность традициям тверской политической литературы XV в. Помимо московских он также прославил тверских великих князей, включив в текст факты об их ведущей роли в общерусских событиях XIV в.

При последующей редакции «Послания» тверская тема была устранена. Однако сам факт проникновения тверской темы в «Послание» Спиридона-Саввы, по мнению исследователей, «указывает на то, что источники легенд, обосновывающих авторитет великокняжеской власти на Руси в XVI в., надо искать в политической литературе тверского княжества, где в XV в. был высоко развит придворный этикет»²⁴².

В официальной московской практике того времени еще не были приняты термины «царь» и «самодержец», которые использует Спиридон-Савва, говоря о Василии III. Между тем, эта терминология уже была привычной для тверских источников в XV в. Так именовали

²⁴⁰ Филлюшкин А. И. Василий III. – М., 2010. – С. 144.

²⁴¹ Спиридон-Савва был одним из составителей Жития Зосимы и Савватия соловецких.

²⁴² Дмитриева Р. П. Спиридон-Савва / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. – Ч. 2. – Л., 1989. – С. 411.

лись тверские князья в «Слове похвальном инок Фомы» и «Предисловии летописца княжения Тверского».

Церковно-публицистическое «Послание» Спиридона-Саввы, по мнению ряда исследователей\ легло в основу другого литературно-публицистического памятника «Сказания о князьях владимирских».

«Сказание» датируется в широком диапазоне: от конца XV в. до «не позднее 1527 г.» и даже в 1530—1540-е гг. Оно широко **использовалось в идеологическом обосновании русского централизованного государства и политической борьбе за укрепление великокняжеской, а затем царской власти.**

В основе «Сказания» лежит *легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который состоял в родстве с Рюриком.* Вторая легенда, входящая в «Сказание» повествует о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. *Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была впервые использована как официальная версия составителями Воскресенской летописи.*

Позднее она была помещена в виде вступительной статьи к *Государеву родословцу 1555 г. и включена в Степенную книгу. Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г. Он стал идеологическим обоснованием наследственного владения московскими великими князьями властных регалий византийского императора Константина IX Мономаха.*

В соответствии со средневековой традицией, благодаря историческому преданию русская история возводилась к истории всемирной, включалась в библейскую историю, начиная с разделения Земли Ноем между сыновьями Симом, Хамом и Иафетом после ²⁴³

Всемирного потопа. «Соединение русской истории со светской всемирной историей осуществлялось посредством ее изложения как продолжения древней истории Египта, Греции и Рима»²⁴³.

Параллельно с династической переориентацией на Древний Рим в идеологии Московского царства XVI в. появилась идея о том, что Русь получила христианство не из Византии, а из Древнего Рима, т. е. непосредственно из первоисточника. В связи с этим установился культ Андрея Первозванного как святого апостола, принесшего на Русь христианскую веру. Об Андрее Первозванном пишет летописец в «Повести временных лет». Позднее Андрей Первозванный занимает важное место в суждениях М. В. Ломоносова о древней истории Руси.

«Сказание о князьях владимирских» было создано в среде, тесно связанной с великокняжеской властью. В качестве возможных авторов называют имена Пахомия Серба и Дмитрия Герасимова, однако оба мнения являются гипотетическими.

«Степенная книга царского родословия» («Книга степенна царского родословия, иже в Русей земли и благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дровеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождением, яко светлосочными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколебимо водрузиша, по ней же невозбранен к богу восход утвердиша себе же и сущим по ним») вносит в практику отечественной историографии новые приемы работы с историческим материалом. Они отличаются от тра-

²⁴³ Есть и другое мнение А. А. Зимина о зависимости этих текстов.

²⁴³ Есть и другое мнение А. А. Зимина о зависимости этих текстов.

диционных приемов, применявшихся в летописном, хронографическом и житийном жанрах.
244

«Степенная книга» продолжила традицию митрополита Илариона в том смысле, что предложила концептуальное изложение русской истории, выявила единую логику исторического процесса, однако с поправкой на 500 лет, поскольку выражала представления середины XVI в.

В связи с этим *«Степенная книга» представляет собой «произведение иного, нового для России XVI в. исторического жанра. Это не хроника и не житие, а композиционно законченное и осмысленное изложение истории государства от глубокой древности до современности<...> Творческая лаборатория составителя Степенной книги – это, прежде всего, сплав традиций и новаций историографической практики XVI в.»*²⁴⁵

«Степенная книга» – памятник официальной историографии – «синтезировал, и довольно последовательно, важнейшие конвенциональные модели (*типичные содержательно-концептуальные характеристики*, – М. Л.) исторического повествования. Авторы не только собирали прецеденты, но и подводили итог многовековой работе по их интерпретации»²⁴⁶.

В «Степенной книге» приводятся новые версии знаменитых легенд, характеризующие системный подход к осмыслению прошлого в эпоху Грозного. Так, была тщательно *переосмыслена легенда о посещении киевской и новгородской территорий апостолом Андреем*. Если в ранних летописных сообщениях («Повести временных лет») легенда об Андрее не привязана к последующим рассказам о крещении Руси и даже противоречит им (в статье 983 г. утверждается, что на Русской земле «телом апостоли не суть где были»), то в версии эпохи Грозного апостольское хождение было прописано. «Пророчество апостола превратилось в прочный и убедительный исторический прецедент, подобный прецедентам родословных книг при местных спорах», – отметил современный автор²⁴⁷. «Заочное» крещение становится дополнительным аргументом в пользу богоизбранности всей династии, а летописное сообщение «со слабым статусом, темное и невразумительное, обретает силу важного исторического свидетельства»²⁴⁸.

Важная роль Руси в православном мире, которая весомо возросла при московских князьях, подчеркивалась в Степенной книге, составленной на рубеже 1550—1560-х гг., возможно, протопопом Благовещенского собора Андреем (позднее московским митрополитом Афанасием) духовником Ивана IV, близким митрополиту Макарию и его преемником на митрополичьей кафедре. Накануне введения опричнины Иван IV адресовал Афанасию послание от 3 января 1565 г. с изложением причин, заставивших его покинуть Москву.

Афанасий реализовал во многом принадлежавший Макарию (его «благословением и повелением») замысел, который был подготовлен генеалогическими выкладками Сказания о князьях Владимирских и русскими главами Русского Хронографа. На их основе создавалось принципиально новый труд. «В основу композиционного построения положен образ лестницы с золотыми ступенями, ведущей Россию и ее народ от земли на небо, от язычества к Богу. Каждая ступень этой лестницы – период правления очередного русского «самодержца». Таковыми в Степенной книге представлены русские князья от Владимира Святого до Ивана Грозного,

²⁴⁴ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – СПб., 2011. – С. 62–63.

²⁴⁵ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. – М., 2007. – С. 3.

²⁴⁶ Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси. – М., 2011. —С. 491.

²⁴⁷ Там же. – С. 490.

²⁴⁸ Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 491.

чье правление составляет последнюю семнадцатую степень (ступень) золотой «лестницы» русской истории»²⁴⁹.

Название труда «Степенная» происходит от слова «степень» (ступень). Русская история в «Степенной книге» изложена, точнее, расставлена на 17—ти ступенях. Каждой степени был отведен самостоятельный раздел – «грань», которая в свою очередь подразделялась на главы. Поскольку в главах повествуется о достойных почитания деяниях, их нередко составляют жития святых, повести и сказания о чудотворных иконах. Отдельные повествования соединены в тексте с помощью летописи, адаптированной для читателя.

Разделение на степени осуществлено в соответствии с авторской концепцией. Все правления 1054–1113 гг. выделены в одну – третью – степень для того, чтобы, отказавшись от принципа изложения по старшинству, *выделить среди правителей в течение этих 59—ти лет в качестве главного первостепенного лица князя Всеволода, от которого идет линия владимирских князей*, а не старшего Ярославича.

Таким образом, вводился **принцип изложения русской истории по степеням**, когда главенствующий князь каждого рюрикова колена определялся не старшинством, а значимостью своей деятельности для государственной жизни Руси.

Группируя исторический материал по степеням, и повествуя о временах возвышения Москвы, составитель отказался от выделения великих княжений, принципиально характеризуя только княжения московские. В жизнеописании Даниила Александровича московского о нем говорится как о великом князе, хотя таковым он не был, поскольку не сидел на великом княжении, в отличие от своих сына, брата и отца. В «Степенной книге» жизнеописание князя Даниила поставлено в начало 9-й степени, в ее первую главу. Тем самым подчеркивалось его первостепенное положение среди князей в 9-м колене Рюриковичей, если вести счет колен от равноапостольного Владимира.

Русская история рассматривается в «Степенной книге» как **генеалогически единая цепь святых московских государей и их предков**, «богоутвержденных скипетродержателей». В центре каждой степени – биография государя, сопровождаемая сочинениями о митрополитах и святых, живших в то время. Многие биографии приближены к житиям святых. Новизна подхода к русской истории заключалась в ее биографическом преломлении. История Московской Руси была понята как череда сменяющих друг друга поколений московских князей и одновременно как история их благочестия.

В условиях опричнины «Степенная книга» осталась недописанной. Изложение русской истории в ней доведено до августа 1560 г. (до конца 7068 г.), однако в тексте есть упоминания о событиях лета 1562 г. и февраля 1563 г. На этом основании исследователи относят начало написания «Степенной книги» к 1560 г., а его завершение – к 1563 г. (от марта до декабря). Таким образом, *«Степенная книга» появилась в созидательный период царствования Ивана IV, по существу завершая его в области исторической мысли. Вместе с тем «Степенная книга» подводила предварительный итог развития древнерусской книжности старомосковского периода. Политические концепции «Степенной книги» использовались Иваном IV и его преемниками, поскольку фактор наследственного положения в истории России действовал как политический фактор.*

Легенда о происхождении русских государей от Августа обрела статус исторической истины. Иван IV был убежден в своем «римском» происхождении. По царскому примеру многие старинные роды русского дворянства начали создавать легенды о выезде своих предков из-за границы, в том числе «из Прус». Легенда вошла в официальную историософию, став устойчивой идеологемой. Происхождение правителя служило первостепенным основанием для при-

²⁴⁹ Сиренов А. В. Указ. соч. – С. 3.

своения ему особого статуса. История осмысливалась в категориях наследственного «самодержавства», поэтому в тексте использовался этот термин и его производные.

Генеалогическая концепция дополнила сложившуюся чуть ранее эсхатологическую концепцию – «Москва – Третий Рим». «Не совпадая, они сближались в определении точки отсчета: и «Ромейское царство», и династия Калитичей, ведущая происхождение от Августа-кесаря, во времена которого воплотился Христос, начинают свое историческое бытие в тот момент, когда «Господь в Римскую власть написася», т. е. был включен в перепись населения империи. Это для средневекового сознания было равнозначно благословению царствования Августа»²⁵⁰. Таким образом, историософское самописание Московской Руси осуществлялось под воздействием двух несходных, но родственных концепций.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте первые генеалогические концепции, их авторов и решавшиеся ими задачи.
2. Что представляла собой Степенная книга и в чем Вы видите ее значение?

Рекомендуемая литература

1. Власенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. – Ч. 1. – СПб., 1904.
2. Сиринов А. В. Степенная книга: история текста. – М., 2007.
3. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. – Т. 1 – М., 2007; Т. 2. – М., 2008.
4. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. – М.; СПб., 2009.

4.7. Публицистика как историографический источник

В конце XV – начале XVI вв. в условиях набиравшего силу процесса централизации Русского государства, вступившего на путь реформ, власть ставила вопрос о развитии идеи самодержавной власти московских государей, и на него активно рефлексировала общественная мысль.

Идеологическая устремленность письменного творчества в Московском государстве проявляла себя исключительно многогранно, в том числе, и в бурно развивавшейся публицистике. Расцвету публицистики способствовали интерес к современности и вера в силу слова и убеждения. Публицистика проникала в летопись, жития святых, в деловую письменность и другие жанры. Так много как в конце XV – начале XVI вв. на Руси никогда не спорили. Создавались сочинения, «напрямую сопрягавшие нравственно-религиозные и церковные вопросы с обустройством государства. Возникла и новая коммуникативная ситуация: в пределах одного языка культуры стали возможны различные, порой противоречащие друг другу позиции»²⁵¹.

Более 30, известных исследователям, русских публицистов XVI в. выражали интересы разных слоев русского средневекового общества. Наиболее изучены позиции представителей *духовенства* (Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, митрополита Макария, митрополита Даниила, Зиновия Отенского, Максима Грека, Ермолая-Еразма) – они не были безучастны к современным вопросам власти, ее отношению к церкви, ко внутрицерковным проблемам и социаль-

²⁵⁰ Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 408.

²⁵¹ Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 417.

ной политике; *боярства* (Федора Карпова, Андрея Курбского); *служилых людей и дворянства* («воинника» Ивана Пересветова); и *высшей государственной власти* (Ивана Грозного).

Созданные ими памятники публицистики русского Средневековья отличались смысловой и концептуальной насыщенностью, лаконизмом и композиционной стройностью. В них устанавливалась причинно-следственная связь временных планов, будущее совпадало с неким вариантом социального, государственного и духовного поведения, необходимость которого доказывалась, в том числе, и историческими примерами. Интерес к тематике современной истории рождал концепции, основанные на историософских представлениях, которые подкреплялись историческими знаниями, определялись кругозором и авторским выбором. Публицистическая форма изложения приносила новые функции в историографию. Она придавала остроту дискуссии, оттачивала выражаемые концепции, делала их более определенными и рельефными за счет вводимой терминологии, которая впоследствии закреплялась в истории мысли и в дальнейшем могла эволюционировать. В этом отношении представлениям, высказанным в конце XV в. и в XVI в., было суждено длительное существование. Русь поднялась из руин татаро-монгольского погрома, вновь вышла на арену мировой истории в качестве независимой державы. Решение Московским княжеством, затем царством задачи своего самоопределения в качестве самостоятельного государства неизбежно обостряло проблемы его внутренней организации. Заинтересованное отношение к этой проблеме отразилось в общественной и исторической мысли, в рамках которой появились разные идеологические течения и воззрения.

В публицистику XVI в. специалисты включают дидактические и учительные поучения эпохи Русского государства: «Публицистика вписывается в традиции всей средневековой культуры и связана с ней не только образами и архитепическими сюжетами, но и конвенциональными моделями»²⁵².

С 1480-х гг. и в течение XVI в. об идеале государя-самодержца размышляли современники. «Послание на Угру» Вассиана – архимандрита и духовника Ивана III «оказалось не только собранием идеологем и ярких метафор-символов, но и посредником, связавшим публицистику времен Ивана Грозного с литературой домонгольского периода»²⁵³. И в XVI в. «Послание» Вассиана служило образцом для жанра посланий церковных деятелей царям.

В пастырских проповедях XVI в. архиепископа новгородского и псковского Пимена (Черного)²⁵⁴ и архиепископа новгородского Феодосия²⁵⁵, обращавшихся к Ивану Грозному, как и в обращении до этого архиепископа Вассиана Рыло к деду царя – великому князю Ивану III, звучал единый призыв помнить о своих предках. Славное происхождение было тем аргументом, который подтверждал царскую богоизбранность и одновременно оно являлось необходимой предпосылкой суверенитета великокняжеской и царской власти. В посланиях пастырей оказались соединены формулировки летописей и торжественного красноречия. Используя готовые конструкции и обороты письма и речи, они сумели выработать концепт идеального княжеского и царского поведения, относящегося к прошлому и настоящему Руси и России.

Формула, согласно которой князья не только защищали Русь, но и покоряли другие народы, была традиционной и устойчивой с конца XV и в течение XVI вв.

В XVI в. в дискуссию включаются миряне. В 1540-х гг. профессиональным воинником Иваном Семеновичем Пересветовым (вторая половина XVI в., годы жизни не известны) созда-

²⁵² Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 418.

²⁵³ Там же. – С. 402.

²⁵⁴ Архиепископ Пимен ум. 1571 г. Его послание царю Ивану Грозному от 24 января 1563 г. посланное «под град Полтеск» включено в летопись. Он использовал прямые заимствования из послания на Угру Ивану III архимандрита Вассиана Рыло.

²⁵⁵ Архиепископ Феодосий (1491–1563) известен как автор посланий. Он активно поддерживал внешнюю политику Ивана Грозного, воодушевлял его на войну с Казанью. В своих посланиях он использовал произведения и современников, и предшественников. Его сочинения оказали влияние на творчество митрополита Макария.

ется «Сказание о Магмете-салтане». Его сочинения сохранились в списках 1620—1630-х гг. На страницах Никоновской летописи редакции 1630 г. (Никоновский извод Неполной редакции сочинений Пересветова) «Сказание» Пересветова дополняет «Повесть о взятии Царьграда турками» (известной на Руси как «Повесть» Нестора-Искандера) в обработке Пересветова.

Для Пересветова главной целью было моделирование такого будущего Руси, которое исключило бы повторение ею судьбы Византии. С этой целью он предлагал идеальную, с его точки зрения, модель земного царства, опираясь на существующие образцы. Так, Пересветов дал положительную оценку царству «Магмета салтана» (Мухаммеда II – завоевателя Константинополя) и отрицательную характеристику – последнему византийскому императору Константину XI Палеологу. Пересветов верил в великие достоинства «грозной» власти и ее способность искоренять «зло».

Размышления о причинах завоевания Константинополя турками были одной из излюбленных тем русской публицистики второй половины XV и XVI вв. Пересветов не принимал идеи освободительной миссии Московского царства. Ему представлялась более актуальной победа русских над Казанью.

Широкое распространение получает идеологема²⁵⁶ «царя-пастыря», поскольку «царская власть брала на себя особые функции, которые не ограничивались только управлением, но затрагивали духовную сферу, касались самого существа и даже назначения человеческой жизни»²⁵⁷.

Видным публицистом и мыслителем Московской Руси был ее царь Иван Грозный (1530–1584). Он оттачивал свою концепцию самодержавной власти в полемике с главным идейным противником – Андреем Михайловичем Курбским (ок. 1528–1583) – князем-рюриковичем, потомком великого князя Киевского Владимира Святого в десятом колене. По материнской линии Курбский был в родстве с первой супругой Ивана IV – царицей Анастасией Романовной²⁵⁸.

Идея самодержавной власти, как и титул «самодержец» заимствован у византийцев. М. А. Дьяконов задавался вопросом о том, как понимался в Москве византийский самодержавный идеал, в какой мере это понимание соответствовало действительности и что из него проникло в московскую политическую практику. Историк обращал внимание на то, что с понятием о самодержавии общество того времени прежде всего соединяло мысль о внешней независимости страны (на данное обстоятельство обратил внимание В. О. Ключевский), с которым М. А. Дьяконов был согласен²⁵⁹.

Курбский вступил в свой знаменитый спор с царем в 1564 г. До этого времени Курбский являлся ближайшим сподвижником царя, одним из его любимцев. Однако сразу же после своего бегства в занятый литовцами Вольмар (Валмиер) он написал первое послание царю.

В послании Грозному он резко критиковал развязанный царем террор. Получив летом того же года ответ царя, Курбский написал ему второе краткое послание в традициях гуманистической эпистолографии²⁶⁰. Он продолжал обвинять царя в гонениях на бояр и критиковал его за неумение вести споры и излагать свои мысли.

Оба оппонента рассматривали военные успехи представляемой каждым из них стороны в качестве доказательства правильности собственных взглядов. Поэтому они предпочитали писать письма каждый после своей победы. Так, второе письмо было написано Иваном Гроз-

²⁵⁶ Идеологема – элемент идеологической системы, устойчивое словосочетание, имеющее определенную идеологическую нагрузку.

²⁵⁷ Каравашкин А. В. Указ. сош. – С. 412.

²⁵⁸ «А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница», писал Курбский Грозному. Прадед А. М. Курбского Василий Борисович Тучков-Морозов и прадед Анастасии Иван Борисович были родными братьями.

²⁵⁹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб., 2005. – С. 292.

²⁶⁰ Литература писем, выражающая гуманистическую концепцию.

ным в 1577 г. после успешного похода русских войск в Ливонию. Военный успех послужил аргументом и основанием для письменного выражения Грозным в споре с оппонентом царского торжества. На это письмо Курбский ответил спустя год, когда военная обстановка изменилась в пользу Речи Посполитой. Наиболее болезненной в полемике Грозного и Курбского была тема о полномочиях государя в сфере внутреннего управления и династических притязаний.

Ретроспективная логика Грозного диктовала ему определенную упорядоченность составленных им пространных исторических обзоров. Добиваясь убедительности в воздействии своих аргументов и доказательности собственной правоты, Иван IV насыщал текст послания примерами, охватывающими историческое прошлое Руси в контексте мировой истории. Многие примеры, к которым обратился Иван Грозный, восходят к летописям и хронографам. По мнению исследователей, Грозный следовал «определенной традиции, находившейся на пересечении двух начал – полемического трактата и деловой посольской эпистолографии»²⁶¹. Своеобразие посланиям Грозного придает их диалогичность и ироничность, которые формируют определенный стиль ведения полемики.

Иван IV выстроил собственную теорию царской власти, суть которой он определил как православное христианское самодержавие: «Сего убо православия истиннаго Российскаго царствия самодержавство, божиим изволением почен от великого князя

*Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением...»*²⁶². Самодержавие, с точки зрения Грозного, прежде всего династическая власть. В Послании Курбскому Иван IV вел свою династическую линию через Владимира Святого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III и Василия III. В посланиях чужеземным правителям в качестве родоначальника династии царь называл либо Рюрика, либо римского императора Октавиана Августа.

*Иван Грозный считал, что многовековая династичность монархической власти является признаком величия государства. Царь-идеолог представлял свою власть данной от Бога и отданной ему в единоличное обладание, независимое от боярства, духовенства и вообще какой бы то ни было общественной силы. Вывод о том, что наличие в государстве разных властей приводит его к гибели, Грозный делал на основании понимания им исторического опыта Руси*²⁶³. *Отношения с подданными он выстраивал как отношения господина арабов. Царь отстаивал свободу царской власти от контроля со стороны подданных. В наказании «злодеев» он видел одну из главных функций царской власти.*

Согласно догме о вселенском значении московского государя была выработана соответствующая ей теория власти государя. Она еще при жизни деда и отца Грозного была сформулирована Иосифом Волоцким (1439/40—1515)²⁶⁴ и полностью усвоена их внуком – Иваном IV. В связи с теорией Иосифа Волоцкого, которую М. А. Дьяконов назвал «теорией теократического абсолютизма», возникла оппозиция духовенства, ориентированного на нестяжательство, которая проявила себя в публицистике. Иосифляне и нестяжатели разошлись в вопросе о политическом строе Московского царства и в вопросе о праве монастырей владеть недвижимыми имуществами, т. е. в насущном социальном вопросе.

²⁶¹ Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 442.

²⁶² Первое Послание Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1993. – С. 12.

²⁶³ Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. – М., 2003. – С. 108–110.

²⁶⁴ Иван Санин, основатель и игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, глава иосифлян, защищал церковное землевладение, боролся с нестяжателями, противниками монастырского землевладения. Главой нестяжателей был Нил Сорский. Разделял взгляды нестяжателей Максим Грек. Против церковного землевладения выступал А. Курбский, однако небескорыстно, а выражая позицию светских феодалов, настроенных против церковного землевладения.

Иосиф Волоцкий построил теорию власти с точки зрения преследования и казни еретиков (в реальной практике Московского государства – новгородских еретиков). *Иосиф учил, что московские государи поставляются от Бога самодержцами и государями всея Руси, что Бог избрал их на земле вместо себя и посадил на свой престол, даровал им милость и живот, вручив и меч вышней Божией десницы*²⁶⁵. Эту часть теории Иван Грозный воспринял полностью. Но он не продумал ее второй части, говорящей, что за грехи царя Бог казнит не только его самого, но и всю его землю.

Об этом размышляли позднее – пережившие Смуту современники и описавшие ее историки, в частности С. Ф. Платонов.

В полемике с Курбским Грозный повторил основные положения **теории теократического абсолютизма**, которая **получила официальный характер** и оказала влияние на последующие консервативные представления о власти.

Итоговым произведением русской публицистики эпохи Ивана Грозного является **«История о великом князе Московском» А. М. Курбского**, написанная на рубеже 1570-х гг. «История» стала важным этапом в развитии русской историографии. Она знаменовала **переход от погодного разделения повествования к повествованию тематическому** и представляла тенденцию, характерную в целом для исторических сочинений XVI в.

«История о великом князе Московском» А. М. Курбского была адресована не русскому читателю, а польско-литовской знати и выражала историческую концепцию опального царского воеводы. *Курбский положил в основание своей «Истории» систему конфликтов – царя и разумных избранников Божиих; мучителей и мучеников; Бога и дьявола.*

В «Истории» отчетливо выделяется сюжетное повествование об Иване Грозном и мартиролог погибших по его вине. Образ Ивана, представленный в начале «Истории», как «неправедного царя», по ходу изложения трансформируется в «сына сатаны», а завершается апокалиптическим «зверем». Эту эволюцию царя Курбский объясняет историко-психологическими факторами: дурной наследственностью и склонностями царя, своевольным характером и отсутствием у него должного воспитания. На страницах «Истории» отразился интерес Курбского к личности правителя, и была предложена вполне мирская и прагматичная версия ее толкования.

Особенности концепции самого Курбского проявляются в критике, которой он подвергает действия Ивана Грозного, и в противопоставлении собственных политических принципов – царским. Будучи сторонником государственного устройства времен «избранной рады», Курбский осуждает царя за отход от тех принципов управления государством. Идеальным для Курбского является государь, который прислушивается к голосу мудрых советников. Курбский видел причину бед России в окруживших царя злых советниках – иосифлянах, обличаемых им как пособников террора, а также в их злобном и дурном влиянии на Ивана Грозного. Таким образом, А. М. Курбский бросил вызов самому царю Ивану Грозному, его ближайшему окружению и иосифлянам.

«История» Курбского повлияла на трактовку царствования Грозного в более поздней историографии. Так, Н. М. Карамзин прописал ряд эпизодов и сюжетов «по-Курбскому». Гордые и законопреступные бояре, которые потворствуют дурным склонностям молодого великого князя, становятся прямыми виновниками многих несчастий. Юный монарх не знает сострадания к своим подданным, и в результате Божье наказание обрушивается на Свято-русскую державу. Великий пожар уничтожает Москву. Гнев Всевышнего может быть утолен только покаянием. В это время и появляется праведный Сильвестр, обратившийся к Ивану со спасительной проповедью. Поучение благочестивого протоиерея приносит добрые плоды, а на месте лукавых царедворцев оказываются мудрые наставники. Совпадение Божьей воли и

²⁶⁵ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – С. 293.

свободного выбора людей, согласно историософской логике Курбского, обеспечивает процветание государства²⁶⁶.

Своим учителем Курбский называл Максима Грека, с которым он встречался весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, когда сопровождал царя с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Возможно, Курбский являлся автором одного из «Сказаний о Максиме Греке».

И Иван Грозный, и Андрей Курбский были людьми книжными и образованными. Они знали цену слову и питали к нему глубокий интерес. Их концептуальный спор имел продолжительное влияние на историографию, оказывая воздействие не только в XVI в., но главным образом в следующем веке – XVII-м и позднее.

В России «История о великом князе Московском» Курбского стала известна только во второй половине XVII в. «Послания» Курбского (так называемые «Сборники Курбского»), как и сочинения многих публицистов эпохи Ивана Грозного, активно переписывались в XVII в., тем самым продолжая полемическую традицию, сложившуюся в России в XVI в.

Ей были присущи программная идейная направленность; связь высказываемых идей с кругом устойчивых идеологов, определявших облик времени; конфликтный, обличительный характер текстов.

Контрольные вопросы

1. Какие спорные вопросы обсуждались в публицистике XVI в.?
2. Назовите выдающихся публицистов XVI в.
3. Чьи интересы выражали отечественные публицисты XVI в.?
4. Какие черты были характерны для отечественной средневековой публицистики?

Рекомендуемая литература

1. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. – М.; Л., 1947.
2. Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. – М., 2000.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1993.

Выводы к главе 4

Обращение к национальной древности, национальной старине – не являлось особенностью отечественной историографии. Оно было присуще и другим европейским странам периода Предвозрождения и Возрождения, но в каждой стране имело свои формы и содержание. С распадом единого государства наследие Древней (Новгородской-Киевской) Руси не прекратило своего существования. Восприняв культурное наследие Древней Руси, Московское государство обрело мощный культурный фундамент для развития.

XIV–XV вв. в отечественной истории стало временем обогащения русской культуры. «Сокровищницей, богатства которой отвечали потребностям русского духа XIV в., когда началось возрождение Великой Руси, стала «вечностная» словесность православных балканских стран. Дух народа, определявшего себя как «православные», устремился вверх, к Вечному»²⁶⁷. Наступило так называемое второе южнославянское влияние. Восстанавливаются книжные и духовные связи русского и югославянского мира. Русь творчески воспринимала и перерабаты-

²⁶⁶ Каравашкин А. В. Указ. соч. – С. 451.

²⁶⁷ Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. – СПб., 2010. – С. 194.

вала многое из южнославянских стран и Византии. Этот процесс развивался до завоевания Константинополя турками в 1453 г.

В XIV в. перед Византией и Западной Европой встал выбор – остаться соучастниками вечной «Божественной деятельности», или устремиться в «окружающий тварный мир» и жить по его *временным законам*. Этот выбор двух путей восточного культурно-творческого обновления Православного Возрождения и европейского (западного) внецерковного Ренессанса был персонифицирован в расхождениях св. Григория Паламы и Варлаама Калабрийского, спорах исихастов и гуманистов-западников. В спорах рождалась диалогичная форма полемической литературы, которая получает распространение и в России. Исихазм, став международным общественным движением в XIV в., оказал влияние и на Русь. Обратившись к Северо-Востоку Руси, византийские исихасты стимулировали русское православное возрождение. Они стремились к одному только необходимому и считали недопустимым придаваться стяжательству. Идеи этой литературы хорошо усвоил преподобный Нил Сорский (ок. 1433–1508), чье имя олицетворяется с движением нестяжателей. Состав библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры показывает, что сочинения исихастов переписывали и читали в этой обители, начиная с ее основания. Интерес к ней был у основателя монастыря Сергия Радонежского, который, по словам Епифания Премудрого, «божественные сладости молчания вкусил».

На Балканах распространяется своеобразный тип культурного и общественного деятеля. «Разные по происхождению, они распространяются с Балкан по всей Восточной Европе, образуя, так сказать «наднациональное» сообщество. <...>... пересекая национальные границы, они остаются в живом контакте с жизнью Афона, константинопольской «вселенской» патриархией, с культурной жизнью византийских городов»²⁶⁸.

Сторонником нестяжателей был Максим Грек (ок. 1470–1555), проживший в России 37 лет. Его выбор православия был сознательным и осуществлен после десятилетней активной жизни в Италии. Будучи византийцем, он прошел обучение в Италии, служил у Джованни Франческо Пико делла Мирандола, сотрудничал с издателем Альдом Манунцием в Венеции. В Италии он сделал идейный выбор в пользу православия. В возрасте 36 лет Михаил Триволис постригся в афонском монастыре Ватопед под именем Максим. По поручению святогорских властей и просьбе великого князя Василия III с 1518 г. в течение семи лет Максим Грек работал над переводом духовных книг. В течение следующих семи лет (1525–1532) он находился в заточении в Иосифо-Волоцком монастыре без права литературной деятельности, которое ему вернули в 1532 г., отправив в Тверь под покровительство епископа Акакия. Из ссылки Максим Грек был освобожден через 15 лет по распоряжению Ивана Грозного и в 1551 г. переведен в Троице-Сергиеву лавру.

Процесс интегрирования отечественной историографии в международный православный контекст шел успешно благодаря развитию самой русской историографии. Ее вдохновляло историческое воспоминание о старом Киеве, киевском князе Владимире, былины Киевского цикла. Народная мысль видела в Киеве и его князе Владимире символ независимости, единства и силы Руси.

Историческое сознание и историческая мысль питали политическую мысль. На духовное наследие Киева и Владимира Залесского в XIV в. опирались не только Москва, но и другие возвышавшиеся русские центры, претендовавшие на общерусскую гегемонию – Тверь и Новгород. Историческая преемственность опиралась на традицию. Со времени Ивана Калиты (ум. 1340) «Москва позиционировала себя как средоточие Богородичного культа, как третий после Киева и Владимира престол Богородицы на Русской земле. Главный храм Москвы – митрополичий кафедральный собор Успения Божьей Матери в Кремле – официально именовался «Домом Пречистой Богородицы». Приверженцем этой московской традиции был и преподобный Сер-

²⁶⁸ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. – СПб., 2000. – С. 26–27.

гий Радонежский. Большинство основанных им монастырских храмов было посвящено праздникам Богородичного цикла»²⁶⁹.

В XIV–XV вв. проявляется осознание неповторимости эпох, событий, личности; тогда же находит формы для своего выражения историчность сознания. Реагируя на крушение Византии и в связи с появившимися перспективами сближения России с Западом, историческая мыслительная отечественная традиции заметно активизировалась в XV в.

Письменные тексты и произведения XVI в. были призваны оформить идеологию Московского царства. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения к государственной власти. И одновременно «прежние летописные своды стали постепенно перерождаться в компилятивные исторические сочинения, явно окрашенные, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, политическими тенденциями»²⁷⁰.

Публицистика придавала остроту мысли, стимулируя формулирование концепций и понятийного аппарата, активизируя интерес к современной истории. Участники борьбы «пытались объяснить ее происхождение или оправдать свой образ действий»²⁷¹.

Доминирующим оставался комплекс богословских, правовых и исторических представлений. В целом, он был ориентирован на создание «энциклопедических» сводов и исторических трудов. Масштабная канонизация, проводившаяся в 1547–1549 гг., также требовала документального и духовного обоснования. Преобладало стремление объединять, оперировать большим комплексом источников и отстаивать свою позицию. По словам В. О. Ключевского, «в историческом повествовании хронологическая последовательность как руководящий прием изложения заменяется *прагматическим подбором* явлений с целью установить их причинную связь, генетическое отношение»²⁷².

²⁶⁹ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. – М., 2014. – С. 377.

²⁷⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. – Пг.: 1920. – Кн. 6. – С. 14.

²⁷¹ Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – Т. VII. – М., 1989. – С. 153.

²⁷² Там же. – С. 149.

Глава 5

Историческая мысль «переходного» XVII столетия: от традиционных форм повествования к исследованию

5.1. Общая характеристика

XVII век вошел в отечественную историю и историческую мысль России как переходный: от древней, средневековой истории к истории новой России. В это время происходил коренной пересмотр взглядов современников на русскую историю. Россия многое пережила, и в ней многое изменилось.

Россия вступила в XVII век без Рюриковичей. Династия прервалась. Последний царь-рюрикович Федор Иоаннович умер в 1598 г. Вместе с ушедшей династией утратили актуальность и теоретические основания официальной генеалогической концепции.

Россия сохранила патриаршество. При Федоре Иоанновиче (1589) по решению вселенских патриархов глава Русской Православной Церкви Иов (ум. 1607) стал носить титул патриарха. Оставались задачи Третьего Рима, но Смутное время внесло в них коррективы. Пережив крушение русской государственности, столкнувшись с угрозой утраты национальной и православной идентичности, современники задались мучительным для себя вопросом – как такое могло случиться?²⁷³

Согласно выявленной В. О. Ключевским историографической закономерности, «общественные потрясения обыкновенно оказывают возбуждающее действие на историческое мышление»²⁷⁴. Крупные государственные и социальные невзгоды и бедствия, становятся теми поворотными моментами в истории страны, которые благоприятно влияют на «успехи» национальной историографии: «...историческая мысль успешно растет из полных кровью развалин <...>; бедствия гораздо больше, чем книги и лекции обучили людей истории»²⁷⁵.

В отечественной историографии XVII в. появилась новая фигура – исторический мыслитель, мемуарист: «...исключительные явления делали мемуаристов Смуты историками поневоле»²⁷⁶. Анализируя исторические воззрения «переходного» периода и определяя свойства этой «переходности», историографам следует определиться с хронологическими рамками и качественными характеристиками содержания, ответить на вопрос: «Где предел историографии переходной?»²⁷⁷

«Переходное время» для отечественной историографии заключалось в:

- проявлении сомнений в отношении единственной возможности трактовки религиозно-мистических учений, возникших в XVI в. и определявших целевые установки развития Российского государства;
- осмыслении в новых исторических условиях XVII в. исторических судеб русского народа и страны и их будущего;
- появлении новых форм письменного нарратива для изложения новых мыслей;
- наработке методов прагматической критики и исторического повествования

²⁷³ Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – Т. VII. – М., 1989. – С. 154.

²⁷⁴ Там же. – С. 155.

²⁷⁵ Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – Т. VII. – М., 1989. – С. 156.

²⁷⁶ Там же. – С. 154.

²⁷⁷ Там же. – С. 155.

- подготовке мыслительного поля для перехода от летописного и хронографического исторического повествования к историческому исследованию.

Все эти условия складываются в России к концу XVII.

С одной стороны, в исторической мысли XVII в. развернулась борьба противоположных тенденций, а с другой, в ней наблюдалось их сложнейшее взаимодействие. Такая противоречивость объяснялась тем, что традиционная древнерусская культура, достигнув в XVII в. пика своего развития, была уже чревата в своих недрах новыми явлениями. Зарождались новые тенденции, во многом связанные с освоением русскими людьми западноевропейского культурного опыта.

И в XVII в. центральным оставался вопрос о месте Руси, России во всемирной истории. Однако подходы к его решению менялись. Это было связано не только с тяжелыми испытаниями «смутного» времени, но и присоединением к Московскому государству Украины и Белоруссии, т. е. тех территорий, которые долгие годы находились под польским владычеством. Освободив православных малороссов и белорусов от польского латинского владычества, Россия оказалась на переднем рубеже борьбы одновременно с католическим Западом и мусульманским Востоком.

Исторические знания традиционно играли важную роль в развитии российской государственности. В XVII в. заметное влияние на их развитие оказывали государственные учреждения, и прежде всего, Посольский, а также Записной приказы. Большая роль этих государственных учреждений и думных чинов в сборе исторической документации и написании истории объяснялось необходимостью обоснования важности существования сильной внутренней государственной организации и власти для сохранения территориальной целостности России и ее развития.

В XVII в. в России появляется первая печатная книга по русской истории «Синопис» (обозрение) или «Краткое описание о начале русского народа», ставшая учебником для многих поколений русских людей.

5.2. Перемены в историческом сознании под влиянием испытаний «Смуты»

Угроза потери национальной и религиозной независимости в годы Смуты обернулась тяжелыми сомнениями в самодостаточности «Третьего Рима» и самой теории «Москва – Третий Рим». Стремительное «разорение» богоизбранного царства возрождало идею гибели Руси, популярную в XIII – начале XIV вв. Однако в новых условиях идея гибели Руси имела свои особенности.

Эмоциональным откликом на постигшие страну бедствия стал *«Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612)*. Анонимный автор «Плача» именует Москву «дщерью Нового Сиона», углубляя тем самым ветхозаветные аналогии идеалов-образов. Он оплакивал греховность Москвы («и покрылись мы ложью»), но одновременно подчеркивал идею ее богоизбранности. В исторический пессимизм автор не впадал.

В повествовании он переходил от следствия к рассуждениям о причинах печальных событий. Новыми также были попытки рассматривать причины с позиций исторического прагматизма²⁷⁸. Проявляется стремление определить конкретные грехи, которые виделись в моральном несовершенстве, а также конкретных виновников разорения Русского государства и социальные причины смуты.

Автор приходит к выводу, что Россия пала в грех по вине русских царей, которые несут за это личную ответственность. Тезис о виновности русских царей стал новым явлением в

²⁷⁸ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. — С. 312.

истории русской мысли и свидетельствовал о *кризисе традиционных представлений о роли государя в русском обществе*.

В условиях безвластия, засилья самозванцев в годы Смуты само понятие «царя» как «Помазанника Божиего» было поставлено под сомнение. По мнению автора «Плача», путь к спасению гибнущего государства показал патриарх Гермоген, которого он характеризовал как столпа благочестия, радетеля христианской веры, и которому принадлежали слова о всенародном покаянии. Автор высоко оценил исторический пример героической обороны Смоленска и его жителей, оказавшихся способными своим мученическим подвигом искупить всеобщие грехи.

В 1620-е гг. «Плач» читался по церквям во время праздничной службы иконе Казанской Божией Матери и имел общерусское распространение. Он включался в сборники, посвященные Смутному времени. Так, «Плач» был присоединен в качестве заключительной главы к «Сказанию Авраамия Палицына».

Примечательным памятником русской историографии о временах Смуты является *«Сказание об осаде Троицкого монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное одного же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным»*. В нем описаны события 1584–1618 гг. «Сказание» написано (ок. 1620) современником и участником важных событий.

Его автор – Авраамий, в миру Аверкий Иванович сын Палицын (умер в ссылке²⁷⁹ в Соловецком монастыре не позднее 1627 г.) в 1608–1619 гг. был келарем Троице-Сергиевой лавры. В дни осады лавры поляками он находился в Москве. В 1610 г. Палицын входил в состав посольства к польскому королю Сигизмунду III. С помощью богатых даров было получено подтверждение прав лавры. В 1612 г. Авраамий активно содействовал победе ополчения под руководством К. М. Минина (ок. 1570–1616) и Д. М. Пожарского (1578–1642). Палицын участвовал в Земском соборе 1613 г., на котором был избран русским царем Михаил Федорович Романов, первый царь из династии Романовых. По словам Палицына, сам он «о преславном начинании» «сем возрадовался».

«Сказание» стало обобщающим трудом Авраамия. Автор включил в него не только свои более ранние произведения, но также и отредактированные им же главы другого автора, архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Дионисия, предположительно написанные владыкой в 1610–1613 гг.

Палицын придерживался теории божественного происхождения самодержавия. Развивая ее, он возвеличивал род Романовых. В этом смысле Палицын считал русское государство незыблемым, способным преодолеть временные, пусть и тяжелые трудности.

Представления Палицына отражали сложившееся к 1613 г. убеждение, что царем в России может быть только человек православной веры, природный русский, только родственник последнего царя из династии Рюриковичей, тот на ком единогласно сосредоточатся желания всех людей Русского государства²⁸⁰.

Как и других современников, *Палицына интересовали причины произошедшей смуты. Он считал, что Россию погубило «безумное молчание»*.

Приведенный им фактический материал характеризует *социальные причины смуты. Средство спасения* от интервентов и унижения национального достоинства Палицын видел во *вдохновляющей идее патриотической борьбы и в усилении в России национального начала*, состоявшего, по его убеждению, в *понимании православного Русского государства как величайшей и жизненно необходимой святыни*.

²⁷⁹ Авраамий был вынужден уехать в 1619 г. в Соловецкий монастырь из-за неприязни к нему со стороны патриарха Филарета, возвратившегося тогда в Россию из Польши.

²⁸⁰ Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. – М.: Зерцало, 2003. – С. 143–144.

«Временник со седмой тысячи от сотворения света во осмой в первые лета» увековечил имя Ивана Тимофеева сына Семенова²⁸¹ (ок. 1555–1631). «Временник» – уникальное произведение²⁸².

Историки эпохи Смуты, к числу которых принадлежал и дьяк И. Тимофеев, обратились к новым формам исторического повествования. Старые летописно-хронографические подходы уже не подходили. Так, значительная часть «Временника» писалась Тимофеевым в Новгороде в последние, наиболее бедственные месяцы шведской оккупации (1615–1616), когда у него под рукой не было необходимых летописей и хронографов. Условия работы не располагали к компилятивному подходу. Да и сам хронографический подход не подходил для размышлений о том, чему были свидетелями авторы и современники, и что вызывало живейший резонанс у читательской аудитории, прежде всего, в узком кругу заказчиков. По словам В. И. Корецкого (1927–1985), «впервые в русской исторической литературе сложный психологический процесс зарождения и воплощения замысла, неотвратимые побудительные причины творчества» были описаны Тимофеевым «так глубоко и проникновенно»²⁸³.

Дьяк Пушкарского приказа и Приказа большого прихода И. Тимофеев – «книгочтец и временных книг писец» – в 1620-е гг. служил в Казанском приказе под началом Ивана Михайловича Воротынского (ум. 1628), ближайшего сподвижника полководца, князя Михаила Скопина-Шуйского.

Помимо Лжедмитрия Тимофеев негативно характеризовал царей Ивана IV, Бориса Годунова, Василия Шуйского, а также окольничего Михалку Татищева.

В расстановке таких «историографических акцентов» был заинтересован И. М. Воротынский, отец которого – полководец князь М. И. Воротынский скончался в муках по решению Ивана Грозного, а он сам был в опале при Борисе Годунове. Он служил М. Скопину-Шуйскому (крестному его сына Алексея) и не мог тепло относиться к В. Шуйскому, вина его в гибели полководца. Позднее И. М. Воротынский объявил В. Шуйскому о низложении.

И. М. Воротынский был почитателем И. Тимофеева и его «Временника»²⁸⁴. Для Воротынских «Временник» был «чем-то вроде родового летописца, сертификата «исторической чести»» и хранился в их роде до его угасания, после чего в 1699 г. рукопись была передана в монастырское книгохранилище (порукою по душе). До обнаружения рукописи П. Строевым в 1833 г., она не вводилась в историографический оборот²⁸⁵.

Тимофеев не придерживается хронологической последовательности изложения событий. Он называл свой труд «всесложением», поскольку его отдельные части писались в разное время, а затем были сгруппированы автором по тематическому принципу. Выяснивший это И. И. Полосин (1891–1956), пришел к выводу, что *памятник состоит из «64 литературно-самостоятельных произведений»*, и показал сложность состава и мозаичность изложения Тимофеева²⁸⁶.

В каждый временной промежуток написания перед автором стояли разные задачи. Так, фрагмент с историей и предысторией царствования Грозного был написан при жизни Федора Иоанновича еще до Смуты, когда могло появиться упоминание о нескончаемой идиллии

²⁸¹ В 1961 г. В. Б. Кобрин обнаружил в верейской писцовой книге 1626/1627 г., что в 1584 г. И. Тимофеев приобрел вотчину в Верейском уезде и его настоящая фамилия была Семенов. (См.: Кобрин В. Б. Новое о дьяке Иване Тимофееве // Исторический архив. – 1962. – № 1. – С. 246; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. – М.: Наука, 1986. – С. 176–177).

²⁸² Изучается с 1833 г. Обнаружен П. М. Строевым. Использовал С. Ф. Платонов.

²⁸³ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. – М.: Наука, 1986. – С. 191.

²⁸⁴ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. – М.: Наука, 1986. – С. 189.

²⁸⁵ Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 1997. – № 2(28). – С. 61–62.

²⁸⁶ Полосин И. И. Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. // Ученые записки МГПИ. – М., 1949. – Т. 60. – Вып. 2.

царствования Рюриковичей, невозможное в годы «всеконечного разорения». Последующие сюжеты о Грозном автор писал уже в годы Смуты (скорее всего, в период междуцарствия), подчеркивая историческую связь между опричными бедствиями и последующим политическим кризисом и интервенцией. Три века спустя это положение войдет в концепцию С. Ф. Платонова о Смутном времени.

Отдельным нарративным блоком выступают фрагменты новгородской эпопеи в годы Смуты и шведской оккупации. Тимофеевская «новгородиана», последняя, заключительная часть «Временника» открывается заглавием: «Летописец вкратце тех же предипомянутых царств и о Великом Новеграде, иже бысть во дни коегождо царства их». «Летописец вкратце» стоит обособленно от другого повествования о царствованиях второй половины XVI – начала XVII в. (до Шуйского), которое составляет основную часть текста.

Отдельный блок представляют фрагменты, написанные (1618) уже после попытки Владислава IV (1595–1648)²⁸⁷ вступить в политические права в Московии и возвращения Филарета из латинского плена. Филарет благоволил дьяку Тимофееву и его семье.

Тимофеев прерывает свое изложение отступлениями, рассуждениями и полемикой. Они характеризуют его мировоззрение и помогают понять авторскую оценку, даваемую историческим лицам и событиям. Автор исходил из представления для своего времени хрестоматийного, об истории Московского царства как фрагменте Священной истории, язык которой должен быть выдержан в духе принципиально иной словесности, нежели язык приказной канцелярии или «подметной» публицистики. Поэтому Тимофеев и прибегал к «искусственной церковнославянизации светского языка».

В тех случаях, когда при работе над текстом автор не имел возможности пользоваться подручным историческим материалом, он не прибегал к риторической патетике²⁸⁸. Помимо собственных впечатлений, воспоминаний и автобиографических сведений, источником Тимофееву служила изустная информация (версии об отравлении Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Скопина-Шуйского и т. д.).

В. И. Корецкий высказал предположение о возможном использовании Тимофеевым несохранившейся «Истории о разорении русском» Иосифа – летописи монаха келейника патриарха Гермогена, с которой работали последующие летописцы. «Историю» Иосифа высоко ценил В. Н. Татищев, делавший из нее выписки к подготовительным материалам своей «Истории Российской»²⁸⁹.

К сожалению, условия создания текста не способствовали тому, чтобы из черновых набросков и «мемуарных» записок родилось монументальное историческое произведение. Неслучайно во «Временнике» специалисты видят «некий историографический проект» или как заметил И. И. Полосин, *архив*, состоящий из отдельных тетрадок и проб пера, но не труд, специально подготовленный к «обнародованию»²⁹⁰. Поэтому «Временник Ивана Тимофеева» называют смелым, новаторским «проектом», «нереализованным моментом ранней российской историографии»²⁹¹. Вместе с тем создание «Временника» стало «главным патриотическим подвигом» дьяка Ивана Тимофеева²⁹².

Тимофеева отличало мастерское владение уникальным для его времени историческим методом изложения и ученость, выходящая за пределы общедоступных палей и азбуковников.

²⁸⁷ В 1610 г. Семибоярщина свергла царя Василия Шуйского и избрала царём 15-летнего Владислава.

²⁸⁸ Рыбаков Д. А. Указ. соч. – С. 63.

²⁸⁹ Корецкий В. И. Указ. соч. – С. 229.

²⁹⁰ Рыбаков Д. А. Указ. соч. – С. 65.

²⁹¹ Рыбаков Д. А. Указ. соч. – С. 65.

²⁹² Корецкий В. И. Указ. соч. – С. 191.

Подводя итог сказанному, следует выделить наиболее существенные факторы, вызвавшие перелом в историко-нарративных практиках под воздействием Смуты: московский династический кризис, гражданскую войну и интервенцию.

Контрольные вопросы

1. Какие изменения наблюдаются в XVII в. в осмыслении вопроса о месте Руси, России во всемирной истории?
2. Какие перемены происходят в историческом национальном сознании в результате испытаний «Смуты»?
3. Назовите «историков-мыслителей» (мемуаристов), составивших труды и охарактеризуйте то новое, что они привнесли в историографию.

Рекомендуемая литература

1. Временник Ивана Тимофеева / пер. О. А. Державиной. – М.; Л., 1951.
2. Временник Ивана Тимофеева // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. – М., 1987.
3. Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. – М.; Л., 1951.
4. Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001.
5. Полосин И. И. Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – Т. 60. – Вып. 2. – М., 1949.
6. Сказание Авраамия Палицына / подг. текста и комментариев О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. – М.; Л., 1955.

5.3. Историки – «чиновники». Роль Посольского и Записного приказов в развитии исторических знаний. «Скифская история» А. И. Лызлова – первая научная отечественная монография. Концепция династии Романовых Ф. И. Грибоедова

Посольский приказ, предшественник Коллегии, а затем Министерства иностранных дел России, на протяжении более 200 лет (XVI–XVII вв.) относился к центральным учреждениям с общегосударственной компетенцией²⁹³. Во второй половине XVII в. в период царствования Алексея Михайловича (1645–1676) и Федора Алексеевича (1676–1682) Посольский приказ был культурным и идеологическим центром России. Профессиональные переводчики трудились над составлением справочников, исторических трудов и даже стихотворным переводом. Среди них были талантливые люди, которые привнесли в историческое повествование документальность, поскольку при составлении текстов опирались на делопроизводственную письменность. Таким образом, думные чины Посольского приказа были проводниками тенденции, характерной для литературы и исторического повествования XVII в., – тесной связи повествовательного текста с делопроизводством.

К концу XVII в. в архиве Посольского приказа хранились документы великокняжеского и царского архива: духовные и договорные грамоты, акты избрания царей и поставления патриархов, остатки делопроизводства верховного и центрального управления XIV–XVI вв. и др. материалы. Они не только использовались в справочных целях в повседневной дипломати-

²⁹³ Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. – М., 2003. – С. 9, 14.

ческой работе, но служили Источниковой базой исторических книг, написанных в стенах Посольского приказа думными чинами, его служащими. Направлением работы приказа стало составление трудов по истории страны, утверждающих величие России и ее международный авторитет.

Известны сочинения не только действовавших сотрудников, но и бежавших из России лиц, которым за границейгодились навыки, полученные ими в Посольском приказе. Перед теми, кто сбежал, не стояло программной патриотической установки. Вполне объяснимо, они проявляли враждебную настроенность к России, получившую отражение в их текстах.

Одним из таких бежавших за границу авторов был Григорий Карпович Котошихин (Кошихин) (казнен в Швеции в 1667), бывший подъячий Посольского приказа. После побега из России в Польшу он перебрался в Пруссию и далее в Любек и в Швецию²⁹⁴. По заказу шведского правительства с «ободрения» государственного канцлера Швеции графа Магнуса Делагарди в 1666 г. *Котошихин составил «Описание Московского государства, различного сословия людей, в нём находящихся, и их обычаев, как во время радости, так и во время печали, а также описание их военного дела и домашней жизни».*

Наибольший вклад в составление книг по истории внес Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682)²⁹⁵, глава Посольского приказа в 1671–1676 гг. На этом посту он сменил А. Л. Ордина-Нащокина. Матвеев имел одну из самых больших библиотек в России. Под его руководством был составлен справочник по дипломатической переписке – «Большая государственная книга» или «Титулярник», а также «История русских государей, славных в ратных подвигах, в лицах» и «История избрания и венчания на царство Михаила Федоровича».

Матвеев считал, что Россия должна все свои силы сосредоточить на решении важнейшей проблемы – присоединении Правобережной Малороссии. В присоединении Малороссии к России Матвеев видел «прицепление естественной ветви к ее историческому корню». Он считал, что об уступке Киева полякам «и помыслить страшно». Свои концептуальные представления он старался реализовать, будучи дипломатом, и содействуя упорядочению малороссийских дел, усилению в Малороссии московской власти.

В «Титулярнике» впервые была воспроизведена иконография московских государей и патриархов с конца XVI в., а также портреты и титулы тех монархов Европы и Востока, с которыми поддерживала дипломатические отношения Россия. Текст, доказывающие законность и преемственность династии Романовых от Рюриковичей и ее богоизбранность, писали дипломат и писатель, выходец из Молдавии Николай Гаврилович Милеску-Спафарий и подъячий Посольского приказа Петр Долгово. В создании миниатюр «Титулярника», подчас имевших портретное сходство, участвовали ученики Симона Ушакова: И. Максимов, Д. Львов, Г. Благошин и др.²⁹⁶ Поскольку большое внимание было уделено описанию отношений России с государствами и народами Запада и Востока, «Титулярник» стал первой книгой по истории внешней политики России²⁹⁷.

Первой научной монографией можно по праву считать «Скифскую историю» (1692) стольника Андрея Ивановича Лызлова (род. в 1650-е гг. – ум. не ранее 1697), выдающегося историка допетровской эпохи, участника Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695–1696) походов.

Труд Лызлова готовился для Посольского приказа, находившегося в 1680-е гг. в ведении В. В. Голицына, под командой которого Лызлов служил во время Чигиринских и Крымских

²⁹⁴ В 1666–1667 гг. он жил в Стокгольме под именем Ивана Александра Селицкого, где был обвинен в убийстве своего домохозяина и казнен.

²⁹⁵ А. С. Матвеев. Дипломат. Воспитывался при царском дворе вместе с будущим царем Алексеем Михайловичем; был воспитателем Н. К. Нарышкиной – матери Петра I. Погиб во время стрелецкого бунта.

²⁹⁶ Историография истории России до 1917 года / под ред. М. Ю. Лачаевой. – Т. 1. – М., 2003. – С. 72.

²⁹⁷ Там же.

походов. Практическое предназначение работы и предопределило ее принципы: прагматизм и отсутствие провиденциализма.

Главный труд Лызлова посвящен истории обороны России и героическому сопротивлению, которое оказывалось турецким завоевателям. Автор подробно излагает ход осады Константинополя в 1453 г., анализирует причины успехов осман, указывая на «междоусобные христианские развраты и нестроения», стяжательство и захватнические тенденции правителей западных стран. Он пишет, что из всех европейских правителей на призыв византийского императора помочь в борьбе с турками откликнулся только московский князь Василий Дмитриевич, приславший ему в конце XIV в. с монахом Иродионом Ослебятеем «много казну». ***Важнейшим уроком гибели Византии Лызлов считает необходимость объединения перед угрозой завоевания, разума и стремления к миру.***

Показывая силу Османской империи, которой она обладала к концу XVII б., тем не менее, Лызлов подчеркивает, что даже в моменты наивысших военных успехов Турция была уязвима. Опираясь на факты, он подчеркивает, что в результате упорного народного сопротивления в разных странах турки периодически терпели поражения, и формулирует тезис о том, что их военные победы преходящи. К концу XVI в. все ощутимее для турок становилось сопротивление им в Европе. Лызлов проводит мысль о необходимости единства действий европейских народов во главе с Россией против турок, подготавливая концептуальное обоснование будущего наступательного внешнеполитического курса.

Возможность создания международной коалиции против Османской империи Лызлов доказывает, характеризуя героев сопротивления, среди которых были представители разных стран и народов. В их числе: генуэзец Джованни Джустиниани Лонго, герой обороны Константинополя в 1453 г.; венгр Иоанн Гунеад (Янош Хуняди, по прозвищу Корвин) (1407–1456), прославившийся в сражении на Косовом поле в 1448 г. во время обороны Белграда. Он задержал продвижение турок в Венгрию. Милош Обилия – сербский герой Косовской битвы 15 июня 1389 г. Албанский князь Георгий Кастриоти (ок. 1405–1468) руководил борьбой албанского народа против османских завоевателей. Он имел связи с венгерским героем Иоанном Гунеадом. Таким образом, Лызлов поставил задачу координации и объединения усилий для противостояния, а в дальнейшем и борьбы с грозным противником.

Лызлов анализировал этногенез восточных народов, объяснял особенности мусульманской религии, раскрывал сложности международных отношений в Европе в XIV–XV вв. с целью выявления перспектив развития Российского государства. Для Лызлова «скифская история» является широким понятием, которое включает в себя этническую историю восточных и южных соседей славянских племен, проблему взаимоотношений Руси с кочевниками, историю Золотой Орды и тех татарских юртов, на которые она в конце концов распалась, а также историю турок Малой Азии и особенно Османской империи, южного соседа Российского государства, отношения с которым к концу XVII в. стали выходить на первый план в российской внешней политике. Не случайно наиболее подробно освещены сюжеты, связанные с историей Османской империи и ее вассала – Крымского ханства – в то время злейшего врага Российского государства. Лызлов рассмотрел характер подчинения Крымского ханства Османской империи.

История Лызлова стала первым в России исследованием истории Османской империи и Крыма, османо- и крымско-русских отношений. В создании такой работы Лызлов опередил европейскую (французскую, английскую и венецианскую) историографию, также проявлявшую в то время интерес к Османской империи и собиравшую о ней сведения. Французский король Людовик XIV (1639–1715) издал специальные указы о сборе сведений об Османской империи. Его усилия поддерживали кардинал Ришелье, позднее – Ж. Б. Кольбер. В то время французское посольство в Стамбуле было научным центром, собиравшим турецкие рукописи.

Французские дипломаты проходили специальную стажировку, что позволило им стать первыми французскими учеными-востоковедами.

Лызлов в Османской империи и Крымском ханстве не бывал. Но свое исследование он создал на основании максимально возможного тогда привлечения источников и литературы и их критического анализа. Лызлов привел обширный список использованной им отечественной и зарубежной литературы на русском и польском языках, а также латыни. В числе русских источников *Лызлов активно пользовался «Степенной книгой» и «Синописом», «Историей о великом князе московском» А. М. Курбского. Одним из первых Лызлов применил историографический метод.*

Лызлов изучил «Описание Европейской Сарматии» Алессандро Гваньини (1538–1614), но в ряде случаев он отдавал предпочтение «Хронике...» М. Стрыйковского, которой доверял, не учитывая характера изложения событий в летописях, и делал ошибки в датах, именах и фактах.

Отказавшись от компиляции как способа написания текста, Лызлов сопоставлял разные историографические источники, выявлял расхождения в сообщениях и оценках разных авторов, делал отсылки к источникам. Труд Лызлова позволяет судить о высоком уровне исторических знаний в России в конце XVII в. Характер критической работы Лызлова с текстами дает основание говорить о «Скифской истории» как о важном этапе в становлении русской исторической науки и вкладе Лызлова в отечественную историографию. Это было первое в отечественной литературе сочинение, в котором рассматривалась история тюркских народов.

«Скифскую историю» А. И. Лызлова высоко ценили историки XVIII в.: В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, П. И. Рычков.

3 ноября 1657 г. для написания новейшей истории России, возвышающей роль Романовых, царь Алексей Михайлович подписал указ о создании **Записного приказа**, чиновникам которого предстояло написать **продолжение Степенной книги, от правления царя Федора Иоанновича до правления царя Алексея Михайловича.**

Записной приказ просуществовал два года, но своей основной задачи не выполнил. Размышляя об историографической значимости деятельности Записного приказа, М. Б. Свердлов оценил ее с позиции предлагавшихся подходов, в частности, дьяком Тимофеем Кудрявцевым, а также общей историографической ситуации в историческом знании России и Европы, и ожиданий царя Алексея Михайловича. «Конструктивное значение деятельности Записного приказа, – по мнению М. Б. Свердлова, – прослеживается в том, что уже в середине XVII в. она создавала условия для написания многопланового исторического произведения о новейшем периоде истории России, а также для формирования нового, нелетописного метода изучения ее древней истории»²⁹⁸.

Продолжение средневекового подхода к изложению исторических событий в жанре Степенной книги, т. е. последовательного изложения «царского родословия» по «степеням и граням царственным» было уже не осуществимо после смерти последнего царя-рюриковича Федора Иоанновича (1598). Историческое повествование о последующем избрании на царство Земским собором Бориса Годунова (1598), а позднее Василия Шуйского (1606), событий Смутного времени, польской интервенции и избрания на царство Михаила Романова (1613) требовали иных оснований. Предстояло структурировать идею династической преемственности Рюриковичей и Романовых, которая собственно и занимала царя Алексея Михайловича.

Дьяк Записного приказа *Тимофей Кудрявцев* предлагал иные темы исторических сочинений: «воинские походы на их государских окрестных неприятелей, и бояр, и воевод посылки с ратными людьми на окрестные ж неприятели их государские», «о милосердном примирении

²⁹⁸ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – С. 92.

великих государей царей Российских к окрестным их неприятелем государским», «поставления патриархов на пресловущий град Москву и митрополитов, и архиепископов, и епископов во грады», «о поставлении вновь градов и иных достохвалных государственных дел и всякого строения при державе великих государей царей Российских»²⁹⁹. При такой постановке вопроса отсутствовало главное, с точки зрения царя

Алексея Михайловича, рассказ, сконцентрированный вокруг высоты царского сана. Подход Кудрявцева не создавал требуемой идеологической опоры власти Романовых, поэтому царя Алексея Михайловича он не вдохновил.

Стремление русских мыслителей понять истинные причины катастрофы, постигшей русскую государственность в начале XVII в., побуждало обращаться их к аналогичным событиям в жизни других государств³⁰⁰. Важным фактором, который воздействовал на содержание исторических произведений в России в середине и во второй половине XVII в., а также позднее, были польские и австро-немецкие работы по истории России, которые, в свою очередь, отражали интерес, существовавший на Западе к Русскому государству.

Опираясь на русский перевод «Хроники» польского историка М. Стрыйковского, Т. Кудрявцев предлагал начинать древнейший период русской истории не с правителей – Гостомысла и Рюрика с братьями, а с ранней истории славян, к предкам которых тогда относили сарматов. Для такого научного, нового по тому времени подхода дьяк испрашивал разрешения царя³⁰¹.

Исторические предпочтения царя имели большое значение. Однако царь Алексей Михайлович не собирался отказываться от традиции возведения своего великокняжеского рода к Прусу, а тем более следовать поляку М. Стрыйковскому. Предложение последовать западному, в данном случае польскому, образцу оказалось для царя неприемлемым.

Задачу, поставленную царем Алексеем Михайловичем перед Записным приказом, спустя десять лет решил дипломат, дьяк приказа Казанского дворца, а позднее Разрядного приказа *Федор Иоакимович (Иванович, Акимович) Грибоедов* (ок. 1610–1673), прапрадед А. С. Грибоедова, знаменитого автора комедии «Горе от ума».

Ф. И. Грибоедов стал первым официальным летописцем династии Романовых. Ему давались царем сложные поручения, он участвовал в составлении Уложения 1649 г. *Выполнил Грибоедов и царское пожелание написать обобщающее произведение по русской истории, подготовив к началу 1669 г. «Историю о царях и великих князьях земли Русской».* Позднее к его труду добавляли записи о новых событиях. Для возвышения Романовых над другими потребовалась помощь преданий, генеалогического подтверждения того, что власть московских государей являлась результатом многовековой работы русской истории. Поэтому центральным сюжетом стала история царского рода.

На первый взгляд «История...» Грибоедова опирается на «Степенную книгу». Кратко ее пересказав, иногда на нее ссылаясь и цитируя, автор сохранил периодизацию по степеням, событийную канву и поучительный тон.

Но под «прикрытием» старины Грибоедов создавал новую схему династического порядка самодержавного царства. В новых исторических условиях, когда с пресечением династии Рюриковичей выродился порядок разделения территории государства между детьми, и создавалась основа для развития абсолютистских тенденций, Грибоедов осознанно не последовал в изложении начальной истории царской династии за хорошо знакомой ему «Степенной книгой».

М. Б. Свердлов обратил внимание, что *Грибоедов устранил из повествования события военно-политической истории Руси.* Александр Ярославич назван Грибоедовым «Невским», но

²⁹⁹ Там же. – С. 91.

³⁰⁰ Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. – М., 2003. – С. 139.

³⁰¹ Свердлов М. Б. Указ. соч. – С. 91.

о его победе над шведами не сообщается. Говорится, что он поехал в Орду к «царю» Берке «по многих преславных победах на татар и на немец», хотя побед у Александра над монголо-татарским войском не было. Также и Дмитрий Иванович назван «Донским», но о победе на Куликовом поле речи не идет³⁰².

Краткое изложение династической истории Рюриковичей Грибоедов продолжил до царствования Ивана IV, создав его идеализированный портрет. Перед автором стояла задача не просто конкретизировать генеалогические связи, подтверждающие родство Рюрика и императора Августа, а показать родство с ними бояр Романовых, и таким образом установить генеалогическую связь Романовых с Рюриковичами. Тем самым бояре Романовы оказывались на недостижимой для других княжеских родов высоте.

Важнейшим концептуальным фактом у Грибоедова является женитьба царя Ивана IV на Анастасии Романовне Романовой, так как этот брак соединил династию Рюриковичей с боярским родом Романовых. Вторым важнейшим фактом, демонстрировавшим укрепление династии и вместе с ней легитимность власти Романовых и их прав на престол, являлось царствование одного из трех сыновей от брака Ивана Грозного с Анастасией Романовой – Федора Иоанновича (1584–1598).

Соединив матримонially две династии – Рюриковичей и Романовых, Грибоедов приступил к разрешению следующей задачи – повышению статуса рода Романовых, и возведению его к Прусу и Августу, к которым уже была возведена династия Рюриковичей в XVI в. Через общее родство проводился тезис об уравнивании происхождения двух династий – Рюриковичей и Романовых.

После того, как Грибоедов справился с основной задачей, он перешел к подробному изложению последующих событий, показывая драматизм положения рода Романовых в 1598–1612 гг. Особое внимание автор уделил гонениям на Романовых со стороны Бориса Годунова.

За свой труд Грибоедов получил щедрое вознаграждение от царя Алексея Михайловича, что свидетельствует об удовлетворении царя. **Романовы, бояре по происхождению, оказывались в равном положении с Рюриковичами. Остальные княжеские ветви не были уже ровней недавним боярам Романовым³⁰³.**

Рождавшемуся русскому абсолютизму требовалось идеологическое обоснование. С помощью генеалогического повествования создавалась необходимая власти концепция, которая была оформлена «в соответствии с новейшей эстетикой западноевропейского классицизма».

Концепция Грибоедова, принадлежавшая к официальной историографии (М. Б. Свердлов пишет о «придворной историографии»), являлась не столько анахронизмом, сколько она отражала формирующиеся новые реалии.

Контрольные вопросы

1. Почему Посольский приказ становится культурным и идеологическим центром России во второй половине XVIII в.?
2. Что нового привнесли в историческое описание думные чины Посольского приказа?
3. Какую задачу ставил царь Алексей Михайлович перед Записным приказом, и какой подход к истории предложил Т. Кудрявцев?
4. В чем Вы видите значение труда А. И. Лызлова «Скифская история»?
5. Какую оценку Вы можете дать генеалогическому труду Ф. Грибоедова?

³⁰² Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – С. 97–98.

³⁰³ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России – С. 99.

Рекомендуемая литература

1. Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII века. О Записном приказе. – М., 1903.
2. Богданов А. П., Чистякова Е. В. «Да будет потомкам явлено...»: очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. – М., 1988.
3. Лызлов А. Скифская история. – М., 1990.
4. Лызлов А. Скифская история. – М., 2012.
5. Рогожин Н. М. У государевых дел быть приказано... – М., 2002.
6. Чистякова Е. В. Формирование новых принципов исторического повествования: этюды по русской историографии конца XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. – Т. 3. Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII вв.) / отв. ред. А. Н. Робинсон. – М., 1971. – С. 171–184.

5.4. Первый печатный труд по российской истории – «Синописис». Концепция русского единства

«Синописис», по-гречески, означает обозрение. В Византии составителей синописисов называли синоптиками. В изданном в 1674 г. в Киево-Печерской лавре «Синописисе» было дано систематическое изложение истории, которое содержит отобранные и представленные в хронологическом порядке краткие сведения об основных событиях русской истории, имевших, с точки зрения автора, судьбоносное значение для народа и государства.

Наблюдения над «Синописисом» как историческим произведением позволили ученым сделать вывод о том, «что идея исторического единства и преемственности была декларирована уже в названии книги, которое с соответствующими коррективами повторяла первые строки «Повести временных лет», включенной в более поздние летописные своды»³⁰⁴.

Таким образом, название отражало цели труда и его концепцию: *«Синописис или краткое собрание от разных летописцев, о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого <...> великаго князя Киевского и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках <...> державы его Российской <...>»*.

С созданием и изданием «Синописиса» связано имя *Иннокентия Гизеля* (1600–1683) – богослова, проповедника, просветителя, церковного и общественного деятеля.

Существуют два взгляда на роль Гизеля в появлении «Синописиса». Согласно одному, признается его авторство, согласно другому, в Гизеле видят скорее цензора, редактора и публикатора изданий в типографии Киево-Печерской лавры, где был издан «Синописис». Так считали А. С. Лаппо-Данилевский, И. А. Шляпкин и др.

Иннокентий Гизель родился в Кенигсберге (ныне Калининград, а тогда Пруссия) в протестантской семье. Переселившись в

юности в Киев, Гизель принял православие. По некоторым сведениям, он начал свое образование в Киевском братском училище, а затем по рекомендации своего наставника Киевского и Галицкого митрополита Петра Могилы был послан учиться за границу. Закончил Гизель свое обучение курсами истории, богословия и юриспруденции в Львовской латинской коллегии. Петр Могила (1598–1647)³⁰⁵ накануне своей кончины завещал Иннокентию Гизелю

³⁰⁴ Свердлов М. Б. Указ. соч. – С. 101.

³⁰⁵ Святитель Петр Могила был сыном молдавского господаря Симеона Могилы. После смерти отца семья уехала на тер-

титул «благодетеля и попечителя киевских школ» и поручил ему надзор за Киево-Могилян-ской коллегией, названной в честь ее создателя Петра Могилы Могилянской. Ректором этой коллегии Гизель стал в 1648 г.

В том же году начинается национально-освободительная война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. После подписания Переяславского договора 1654 г. Киев стал пограничным городом и несколько десятилетий жил в постоянной угрозе нападения и разорения со стороны Речи Посполитой.

В 1656 г. Гизель был поставлен архимандритом Киево-Печерской лавры. С 1659 г. до 1661 г. и в 1665 г. Киево-Могилянская я коллегия не работала из-за разрушений, нанесенных ей военными действиями, ставших следствием притязаний поляков на Киев. После вхождения Киевской митрополии в состав Московского Патриархата (1686) и заключения «Вечного мира» с Польшей (1686) началось возрождение Киевской коллегии. В 1689 г. ее ректор Иосаф Кроковский впервые прочел богословский курс, что свидетельствовало о повышении статуса учебного заведения.

Факт издания «Синописа» в тот период, когда Киево-Могилянская коллегия не работала (1674), является выражением духовно-политической позиции, имевшей целенаправленный просветительский характер. *Через всю первую печатную книгу по русской истории красной нитью была проведена объединительная русская идея, которая опиралась на исторический опыт прошлого, период исторического единства, общий для Украины и России.* «Синопис» отражал общественный интерес на Украине и в России к этой теме.

Появление «Синописа» стало проявлением одной встречающейся в истории закономерности, когда объединительные культурно-конфессиональные национальные тенденции особенно ярко проявляются на периферии тех земель и ареалов расселения народов, которые находятся в соседстве с чужеродной культурой и подвержены гнету чуждой государственности. При известной духовной готовности они инициируют центристские процессы. В историографии 1670-х гг. русская объединительная идея отстаивалась церковными кругами Юго-Западной Руси, находившейся в составе Речи Посполитой. Наиболее ярко эти взгляды выразил автор «Синописа» – сторонник воссоединения Украины с Россией при одновременном сохранении автономии украинского духовенства. Поэтому «Синопис» стал фактом не только историографии, но также истории политических идей и идеологии³⁰⁶.

Концептуально идея общности славянских народов аргументировалась наличием единого прародителя – Мосоха, шестого сына Афета, внука Ноя. Единство Великой и Малой Руси было основано на местном происхождении славян и русских, что в «Синописе» подтверждалось авторитетом древних авторов и сочинениями польских историков. Также идея общности доказывалась наличием единой государственной традиции Киевской Руси для всех восточных славян, и тем, что у них была единая династия – Рюриковичи.

Логика изложения вела автора к *выводу о едином русском или православном народе. Рус- сийская история излагалась в «Синописе» как обоснование необходимости объединения*

риторию современной западной Украины. Петр предположительно учился сначала в Львовской братской школе, затем продолжил образование в европейских университетах. Был на воинской службе в Польше. Принял православие и монашеский постриг. В 1627 г. стал архимандритом Киево-Печерской лавры. В 1631 г. участвовал в открытии школы в Киево-Печерской лавре в надежде поставить ее в уровень с европейскими, в основном польскими, образцами. Встретив сопротивление киевлян такой системе обучения, Петр способствовал объединению своей школы с братской школы, которая в 1632 г. стала именоваться Киевской коллегией. Преподавание латинского и польского языков открывало православным студентам путь к европейской науке. Превратить коллегия в академию не дал польский король Владислав, не разрешивший создать богословский факультет. В результате выпускники Киевской коллегии для завершения богословского образования отправлялись в католические академии Польши и западноевропейские университеты. Следствием стало глубокое проникновение латинской схоластики в православную науку, позднее названное «латинским пленением» русского богословия.

³⁰⁶ Свердлов М. Б. Указ. соч. – С. 100.

Украины и России. Идеи единства славного прошлого «Славяно-Российского» или «Российского» народа определяли преемственность его истории и власти от «самодержавия» князей киевских до царя Алексея Михайловича. Таким образом, осмысление идеи самодержавной власти давалось в ее тождестве с отечественной историей³⁰⁷.

Идеи «Синописа» «отражали не только сохранявшуюся в славянских странах память о единстве происхождения славянских народов, но также реалии XVII в. – отражение натиска Османской империи и ее союзников крымских ханов Польшей и Россией в союзе с Австрией», что имело следствием создание «Священной лиги» (1684)³⁰⁸.

Гизель добросовестно указывал исторические источники, которые он использовал. Основное содержание «Синописа» он почерпнул из «Хроники» М. Стрыйковского и комплексов исторической информации, обобщенных польскими историками. Русские летописи Гизель знал плохо. В античной литературе Гизель выявил роксолан. Следуя созвучиям и народным этимологиям, он объяснил происхождение этого этнонима как соединение *россов* и *аланов* в народ «роксоланы, аки бы росси и аляны».

В отечественной исторической науке о роклосанах позднее писали М. В. Ломоносов (1711–1765) и Д. И. Иловайский (1832–1920).

Древнейшее название Москвы Гизель выводил «от имени праотца Мосоха». Особое значение Киева в древнерусской династической истории подчеркивалось за счет удревнения даты его основания (431). Гизель следовал идее преемственности династий Рюриковичей и Романовых.

Принцип изложения «Синописа» являлся переходной формой от летописания (составления хроник), характерного для Средневековья, к историческому научному исследованию, ставшему основной формой осмысления истории в Новое и Новейшее время.

В течение 100 лет «Синописис» выполнял роль учебника русской истории. В. Н. Татищев указывал на «Синописис» как источник своих взглядов. По «Синописису» изучал русскую историю М. В. Ломоносов. Элементы схемы «Синописа», относящиеся к единству Великой и Малой Руси, встречаются у авторов многотомных «Историй» Российского государства, России и лекционного «Курса русской истории» Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. «Синописис», безусловно, оказал влияние на отечественную историографию.

В то же время с «Синописа» и его концепцией как совместного наследия великорусов и малороссов боролись украинские националисты, в частности, М. С. Грушевский (1866–1934).

Контрольные вопросы

1. Что такое «Синописис»?
2. Какую роль сыграл «Синописис» в распространении исторических знаний?
3. Охарактеризуйте концепцию «Синописа».
4. Расскажите о жизни и творчестве И. Гизеля.

Рекомендуемая литература

1. Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). – М., 2006.

³⁰⁷ Там же. – С. 100, 105.

³⁰⁸ Там же. – С. 102.

5.5. Кризис концепции «Москва – Третий Рим». Формирование предпосылок для рождения исторической науки в России

В середине XVII в. идеологические разногласия среди сторонников представлений о России как об избранной Богом державе стали основанием для церковного раскола. В понимании царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и «придворных боголюбцев» Россия являлась «Новым Иерусалимом».

Для того, чтобы стать центром вселенского православия, страна должна была превратиться в пример абсолютного православного благочестия. Используемый для такого превращения инструментарий включал создание зримого идеального образа средствами архитектуры и его духовного и мыслительного наполнения в письменности и книжности.

Церковное строительство в Москве и зримый образ Нового Иерусалима – Ново-Иерусалимский монастырь на р. Истре, построенный Никоном и названный в 1657 г. царем Алексеем Михайловичем «Новым Иерусалимом», были призваны убедить, что Москва превращалась не только в мистический, но географический и политический центр истинно-православной веры, избранный Самим Богом для Своего присутствия и благословения³⁰⁹. Объединению православных церквей под покровительством России благодаря силе примера придавалось большое значение. В будущем предполагалось государственное соединение православного Востока с Россией путем отвоевания Константинополя у турок.

В середине XVII в. в России государственная власть и православная церковь взяли курс на преодоление многовекового религиозно-идеологического изоляционизма и проведения церковной реформы с целью сближения русского православия с греческой церковью. В 1653–1667 гг. была проведена унификация русских и греческих образцов. Реформа опиралась на «грекофильство» – идейное направление, известное в России с 1620-х гг., в основании которого лежали представления об истинности исключительно греческих образцов, от которых русская православная церковь якобы отошла в течение веков, последовавших за принятием христианства. Согласно данной логике, русская православная церковь нуждалась в серьезном исправлении и приближении к «общепринятым» канонам, т. е. греческим канонам. В середине XVII в. в качестве ориентира, к которому предстояло стремиться, было избрано греко-византийское направление духовного и культурного развития.

Однако у реформы по греческим канонам оказалась и другая сторона. Она проводилась еще и с целью ослабления влияния западноевропейской культуры или «латинства», усилившегося после присоединения Украины к России.

Парадоксальность в реализации намерения следовать греческим образцам состояла в том, что большую часть работы по «исправлению книг» делали т. н. приглашенные «справщики». В основном, они были выучениками латинских и униатских учебных заведений, знали польский язык и латынь. Часто это были киевские справщики, ориентированные на западноевропейскую культуру и ее польские образцы. Таким образом, над реализацией линии правительства сориентировать русскую культуру на греческие православные образцы трудились сторонники «латинства», привнося западноевропейский рационализм и собственно само «латинство», против которого русская православная церковь собственно и боролась. Процесс взаимопроникновения и взаимодействия культур шел напряженно и драматично. В результате изменения общего духовно-политического курса в стране развернулась мощная, глубокая и трагическая идейно-религиозная борьба за сохранение древней обрядности. Выступая за самобытность, сторонники древнего благочестия – старообрядцы («раскольники») – обосновывали свою правоту с помощью исторических материалов, апеллируя к решениям Стогла-

³⁰⁹ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 308.

вого Собора 1551 г., закрепившего самобытные правила Русской Православной Церкви. Так, двоеперстие, от которого в середине XVII в. власти потребовали от православных отказаться в пользу троеперстия, всего за сто лет до этого тем же православным властями было запрещено менять под угрозой анафемы.

В отечественную историю XVII век вошел как «бунташный». Его социальные катаклизмы описывали не только духовные, но и светские авторы. Так, *«Историю об астраханском бунте казака Степана Разина и о убиении в оном митрополита Иосифа, боярина князя Прозоровского и многих воевод»* написал боярский сын Петр Алексеев Золотарев, служивший при митрополите Иосифе (1597–1671) Астраханском Терском до мая 1671 г.³¹⁰

О значении «Астраханского сказания» Золотарева в тематической историографии крестьянской войны (восстания) под руководством С. Разина (1667–1671) современные историки Е. В. Чистякова и В. М. Соловьев образно написали: «Еще звучали выстрелы со стен астраханского кремля, бушевали ожесточенные схватки Крестьянской войны, а первый ее историк уже тайно вел свои записи, чтобы спустя восемь лет составить о ней первое летописное сказание». В написанном им сказании (Золотаревском летописце) «он излил свою ненависть к восставшим, накопленную за полтора года тревожной жизни в захваченной разницами Астрахани, но в то же время и запечатлел свидетельство очевидца об этом «бунташном» времени. С тех давних пор ведется изучение и осмысление этого крупного народного движения эпохи феодализма»³¹¹.

Золотарев использовал в качестве источников собственные дневниковые записи, а также материалы приказной палаты, архиерейского дома, житийную литературу и устные свидетельства очевидцев. *Новым для жанра «Сказания» стало индивидуальное авторское толкование действий людей, объяснение логики их поведения в конкретных жизненных обстоятельствах и описание самих обстоятельств.*

«Сказания» составлялись и духовными авторами «в память предыдущим родам» и в напоминание о мучениках, пострадавших за православную веру от воров и изменников. Так, были написаны *«Сказание о явлениях и чудесах пресвятые владычицы нашей, нарицаемая Тихвинская, об избавлении града Цивильска от нахождения казаков Степана Разина со товарищи»* и *«Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков»*.

Появилось *«Известие о бунте и злодействах донского казака Стеньки Разина»*. В традиционное летописное повествование были включены списки рассказа о восстании С. Разина из *«Гистории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его»*.

В XVII в. действовали разноректорные идейные тенденции. Развивалось знание, появлялись новые формы учебных заведений. В создании первого учебного заведения в России по типу западноевропейских университетов Славяно-греко-латинской академии в Москве (1687) важную роль сыграли представители «латинства».

Представители «латинства» поставили под сомнение истинность почти двухвековой русской религиозно-философской традиции – считать Россию особой, богоизбранной державой, «Третьим Римом». В 1667 г. на Большом московском соборе осудили «Повесть о белом клобуке», мистическом символе «Третьего Рима» и его чудесном появлении на Руси, как лживую повесть, написанную Дмитрием Толмачом (Траханиотом или Герасимовым).

Зародив сомнение в общественном сознании, данный подход в дальнейшем послужил «идейной подоплекой будущих реформ Петра I»

Церковная реформа (знаменитый «раскол») стала первым шагом к сближению России с западноевропейской культурой. На русскую почву были привнесены элементы рационали-

³¹⁰ Митрополит Астраханский и Терский Иосиф был убит 11 мая 1671 г. казаками Васьки Уса, оставленного Стенькой Разиным в Астрахани. Иосиф был канонизирован в лике священномученика.

³¹¹ Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. – М., 1988.

стической философии. Одновременно начали терять свою актуальность религиозно-мистические учения о «богоизбранности» России.³¹²

Виднейшим представителем «латинства» после смерти Симеона Полоцкого (1629–1680)³¹³ стал его последователь просветитель *Сильвестр Медведеву в миру Симеон Агафонович Медведев (1641–1691)*. Медведев являлся автором исторического сочинения «*Созерцание лет 7190, 91 и 92, в них же содеяся во гражданстве, посвященного событиям стрелецкого бунта 1682 г.*». После казни Медведева (1691)³¹⁴ на его сочинения был наложен строжайший запрет, они были приговорены к уничтожению. В его творчестве выразилась объективная потребность освоения отечественной мыслью нового для нее опыта рационалистического мышления. Продолжая линию Симеона Полоцкого, Сильвестр Медведев все же от него отличался тем, что ему были также близки и понятны традиционное русское понимание православного учения и события русской истории.

На умственную интеллектуальную атмосферу в России традиционно оказывали сильное влияние воззрения царя. В краткое царствование Федора Алексеевича (род. 1661) с 1676 г. по 1681 г. были созданы новые возможности для изучения истории России. Царя Федора Алексеевича история интересовала. Его взгляды на русскую историю отличались как от представлений своего отца – царя Алексея Михайловича, так и от воззрений его младшего брата по отцу – будущего императора Петра I.

В конце царствования Федора Алексеевича появился проект создания книги по истории России с древнейших времен, который, однако, не успел осуществиться. Одним из приближенных царя были записаны общие идеи, на основании которых предполагалось написание «Истории...». Это открытие, сделанное Е. Е. Замысловским, было условно названо исследователем «Предисловие к исторической книге, составленное по повелению царя Федора Алексеевича». Это «Предисловие» затем активно анализировалось в историографии. Ему давались высокие оценки как свидетельству приближения Нового времени (А. С. Лаппо-Данилевским)³¹⁵.

В отношении определения автора «Предисловия» высказываются разные гипотезы. Одни его видят в переводчике Посольского приказа книжнике Николае Милеску-Спафарие (Д. Т. Урсул), другие в царском окольничем Алексее Тимофеевиче Лихачеве (Е. В. Чистякова, А. П. Богданов).

Царь-философ Федор Алексеевич не был удовлетворен существовавшими русскими историческими сочинениями и желал иметь книгу, соответствующую современным требованиям западной исторической науки, и исходил из необходимости иметь, наконец, «официальный курс русской истории»³¹⁶.

Мысль о значении науки для укрепления и прославления государства была ему не чужда. Сам царь хорошо знал античную литературу. Видимо, неслучайно, рассуждения о месте истории в познании, о задачах и методах историка опирались исключительно на античную греческую и римскую традицию (Аристотеля, Платона, Геродота, Фукидида, комментариев к Гомеру, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Тацита). Царь поддерживал строгие требования античных авторов к достоверности изложения, выявлению причин событий посредством доказательств. В «Предисловии» был дан новый образ государя – покровителя наук

³¹² *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. – М., 2001. – С. 309–310.

³¹³ Симеон Полоцкий, в миру Самуил Емельянович Петровский-Сит-нианович, белорусский и русский общественный и церковный деятель, наставник царских детей.

³¹⁴ Сильвестр Медведев оказался одним из главных врагов Петра I, поскольку в 1682 г., когда к власти пришла царевна Софья, он участвовал в подделке решения о передаче ей власти при малолетних царях Иване и Петре. После отстранения в 1689 г. от власти Софьи, Медведев арестовали и расстригли. В 1691 г. он был публично казнен.

³¹⁵ Оценки «Предисловия» см.: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – С. 106–107.

³¹⁶ По выражению А. П. Богданова, которое используется в историографической литературе.

и искусств, царя-философа, характерный для западноевропейской культуры второй половины XVII в., эпохе классицизма и барокко³¹⁷.

Характерным представляется отсутствие в историографии предполагаемого труда ссылок на церковные авторитеты. Из современной литературы автор опирался на учение о смене известных по источникам четырех древних царств (библейского Израильского; Ассиро-вавилонского и Персидского; эллинистической империи Александра Македонского; Римской империи с Византией), как проверенное и подтвержденное всеми историками. Учение о четырех царствах не подразумевало преемственности между ними. И одновременно оно отрицало возможность использования теории «Москвы – Третьего Рима».

Отказ от теории «Москва – Третий Рим» был обусловлен не столько заимствованием нового учения, сколько произошедшими изменениями в русском историческом сознании и приращением исторического знания.

Самосознание подданных новой мировой державы, которые, включая крепостных крестьян, приносили присягу новому царю (ее отменил Петр I, повелев, чтобы за рабов приносил присягу помещик) соответствовало мощи государства. Царь Федор Алексеевич был уверен, что научную историю России в состоянии написать только русский, и не сомневался, что историческая книга принесет пользу ученым других народов. Эта историческая книга должна была описывать достоверные события в их связях и последовательности и быть, по мнению царя, критической и прагматической. Вслед за древнегреческим историком II в. до н. э. Полибием (автора многотомной «Всеобщей истории»), царь Федор Алексеевич считал, что *без причинно-следственных связей история становится басней*. Теория «Москва – Третий Рим» не выдерживала критики в области исторического знания именно вследствие своей отвлеченности от причинно-следственных связей.

³¹⁷ Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. – С. 110.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.